

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

This book is
FRAGILE.
Please handle with care
and do not photocopy.

Duplicate pages
can be obtained from
the microfilm version
available here at Tozzer.

Thanks for your
help in preserving
Harvard's library collections.

Russkija skazki i rybny

РУССКІЯ СКАЗКИ И ПЪСНИ

вз Сибири

v Sibiru

и другіе матеріалы.

i drugi materialy

MITTHEILUNGEN

der Krassnojarsker Unter-Abtheilung der Kaiserlichen Russischen Geographischen Gesellschaft.

RUSSISCHE SAGEN UND LIEDER
IN SIBIRIEN.

Band I.

Lieferung I.

Krassnojarsk.

1902.

zapiski

ЗАПИСКИ

Красноярскаго Подъотдѣла

Krasnoyarskogo pod'otdela

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

vestочно-sibirskago otdela

~~ИЗДАНИЕ~~

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Russkogo geografskogo obshchestva.

По этнографіи.

po etnografii

ТОМЪ I. том I

ВЫПУСКЪ 1.

выпускъ 1

Изданъ подъ редакціею А. В. Адрианова.

izdan pod redaktsiei A. V. Adrianova

КРАСНОЯРСКЪ.

Енисейская Губернская Типографія.

1902.

Krasnoyarsk

Geographical Society
Administrative Committee
Nov. Dec. 17, 1931

L. Soc. 100.2.6.4.1

Печатается по постановлению Распорядительного Комитета Красноярского
Подъотдела И. Р. Географического Общества.

Русскія сказки и пѣсни въ Сибѣри .

и другіе матеріалы.

Содержаніе.

Предисловіе

1

1. Сказки, собранныя А. А. Манаренко въ Казачицкой волости, Енисейскаго уѣзда, Енис. губ.

1. Мужикъ и красное солнце	13
2. Братъ и сестра (Косоручка)	14
3. Икона Микола	15
4. Незнайка	17
5. О царевнѣ и ея трехъ сыновьяхъ (По локоть въ серебрѣ, по колѣно въ золотѣ)	24
6. Вѣщіе сны	27
7. Царевна лягушка	29
8. О попѣ и работникѣ Миколѣ	30
9. Миколушка	32
10. Какъ дуракъ добылъ огонь	32
11. Сыно-глинка	34
12. Дѣвица въ свиной кожѣ	34
13. Тархъ Тараховичъ	36
14. Жена колдунья	36
15. Лиса и котъ	37
16. Царь и пьяница	37
17. Копейка	38
18. Кисель	39
19. Солдатъ и старуха	39
20. Кто лучше скажетъ	40
21. Сестры-невѣсты	40
22. Слѣпая невѣста	40
23. Продавецъ иконъ	41
24. Сибирякъ и бродяга	41
25. О тщетѣ многомоленія	41
26. Чортъ-работникъ	42
27. Стрѣлецъ и гуси	43
28. Три загадки	43
29. Красавица солдатка и ея гардеробъ	44

II. Сказки, записанныя Н. А. Адриановой въ Ираснеярскомъ у., Енисейской губерніи.

	Страницы.
30. Птичка—носокъ какъ спичка	49
31. Солдатъ и мужикъ	49
32. Объ Ивашкѣ и вѣдьмѣ	50
33. Солдатъ и царская дочь	51

III. Сказка, записанная М. А. Адриановой въ Минусинскѣ.

34. О богатырѣ Иванѣ Сучичѣ	57
---------------------------------------	----

IV. Сказки, записанныя А. В. Адриановымъ въ деревнѣ Жилиной Барнаульскаго у., Томской губерніи.

35. Короста (По локоть руки въ серебрѣ, по колѣно ноги въ золотѣ)	63
36. Иванъ, крестьянскій сынъ (Семь дочерей Яги Ягицны. Доставленіе царю гуслей-мыслей)	65
37. Иванъ, крестьянскій сынъ (Поѣздка на корабль самоплавъ за царской дочерью, увезенной змѣею)	69
38. Иванъ дуракъ (Чортова флейта)	72
39. Безручка	74
40. Падчерница	76
41. Глинышекъ	78
42. Шуть Яшка	79

V. Сказки, записанныя А. В. Адриановымъ отъ В. А. Палкина, уроженца Бійскаго у., Томской губерніи.

43. Кощеева дочь	85
44. Подарки вихря	88
45. Маранда царевна	89
46. Елена прекрасная	91
47. Птичій и звѣриный языкъ	92
48. Три Ивана, названные братья (Рога)	93
49. Голь-голета	96
50. Петръ I воръ	97
51. Николай Чудотворецъ	99
52. Иванъ, купеческій сынъ	101
53. Крестьянскій сынъ (По колѣно ноги въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ)	103
54. Сивка, бурка, вѣщая каурка	105

VI. Сказки, записанныя Г. Н. Потанинымъ отъ В. А. Палкина.

55. Русая Руса, тридцати братьевъ сестра	111
56. Лѣнь и Отець	114

57. Молочный братъ Христа	114
58. Илья Муромецъ	114

VII. Сказки, записанныя г-жей Жилинской въ Курганскомъ у., Тобольской губернии.

59. Кузнеченочъ (По колѣно ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ)	117
60. Воръ Барма	120
61. Обманутые барыня и барянь	122
62. Строгий зять	123
63. Чудо Николая Святителя	125
64. Домна ворожейка	127

VIII. Побывальщинки, заговоры, поговорки, пословицы, присказки и т. п.

<i>Побывальщинки: I—IV</i>	131—133
<i>Заговоры: 1—2. Заговоры отъ змѣи</i>	133—134
3. Заговоръ отъ уроковъ	134
4. Заговоръ отъ зубовъ	134
5—7. Заговоры при ловлѣ волковъ	135
8—9. Заговоры при добычѣ звѣря	135—136
<i>Загадки</i>	136
<i>Пословицы</i>	136—137
<i>Присказки</i>	137

IX. Пѣсни, собранныя въ разныхъ деревняхъ Енисейской, Томской и Тобольской губерній.

I. Пѣсни, собранныя Н. А. Адриановой отъ крестьянонъ с. Шилинскаго, Красноярскаго у., Енисейской губ.

Хороводныя.

1. На горѣ было въ большомъ логу	141
2. Я пойду-ли во конюшенку новую	141
3. Во саду было, во вишеньѣ	142
4. Ужъ ты, верба, ты, верба моя	—
5. Шла по жердочкѣ	—
6. Озера, озера	—
7. Посѣяли дѣвки ленъ	143
8. Варила Маша похлебочку	—
9. Какъ по тропкѣ, по тропинкѣ	144
10. Дѣвица лужечкомъ шла	—
11. Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы	—

<i>Круковыя.</i>	<i>Страницы.</i>
12. Конь по бережку похаживаетъ	144
13. Ночь темна, заря мѣсячна	—
14. Бѣлѣ панѣ, бѣлѣ панѣ	145
15. Какъ у насъ въ кружкѣ	—
16. Кому вечеръ, кому вечеръ	—
17. У ключа, ключа, у кнучаго	—
18. У ково-йто крашены ворота	146

II. Пѣсни, записанныя А. В. Адриановымъ въ д. Жилиной, Барнаульскаго у., Томской г.

А. Проиглосныя.

19. Распечально сердце	146
20. Сидѣлъ, сидѣлъ, думалъ, думалъ	—
21. Вечерчикъ вечерится	147
22. Не плачь-ко, не плачь, моя любезная	148
23. Хорошъ Ваньша родился	—
24. За рѣчкой, за рѣкой	—
25. Сколько лѣтъ я зарекался	—
26. Объ чемъ дѣвчонка плачешь	149
27. Дѣвка пріяла, поприяла	—
28. Межъ двухъ березъ протекала вода	—
29. Походи-ко, милицкой, за мною	150
30. Не листочки въ полѣ прошумѣли	—
31. Изъ Тобольска въ Томскъ бѣжала повозка	—
32. Вышелъ Ваня за ворота	151
33. Зажурился чумачишко	—
34. Иностраннѣй былъ трактирщикъ	—
35. Мамашка дочкѣ говорила	152
36. Братъя мои, братъя	—
37. Остаются наши дома	—
38. Ночи темны, тучи грозны	153
39. Вечеръ, вечеръ-вечерокъ	153
40. Распотѣшите молодца	—
41. Сидѣлъ за рѣшеткой орелъ молодой	154

Круковыя.

42. Соберемтесь, дѣвки, въ кругъ	154
43. Какъ у насъ было на горѣ	155
44. По лугу, лугу вода со льдомъ	—
45. Заскочилъ козеликъ въ огородикъ (Женитьбенная)	—
46. Во городѣ во Казани (Женитьбенная)	—

Плясовыя.

47. Хожу, хожу по бережку	—
-------------------------------------	---

48. Изъ-за ельничку, березничку	156
49. Во полѣ, во полѣ, въ широкомъ раздольи	—
50. Раззоренная путь дорожка (пѣсня про 12-й годъ)	157

III. Пѣсни собранныя въ Курганскомъ уѣздѣ и др. мѣстахъ Тобольской губ.

1. Пѣсни, записанныя А. В. Адриановымъ въ с. Мостовскомъ. Мостовской вол.

51. Что же ты, лучиночка	157
52. Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ	—
53. На севоднишней денечикъ	158
54. У дѣвченки, у лебедки	—
55. Отправлялся милюнькой за Дунай гулять	—
56. Ночешную ночи загуляли богачи	159
57. Звагъ-то Васинька, другъ-товарищъ	—
58. Запили ребята, загуляли молодцы	160
59. По славной по улочкѣ	—
60. Загуляла красна дѣвушка	161
61. Ты скажи, скажи, Алеша	—
62. Сидѣлъ молодецъ въ темницѣ	162
63. Изъ ельнику, изъ березнику	—
64. У воротъ, воротецъ	163
65. Бѣдинькой мальчишко	—
66. Ты, поповна, поповна моя	164

2. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ д. Окатьевой, Иковской волости.

67. По улочкѣ по шведской	164
68. Запретъ я буланка	—
69. Вечеръ въ вечеру	165
70. Во этимъ во лѣсочкѣ	—
71. Звонокъ звенить	—
72. Изъ-за рощицы зеленой	166
73. Молодой чумашикъ	167
74. Вышелъ мальчикъ за ворота	—
75. Не варила, не пекла	—
76. По заулку шла	168
77. Вечора Орина весела хѣдила	—

3. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ д. Притыкиной, Иковской волости.

78. Шкатулочка новобронзовая, золоченая	169
79. Отъ заросла до заросла	—

	Страницы.
80. Гдѣ мы съ тобой, миленькой, не хаживали	170
81. Изъ-за лѣсу, изъ-за колку	—
82. Не ходи-ко, бѣль-кудрявой	—
83. Я спущуся подъ горочку	—
84. Тамъ убили молодого казака	171

4. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ с. Боровомъ-Карачты,
Бѣлозерской волости.

85. Шли съ горки мы на гору	171
86. Выходили красны дѣвушки	—
87. Во столовой новой горенкѣ	—
88. Что въ нонѣшномъ годочкѣ	172
89. Заныло сердечко ретиво	—
90. На мѣстѣ на пустомъ	173
91. Ты гори, моя лучинка	—
92. Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ	—
93. При долинь кустъ калинушки стоитъ	174
94. Что у Дунюшки много думушки	—
95. Сизинькой голубчикъ	—
96. Эй, Карлыша, не робѣй	—
97. Ужъ ты, гулянка, зачѣмъ ты ко мнѣ въ гости не летаешь	—
98. Послала Ваню мати	175
99. Не сиди, Дуняша, поздно вечеромъ	—
100. Вышелъ мальчикъ за ворота	—
101. На вѣчорочкахъ сидѣли	176
102. Ужъ ты матушка Россей	—
103. Подъ окошечкомъ сидѣла	—
104. Ужъ ты, милая моя	177
105. На болотѣ, на рему чеечка кладется	—

5. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ д. Варашевой, Сычев-
ской волости.

106. Розанъ мой, розанъ	177
107. Соколы, соколы, въ куда летали	178
108. Ванчикъ, кудрявчикъ мой	—
109. Я затопила избушку	—
110. Ъхалъ мой-то милый	179
111. Нынѣшнее лѣто оводливое было	—
112. На зорѣ было, на зоринкѣ	180
113. Ужъ ты, Ваня, разудала голова	—
114. Развесела наша канпаньюшка	181
115. Зоря-ли моя, зоринька	—
116. Ясинькой соколикъ	—

	Страницы.
117. Ты не пой-ко, не пой, соловьюшко	182
118. Похотѣла меня мать за Ивана отдать	—
119. Постоите, ребята, чужо пиво пить	183
120. Надь быстрой рѣкой	—
121. По Дону гуляетъ казакъ молодой	184
122. Погуляйте, погуляйте-ко, ребята	—
123. Веселымъ веселехонько	—
124. Есть у вора, у маера на дворѣ	185
125. Ходила младешинька по долинкѣ	—
126. Не ходи, моя милая	—
127. Я ходила по крутымъ по берегамъ	186

6. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ дер. Луговой.

128. Пошла въ сини съ гарасинномъ	186
129. Потерялся мной мой	187
130. Фартовая—изъ трехъ любишь котораго	—
131. На поминочекъ мной оставилъ	—

7) Пѣсни, записанныя Е. В. Адриановой въ с. Падеринскомъ.

132. Ахъ вы, ночи мои	188
133. Проходи-ко скушное время поскоря	—
134. Веселитесь всѣ мои подружки	—
135. На зорѣ было, на зоринькѣ	—
136. Мой аленькой цвѣточикъ	189
137. Саша, Маша, радость наша	—
138. Разосени комарочки-пискуны	—
139. Сяди день суббота	190
140. Ваня бѣлой, кудреватой	—
141. Изъ-за ельничку, березничку	—
142. Я вѣчоръ млада во пиру была	—

8. Пѣсни, записанныя Е. В. Адриановой въ с. Самаровскомъ, Тобольскаю округа.

143. Вылеталъ голубокъ	191
144. На горахъ высоко	—
145. Во саду-ли, въ огородѣ	—
146. Не стой, Ваня, у окошка	192
147. Какъ къ обѣднѣ звоняють	—
148. Ишшо по сѣнямъ, сѣнничкамъ	192
149. Ты шкатулка, шкатулка моя	—
150. У моего милого есть коричневый кафтанъ	193
151. Грушица, грушица зеленая	—
152. Не воркуй, голубокъ, желобнешевко	—

	Страницы.
153. Еще что это за шоголь	—
154. Я посю лебеду на берегу	—
155. Идетъ дѣвка, идетъ дѣвка семилѣтка	194
156. За рѣченкой дымъ, дымъ	—
157. Ишшо што было во нынѣшнемъ году	—
158. За рѣчинькой черемошникъ	195
159. Горенка, горенка новинькая	—
160. Какъ на крышечкѣ воробей	—
161. Мимо садику дороженька торна	—
162. Не въ высокиѣ терему	—
163. Лѣтъ семнадцати дѣвченочка	196
164. Хотъ ты бабка, хотъ отгадка	—
165. Приходилъ ко мнѣ дѣтина	—
166. Шелъ Ванюшка долиной	—
167. Какъ подъ яблонью кудрявой	197
168. За Кубанью рѣкой	—
169. Покатились двои санки	198
170. Изъ-за лѣсу, перелѣсу	—
171. Отъѣзжаетъ милой	198
172. Со невѣрною сторонки	—
173. Сѣдни день суббота	199
174. Молодинькой Ванюшка	—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое собраніе сказокъ чуть ли не первое собраніе сибирскихъ сказокъ, издаваемыхъ отдѣльнымъ сборникомъ. Въ Сибири до сихъ поръ было мало записано русскихъ сказокъ, и всѣ онѣ разбросаны отдѣльными образцами по разнымъ изданіямъ. У Афанасьева есть нѣсколько сказокъ, кажется перепечатанныхъ имъ изъ «Пермскаго Сборника» и записанныхъ крестьяниномъ Шадринскаго уѣзда Зыряновымъ въ окрестностяхъ Долматова монастыря; одна или двѣ сказки записаны въ Тобольскѣ Худяковымъ и напечатаны имъ въ одномъ изъ выпусковъ его «Великорусскихъ сказокъ». Вотъ, кажется, и все, что напечатано.

Сказки нашего собранія записаны А. А. Макаренко въ Казачинской волости Енисейской губ., А. В. Адриановымъ въ Минусинскѣ и въ Бійскомъ уѣздѣ Томской губ., г-жей А. В. Жилинской въ Курганскомъ уѣздѣ Тобольской губ. и иной въ Бійскомъ уѣздѣ. Онѣ записаны съ различнымъ соблюденіемъ правилъ, которыя предъявляются наукой собирателямъ. Въ нѣкоторыхъ записяхъ замѣтно стараніе придерживаться народнаго говора, въ другихъ этотъ говоръ нисколько не сохраненъ. Вполнѣ правильно, съ соблюденіемъ всѣхъ отличій сибирскаго говора, ни одна сказка не записана. Нѣкоторыя сказки переданы совершенно свободно записывателемъ литературнымъ языкомъ. Поэтому издаваемое собраніе не можетъ послужить для лингвиста пособіемъ при изученіи сибирскаго говора, но для ученыхъ, занимающихся исторіей разселенія сказокъ и ихъ взаимныхъ отношеній и подобныя неудовлетворительныя въ лингвистическомъ отношеніи записи могутъ пригодиться. Въ нихъ могутъ встрѣтиться интересные и полезные для сравненія эпизоды и мелкія подробности, которыя, можетъ быть, уже забыты населеніемъ Европейской Россіи, и которыя могутъ, однако, бросить свѣтъ на генезисъ сказочныхъ сюжетовъ или на участіе сказочнаго матеріала въ построеніи былиннаго эпоса.

Новыхъ сюжетовъ въ такомъ небольшомъ собраніи, какъ это, и ожидать нельзя; но, кажется, что сказка «Сынко-глинко» не имѣла еще представителя въ напечатанныхъ до сихъ поръ матеріалахъ. Собственные имена давно уже исчезли изъ русскихъ сказокъ; они замѣнены шаблонными терминами; потому всякое собственное имя, попадающееся въ записи сказки, встрѣчается, какъ пріятная новость. Въ нашемъ собраніи есть нѣсколько новыхъ именъ, какъ наприм. Тархъ Тараховичъ, Маранда, Руса и Короста; другія имена, какъ Барма и Ерахта хотя и были извѣстны ранѣе, но не были связаны съ тѣми темами, въ связи съ которыми они являются въ сибирскихъ сказкахъ.

Сказку о Тархѣ Тараховичѣ г-ну Макаренкѣ не удалось записать; на первой же строчкѣ рассказъ былъ, къ сожалѣнію, прерванъ.

Имя Маранда приурочено къ сказкѣ, въ которой жениху предлагается трудная задача узнать свою невѣсту въ ряду другихъ дѣвицъ, точь въ точь на нее похожихъ. Въ вариантахъ уже извѣстныхъ этой сказки тайну, какъ узнать отыскиваемую дѣвицу, по большей части она же сама и выдаетъ жениху. Изрѣдка это постороннее лицо. Жениху дѣлается извѣстнымъ какая-нибудь примѣта на тѣлѣ, или невѣста можетъ быть узнана по положенію, которое она займетъ, или муха сядетъ ей на лицо. Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ вариантахъ этой сказки, если постороннее лицо и открываетъ жениху тайну, то только сообщая примѣту, но никогда оно не указываетъ невѣсту своимъ собственнымъ дѣйствіемъ. Такой случай мы имѣемъ въ сказкѣ о Марандѣ. Женихъ дорогой находитъ постепенно одного за другимъ шесть товарищей, каждый ѣтъ чемъ-нибудь гораздъ; одинъ изъ нихъ гораздъ угадывать. Всѣ они во дворцѣ Маранды пригодились. Когда выведены были двадцать похожихъ одна на другую дѣвицъ, угадчикъ предупредилъ жениха, что онъ угадаетъ, которая Маранда, влетитъ въ окно мухой и сядетъ ей на носъ*). Мотивъ о выборѣ невѣсты изъ ряда сходныхъ дѣвицъ въ нашемъ собраніи находится еще въ сказкѣ № 27; Иванъ, крестьянскій сынъ всемеромъ съ своими братьями ѣдетъ искать семь невѣстъ, семь дочерей одной матери. Онъ находитъ семь дочерей бабы яги. Мать соглашается отдать дочерей подъ условіемъ, если Иванъ, крестьянскій сынъ угадаетъ, которая изъ нихъ старшая. Какъ узнать старшую, Ивана учить его конь; онъ говоритъ ему, что на лицо старшей сядетъ муха.

Въ сказкѣ о Русѣ интересна одна подробность. Неугомонъ-царевичъ увозитъ Русу отъ Кощея—во время его отсутствія; вернувшись домой, Кощей хочетъ посмотрѣть, далеко ли уѣхалъ Неугомонъ-царевичъ; онъ говоритъ: «Семерья дѣти! возьмите семерья вилы и поднимите мои вѣки». Очевидно, у него глаза были постоянно закрыты вѣками, какъ у св. Касьяна въ малорусской легендѣ, какъ у Гасара въ тибетской повѣсти; въ этой же послѣдней повѣсти есть и еще персонажъ съ такими же вѣками; это старикъ, одинъ изъ богатѣйшихъ Гасара: когда въ отсутствіе Гасара на его вотчинѣ наѣхало вражеское войско съ цѣлью увезти его жену, богатыри Гасара взлѣхали на гору, чтобы взглянуть на приближающееся войско. Вмѣстѣ съ ними былъ и этотъ старикъ съ повисшими вѣками; что бы онъ могъ разсмотрѣть врага, ему подняли вѣки.

Имя «Короста» стоитъ въ сказкѣ, озаглавленной у Афанасьева: «По локоть руки въ золотѣ, по колѣно ноги въ серебрѣ». Эта сказка въ нашемъ собраніи представлена четырьмя вариантами: № 5, «О церевнѣ и ея трехъ сыновьяхъ», № 26 «Короста», № 44 «Крестьянскій сынъ» и № 50 «Кузнеченочъ».

Устойчивой комбинаціей оказывается слѣдующая—царевна родить

*) То же самое и въ сказкѣ № 25; одинъ изъ товарищей Ивана Сучича, который умѣлъ обращаться въ муху, обратился въ муху, влетѣлъ въ окно и слѣлъ назначенной въ невѣсты дѣвицѣ на щеку.

трехъ необыкновенныхъ полуметаллическихъ мальчиковъ; баба-яга выбрасываетъ ихъ въ поле или въ лѣсъ, въ замѣнъ ихъ подкидываетъ родильницѣ трехъ персонажей, изъ которыхъ два звѣриной природы, третій мальчикъ; мужъ царевны велитъ мать съ этими ложными дѣтьми заложить въ бочку и опустить въ море. Бочка причалила къ острову и мать поселяется тутъ. Изъ трехъ ея спутниковъ одинъ, именно мальчикъ, оказывается самымъ дѣятельнымъ и вѣщимъ; онъ добываетъ рядъ диковинъ, а потомъ добываетъ и трехъ своихъ полуметаллическихъ братьевъ. Между тѣмъ царевичъ, мужъ гонимой женщины, женился на дочери бабы-яги, чего та и добивалась. Корабелышки нѣсколько разъ посѣщаютъ островъ и потомъ разказываютъ царевичу о чудесахъ, которые тамъ видѣли, о трехъ диковинныхъ мальчикахъ. Гонимая женщина возвращается во дворецъ, а баба-яга разстрѣлена на воротахъ.

Изъ нашего собранія къ этой схемѣ ближе всего № 44 «Крестьянскій сынъ»; въ другихъ номерахъ замѣчаются отклоненія, напримѣръ такіа. Въ № 26 «Короста» царевна родитъ вмѣсто трехъ только двухъ мальчиковъ, но баба-яга подкидываетъ ей трехъ: щенка, котенка и Коросту; отсюда можно предполагать, что число два поставлено тутъ по ошибкѣ; по повидимому и тутъ дѣтей было трое. Въ № 5 въ числѣ подкинутыхъ дѣтей вмѣсто мальчика поставлена чурка (т. е. древесный обрубокъ).

Въ частныхъ подробностяхъ замѣчаются въ этихъ четырехъ номерахъ слѣдующія различія.

Выброшенные въ поле или въ лѣсъ дѣти царевны живутъ въ различной обстановкѣ. Въ № 5 три мальчика сидятъ на дубѣ въ дуплѣ; въ № 50 они бѣгаютъ подъ видомъ волковъ въ лѣсу и только (вѣроятно въ урочный часъ) прибѣгаютъ къ дереву съ дуплицемъ поиграть, сбросивъ съ себя предварительно вѣнки изъ прутьевъ; послѣ того, какъ вѣнки ихъ были украдены, они перестали быть волками; изъ этого слѣдуетъ, что они, прибѣгая къ дуплицу и сбросивъ вѣнки, превращались въ мальчиковъ, и поигравъ въ такомъ видѣ, надѣвали вѣнки и вновь становились волками. Въ 44 три мальчика живутъ въ медвѣжьей норѣ съ медвѣдемъ; они убѣгаютъ въ отсутствіе медвѣдя; медвѣдь за ними гонится. Наковецъ въ № 26 (Короста) мальчики живутъ въ теремѣ, очевидно въ заточеніи; вокругъ терема кольцомъ лежитъ змѣй и никого не пускаетъ.

Центральнымъ лицомъ сказки является мальчикъ, подкинутый бабой ягой: это не сынъ царевны; онъ взятъ на сторонѣ. Онъ оказывается дѣятельнымъ; онъ одаренъ вѣщей силой; этотъ даръ особенно ярко выставленъ въ № 50; тутъ ему придана божественная природа; о чемъ онъ только подумаетъ, то сейчасъ и исполняется; по его желанію поднимается вѣтеръ и причаливаетъ бочка къ берегу, по его желанію наступаетъ жара и бочка разсыпается, по его желанію появляются пища и жилище. Только въ одномъ номерѣ этотъ персонажъ носитъ имя; это имя «Короста». Въ № 44 онъ просто называется крестьянскимъ сыномъ; въ № 50 это кузнеченокъ; надо догадываться, что баба яга взяла сына у какого-то кузнеца, чтобы подбросить къ царевнѣ; сказка хочетъ отмѣтить низкое происхожденіе мальчика. Изъ двухъ именъ—Короста и крестьян-

скій сынъ—едва ли послѣднее можетъ быть принято за первоначальное; трудно допустить, чтобы рассказчики изъ прилагательнаго «крестьянскій» могли сдѣлать «Коросту»; придется въ такомъ случаѣ за первоначальное признать имя Короста. Содержаніемъ сказки значеніе этого русскаго слова не оправдывается; можетъ быть ранѣе это имя имѣло другой видъ, можетъ быть это было арханческое имя, непонятное народу, и обратилось въ Коросту народнымъ домышленіемъ; позднѣе послѣдовало новѣйшее домышленіе, которое обратило это имя въ «крестьянскаго сына.» Терминъ «крестьянскій сынъ» въ сказкахъ встрѣчается иногда въ соединеніи съ именемъ Иванъ; такъ въ нашемъ собраніи есть двѣ сказки (№№ 27 и 28), герой которыхъ называется Иванъ, крестьянскій сынъ*) въ одной изъ нихъ (№ 27) даже есть черты, напоминающія сказку о царевнѣ въ бочкѣ. Это даетъ право предположить, что можетъ быть въ старинныхъ редакціяхъ имя Иванъ давалось и герою сказки о царевнѣ въ бочкѣ, т. е. что онъ назывался Иванъ, крестьянскій сынъ (или даже Иванъ Короста). Товарищами этого вѣщаго мальчика являются въ №№ 5, 26 и 44 щенокъ и котенокъ, въ № 50, щенокъ и медвѣженокъ. Въ № 5 вѣсто вѣщаго мальчика, властнаго надъ природой, чурбанчикъ или чурка, т. е. обрубокъ дерева. По этому все, что въ другихъ померахъ совершаетъ вѣщій мальчикъ, здѣсь приписано звѣрямъ, а роль чурки сводится только къ орудію, посредствомъ котораго заточенные вышибають дно у бочки. Эта замѣна мальчика чуркой трудно объяснима.

Вѣщій мальчикъ, прежде чѣмъ возвратитъ матери утраченныхъ ею дѣтей, совершаетъ два раза поиски, чтобы добыть диковинныя вещи; въ третій поискъ онъ находитъ трехъ братьевъ. Въ № 5 имъ приносятся золотой вѣнчикъ, который зыаетъ (т. е. издаетъ сіяніе, свѣтъ) и коровка, золотые рожки; въ № 26 боровъ, изъ котораго сыплется бѣлая яровая пшеница (двѣнадцать мельниковъ ее мелютъ, 12 сбирщиковъ собираютъ, не могутъ собрать) и котъ, который ходитъ вверхъ и внизъ по шню; въ № 44 ворота, на нихъ райскія птицы, и быкъ, въ которомъ песокъ толченый и ножъ вострый. Въ № 50 диковинныхъ вещей нѣтъ.

Обложной змѣй въ № 26 указываетъ на какія-то отношенія сказки въ старинной славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. Какъ въ повѣсти три товарища (послы царя Алевуя) идутъ въ городъ Вавилонъ, окруженный змѣемъ, у котораго голова соткнулась съ хвостомъ, такъ и здѣсь Короста идетъ къ терему, окруженному змѣемъ. Коростѣ не сопутствуютъ его товарищи по бочкѣ, котенокъ и щенокъ; они какъ будто остались дома; но это можетъ быть объяснено неполнотой редакціи; въ другомъ номерѣ (№ 5) котенокъ и щенокъ сами бѣгаютъ добывать и диковинки и братьевъ. Послы царя Алевуя находятъ въ Вавилонѣ трехъ отроковъ; Короста находитъ въ теремѣ, окруженномъ змѣемъ, трехъ братьевъ; послы приносятъ изъ Вавилона знаменія; то, что добываетъ Короста, не соответствуетъ этой подробности; во-первыхъ это боровъ и котъ, во-вторыхъ о нихъ не говорится, чтобы они были найдены въ томъ же

(*) У Афанасьева (т. I. № 78, стр. 167) къ Ивану, крестьянскому сыну приуроченъ сюжетъ, который въ нашемъ собраніи связанъ съ именемъ Иванъ Сучичъ, № 25.

теремъ подъ охраной змѣя. Ждановъ сводилъ съ повѣстью великорусскія сказки о Борюхъ, но и предметы, принесенные этимъ послѣднимъ (корова, скипетръ, порфира) не представляетъ перехода къ диковинамъ Коросты.

Въ № 27 Иванъ, крестьянскій сынъ срываетъ золотую маковку съ терема бабы яги, отъ нея же приноситъ гусли-мысли, и кромѣ того приобрѣтастъ костыль, который самъ бѣгаетъ въ догонку и отнимаетъ вещи: образъ такого вѣщаго костыля, летающаго по воздуху, встрѣчается и въ другихъ русскихъ сказках*) Хотя въ этой сказкѣ, кромѣ приноса вещей, другихъ сходныхъ эпизодовъ со сказкой о царевнѣ въ бочкѣ нѣтъ, но имя «крестьянскій сынъ» указываетъ на эту сказку; можетъ быть и это имя и эпизодъ зашли въ № 27 одновременно изъ общаго источника. Костыль встрѣчается въ числѣ предметовъ, принесенныхъ Борюхой.

Отдаленные намеки на сказку о царевнѣ, разъединенной съ дѣтьми, можно усмотрѣть въ одномъ эпизодѣ финской Калевалы, именно въ эпизодѣ о Марьяттѣ. Ребенокъ Марьятты тотчасъ послѣ рожденія былъ кѣмъ то похищенъ и брошенъ въ болото; здѣсь только вмѣсто трехъ дѣтей одно. Кто это сдѣлалъ, финское сказаніе не говоритъ. Въ русской сказкѣ къ царевнѣ враждебно относятся два персонажа, мужъ царевича и особенно баба яга или ея дочь, на которой потомъ царевичъ женился. Около Марьятты также два персонажа: Роутусъ, болѣе индифферентный, и злая его жена, которая прогоняетъ отъ себя беременную Марьятту, такъ что жениху пришлось родить въ хлѣвѣ, гдѣ телились коровы.

Сходство, которое можно усмотрѣть у Калевалы съ русской сказкой, заключается только въ общихъ чертахъ; и тамъ и тутъ гонимая жепница; и тамъ и тутъ противъ женщины стоятъ два персонажа, одинъ мужской, другой женскій, одинъ менѣе враждебный, другой энергичнѣе проявляющій злобу; и тутъ и тамъ гонимая женщина лишается своего ребенка. Сходство это, однако, можетъ быть усилено нѣкоторыми другими сопоставленіями. Въ эпизодѣ о Марьяттѣ появляется Вейнемейненъ; правда, ему тутъ не приписывается дѣятельной роли, но все таки это появленіе его тутъ связываетъ эпизодъ съ остальной Калевалой, т. е. съ исторіей Вейнемейнена. А въ этой исторіи еще найдутся совпаденія съ русской сказкой.

Короста и его эквиваленты плаваютъ по морю въ бочкѣ; Вейнемейненъ плаваетъ въ морѣ въ утробѣ матери. По желанію кузнеченка въ № 50 появляются яства, избушка, начинается вѣтеръ; вслѣдствіе заклинаній Вейнемейнена появляются затоны, богатые рыбой, возникаютъ шхеры. Можетъ быть и въ русской сказкѣ островъ, къ которому причалила бочка, ранѣе не существовалъ, и появился по желанію вѣщаго мальчика. Герой русской сказки добываетъ диковинныя вещи; Вейнемейненъ добываетъ сампо. Во внѣшнемъ видѣ добываемыхъ вещей есть нѣкоторое сходство; съ сампо связано представленіе о какой-то мельницѣ; въ русской сказкѣ во многихъ вариантахъ въ числѣ добываемыхъ пред-

*) См. мон. Восточн. мотивы изъ средневѣковыхъ европейскихъ эпосовъ, М., 1899, стр. 715.

метовъ стоитъ чудесная мельница*); въ нашемъ собраніи въ № 26 Короста приносить борова, изъ котораго сыплется бѣлаяровая пшеница и эту пшеницу мелютъ двѣнадцать мельниковъ. Въ эти черты въ совокупности намекаютъ, что на составъ Калевалы имѣла вліяніе сказка въ родѣ русской о царевнѣ въ бочкѣ.

Бочка сближаетъ русскую сказку съ киргизскимъ преданіемъ о Шингысѣ т. е. о Чингисѣ-ханѣ. Разница, впрочемъ, въ томъ, что въ русской сказкѣ женщина заключена въ бочку за то, что родила, будто бы, не такого младенца, какого обѣщала, и она плаваетъ въ бочкѣ не одна, а съ тремя дѣтьми. Въ киргизскомъ преданіи ханская дочь спущена въ ящикъ въ море за то, что забеременѣла, не будучи выдана замужъ: ребенокъ ея еще не родился и она плаваетъ въ ящикѣ одна. Следовательно, киргизское преданіе въ этомъ пунктѣ ближе къ Калевалѣ, чѣмъ русская сказка. Мать Чингиса зачала отъ того, что на нее упалъ взоръ Бога**); Марьятта также зачала сверхъестественнымъ образомъ, проглотивши ягоду брусники. Вейнемейненъ, прежде, чѣмъ родить-ся, подобно Чингису, плаваетъ по морю въ утробѣ матери.

Но если въ этомъ русская сказка отклоняется отъ киргизскаго преданія, за то въ другихъ отношеніяхъ она стоитъ къ нему ближе. Чингисъ-ханъ въ киргизскомъ преданіи изображается такимъ же властнымъ надъ природой, какъ и кузнеченокъ въ курганской сказкѣ (№ 50). Киргизское преданіе рассказываетъ, что когда Чингисъ-ханъ говорилъ: отворите двери! двери сами отворялись. Также по одному его желанію разстилался войлокъ. Въ монгольскихъ преданіяхъ тѣ же сверхъестественныя силы приписываются Чингисъ-хану; тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ, появлялись дуга съ хорошими кормами, озера съ солью и пр.

Въ преданіи о Чингисъ-ханѣ нѣтъ женщины, враждебной его матери; вмѣсто того къ нему самому враждебно относятся его братья. Онъ убѣгаетъ и прячется; киргизскіе бѣи, сочувствующіе ему, идутъ искать его, чтобы сдѣлать его правителемъ народа. Они находятъ его, но не могутъ поймать; два раза онъ убѣгаетъ отъ нихъ, подобно тремъ братьямъ, которыхъ ловить кузнеченокъ въ № 50, и только отдается въ третій разъ. Судя поэтому инциденту, кузнеченокъ на мѣстѣ бѣевъ, а три брата, бѣгающіе около дуплица, отвѣчаютъ Чингису, но вѣщей силой, приписываемой Чингисъ-хану, въ русской сказкѣ одарены не три брата, живущіе у дупла, а кузнеченокъ. Въ параллель къ киргизскому преданію слѣдовало бы ожидать пословъ отъ народа, которые разыскиваютъ вѣщаго мальчика (кузнеченка, Коросту и пр.). Не ихъ ли мѣсто занимаютъ корабельщики или странники, которые подъ видомъ нищихъ посѣщаютъ островъ, гдѣ живетъ вѣщій мальчикъ?

Въ своихъ «Восточныхъ мотивахъ въ средневѣк. европ. эпосѣ» (стр. 731) я указалъ на сходное съ эпизодомъ Марьятты монгольское преданіе. Аю-бодисатта на третій день по рожденіи былъ похищенъ у

*) См. Восточн. мотивы, стр. 12.

**) Въ другихъ ордынскихъ партеногенетическихъ преданіяхъ мальчикъ рождается или отъ луча солнца или отъ луннаго свѣта.

матери: мать ищетъ, разспрашиваетъ объ немъ у встрѣчныхъ, наконецъ приходитъ къ ворожеѣ, и тотъ гадаетъ и открываетъ мѣсто, гдѣ ребенокъ находится. Онъ бросаетъ гадальныя кости разъ, выпадаетъ: ваза; бросаетъ въ другой, выпадаетъ—число 365, бросаетъ въ третій, выпадаетъ собственное имя Сайнъ-Гальбинъ; ворожея говоритъ матери: твой сынъ у Сайнъ-Гальбина, заточенъ въ 365 вазъ, вложенныхъ одна въ другую. Подобное угадываніе не сразу, а съ трехъ разъ въ бурятскомъ разсказѣ о трехъ странствующихъ «сысынахъ». Вурятское «сысынъ» то же, что киргизское «шешень», мудрый или краснорѣчивый человекъ. Преданіе говоритъ о нихъ, что они путешествуютъ для того, чтобы «открывать скрытое», т. е. угадывать; повидимому, это шаманы или волхвы. Царь или князь, къ которому они приходятъ, пробуетъ ихъ вѣщее знаніе. Онъ спрашиваетъ ихъ, что у него зажато въ кулакѣ. Одинъ сысынъ говоритъ: что-то круглое, другой—что-то красное, третій окончательно угадываетъ, что у царя въ кулакѣ красный плодъ жужубъ*). Цѣль странствованій сысыновъ, кажется, была серьезнѣе, чѣмъ въ приведенномъ разсказѣ. Въ книгѣ «Восточные мотивы» я высказалъ предположеніе, что сысыны ищутъ мудрую дѣвицу. Дѣйствительно, записанъ разсказъ о томъ, какъ сысыны встрѣтили дѣвицу, которая на ихъ вопросы отвѣчаетъ остроумными загадками и которую они потомъ рекомендуютъ взять замужъ Гумень-хану. Въ славянской повѣсти подобный мотивъ связанъ съ именемъ Соломона. Посолъ царя Давида ищетъ потеряннаго Соломона и узнаетъ его по его мудрымъ отвѣтамъ. Въ одномъ индійскомъ преданіи отыскивается не затерявшійся въ толпѣ мальчикъ, а народившійся. Три пандиты узнаютъ, что Викрамъ, которому суждено убить Санка и воцариться на его мѣстѣ, родился, и гадаютъ о его мѣстонахожденіи: одинъ изъ нихъ говоритъ, что Викрамъ гдѣ-то вблизи, другой, что онъ въ лѣсу, третій, что онъ въ пруду**).

Барма не новое имя: но до сихъ поръ оно было извѣстно только изъ сказки о добываніи многозначительныхъ предметовъ изъ зитѣнаго города, которою занимался покойный Ждановъ въ связи съ славянской повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ***). Въ сибирскихъ сказкахъ это имя является въ совершенно иномъ примѣненіи; здѣсь оно прилагается къ хитрому вору, который въ великорусскихъ сказкахъ носитъ другія имена, наприм. Сенька Малый, Кузька, Климы и др. Въ издаваемомъ собраніи два варианта о Бармѣ; одинъ записанъ въ Бійскомъ уездѣ, другой въ Курганскомъ; курганскій вариантъ начинается тождественнымъ эпизодомъ съ бійскимъ вариантомъ—ученикъ обрѣзываетъ подошвы сапоговъ у своего учителя. Разстояніе между Бійскомъ и Курганомъ около 1500 вер.; очевидно, что приуроченіе имени Барма къ этому сюжету старинное. Въ бійскомъ вариантѣ имя Барма носитъ не воръ, а совѣтникъ царя, дающій царю совѣты, какъ изловить вора, но имѣя подъ руками только одинъ бійскій вариантъ можно было уже догадываться, что въ

*) См. «Восточ. мотивы», стр. 502, и Тангуты—тибетцы, окраина Китая, т. II.

**) А. Н. Веселовскій, Сказанія о Соломонѣ, стр. 32.

***) И. Н. Ждановъ, Русскій бытовое эпосъ, Спб. 1895, стр. 1—32.

старой редакціи самъ воръ назывался Бармой; воръ же въ бійскомъ вариантѣ называется Петромъ I-мъ. Это, конечно, позднѣйшее измѣненіе. На вопросъ, какъ же ранѣе назывался воръ, самъ собою напрашивается отвѣтъ: Барма, т. е. именемъ, которое не исчезло изъ сказки, а только перемѣстилось. Курганскій вариантъ оправдываетъ такое предположеніе; въ немъ самъ воръ называется Барма.

Курганскій вариантъ начинается съ того, что дядя поочередно беретъ съ собою одного изъ трехъ своихъ племянниковъ и испытываетъ, годенъ ли онъ для воровскаго ремесла; первые два оказались безнадежными, но младшій сразу обнаружилъ призваніе быть воромъ. Сходно начинается повѣсть о Гесарѣ; тамъ также три брата подвергаются испытанію (хотя въ годности къ совсѣмъ иному дѣлу) и также способнымъ оказывается младшій (Гесаръ). Издѣвательства Бармы надъ дядей напоминаютъ подобное отношеніе Гесара къ своему дядѣ; Гесаръ, подобно Бармѣ, проводитъ своего дядю и также оставляетъ его безъ пищи и заставляя голодать.

Объ Ерахтѣ до настоящаго времени было только извѣстно, что это какой-то кривой чортъ; но въ сказкахъ оно не встрѣчалось: въ минусинской сказкѣ это персонажъ. Онъ скачетъ на одной ногѣ; повидимому, у него одна нога только и есть.

Главное лицо сказки Иванъ Сучичъ достаетъ невѣсту, дочь Ерахты, при помощи шести товарищей, одаренныхъ необыкновенными качествами. Въ другихъ сказкахъ съ подобнымъ сюжетомъ, главное лицо сказки, до образованія своей счастливой компаніи, встрѣчаетъ существо, которое одерживаетъ надъ нимъ верхъ, и отпускаетъ только подъ условіемъ достать невѣсту. Въ киргизской сказкѣ объ Ир-Тушлюкѣ это дѣлаетъ царь змѣй, въ монгольской повѣсти о Гесарѣ—Гунга-Занданъ, въ бѣлорусской сказкѣ о Ставрѣ Гадимовичѣ царь Кокытъ (онъ «обмоталъ Ставра желѣзною пугою» и велитъ достать Алену Прекрасную, дочь царя Ирыда), въ бѣлорусской же объ Иванѣ Бристофорѣ «старикъ съ кокоцъ, борода съ локоцъ, усы по сажню»; въ великорусской—объ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ—какое-то чудовище Самъ съ перстъ, усы на семь верстъ*); въ минусинской сказкѣ на мѣстѣ этого насильника стоитъ Ерахта, но онъ такого условія о добываніи невѣсты не дѣлаетъ; онъ только отнимаетъ у Ивана Сучича коня. Послѣ этого Иванъ Сучичъ къ

*) Radloff, Proben, IV, 443; Добровольскій, Смоленск. Сборникъ I, 433—444; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 3, стр. 110; Афанасьевъ, Народн. русск. сказки, т. I, № 78, стр. 167. Всѣ эти чудовища останавливаютъ движенія героя сказки; змѣйный царь окружаетъ его кольцомъ и не даетъ ему ходу, другіе оплетаютъ его своими усами и т. п. Въ одной изъ сказокъ о Бормѣ, записанныхъ въ Европейской Россіи, Борму задерживаетъ какое-то чудовище оплетай. По повѣрью, сохранившемуся въ Сибири, оплетай такіа чудовища, у которыхъ только половина человѣческаго тѣла, одна рука и одна нога (и одинъ глазъ?); въ одиночку оплетай безмоощенъ, но когда два оплетая слипнутся вмѣстѣ, отъ нихъ на конѣ не убѣжишь. Сходный мотивъ въ русской сказкѣ „Солдатъ и Смерть“. Смерть вскопала на загривокъ солдату и онъ никакъ не можетъ отъ нея освободиться; наконецъ освобождается, давши ей понюхать табаку (И. Н. Ждановъ, «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи» въ Киевск. Университ. Извѣстіяхъ, 1881 г., мартъ, № 3, стр. 92). Борма освобождается отъ оплетая, давши ему поѣсть какихъ-то ягеды.

нему же, Ерахтъ, ѣдетъ сватать за себя его дочь. Это стоитъ въ противорѣчїи съ другими вариантами: вездѣ встрѣченный до поѣздки за невѣстой насильникъ отличается отъ отца невѣсты; я думаю и здѣсь Ерахтой назывался только насильникъ, а отецъ невѣсты было другое лицо.

Конь, котораго Иванъ Сусичъ получаетъ отъ кузнеца Демьяна, былъ, кажется, устойчивой подробностью въ этой связкѣ. У Афанасьева (т. I, № 78, стр. 167) Иванъ, крестьянскій сынъ достаетъ для царя диковиннаго коня, но его отнимаетъ у него Самъ съ перстѣ, усы на семь верстѣ, и согласенъ возвратить, если Иванъ достанетъ ему царскую дочь; Иванъ, крестьянскій сынъ, достаетъ невѣсту при помощи трехъ товарищей, т. е. сказка продолжается и кончается въ родѣ минусинской. Интересно, что въ минусинской сказкѣ конь, котораго Ерахта отнялъ у Ивана Сусича, былъ скованъ кузнецомъ Демьяномъ специально для Ивана.

Въ сказкѣ № 39 «Три Ивана, названные братья» которая записана не разъ въ Европейской Россїи подъ названіемъ «Рога», одинъ эпизодъ, исключеніе царевны, обросшей рогами, какъ будто не мотивировано происходитъ въ банѣ. Одинъ изъ Ивановъ, собираясь освободить царевну отъ роговъ, хочетъ дать ей цѣлебныхъ яблоковъ поѣсть, но зачѣмъ-то, прежде, чѣмъ дать ей яблоки, ведетъ ее въ баню. Въ своихъ «Восточныхъ мотивахъ въ средневѣков. европ. эпосѣ» (стр. 532) я сопоставилъ эту сказку съ древней мусульмано-болгарской легендой на Волгѣ, въ которой содержится разсказъ о трехъ шейхахъ, получившихъ отъ пророка три подарка, въ томъ числѣ костыль. Ихъ приглашаютъ къ болгарскому хану, у котораго семь лѣтъ больна дочь. По молитвѣ шейховъ костыль, который они принесли съ собой, прорастаетъ и разрастается деревомъ. Шейхи нарѣзываютъ вѣпниковъ съ этого дерева, ведутъ ханскую дочь въ баню и тамъ парятъ ее этими вѣпниками.*) Въ русскихъ сказкахъ цѣлебныхъ вѣпниковъ нѣтъ, но они, кажется, были, на что указываетъ появленіе бани въ бійской сказкѣ. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ царевна подвергается стеганью металлическими прутьями, но не въ смыслѣ лѣчебной процедуры: это выставляется, какъ кара за то, что царевна украла у героя сказки три диковинныхъ подарка: шапку невидимку, неистощимый кошель и палку. Въ нашемъ собранїи въ № 42 главное лицо сказки воскрешаетъ при помощи Николая Чудотворца умершую царевну, которая по ночамъ встаетъ изъ гроба: съ этою цѣлью царевна подвергается хлестанію металлическими прутьями: здѣсь стеганіе прутьями о живляетъ больную. Въ сказкѣ № 40 «Кузнеченочъ» стеганье прутьемъ,

(*) Сказка съ подобнымъ сюжетомъ записана на Кавказѣ у осетинъ; начало ея какъ у русской сказки о правдѣ и кривдѣ. Два брата, богатый и бѣдный; богатый выткнулъ глаза бѣдному; бѣдный попадаетъ въ пещеру говорящихъ звѣрей, уноситъ у нихъ 1) яму съ золотомъ, 2) ткань, дающую пищу и 3) узнаетъ секретъ о деревѣ съ цѣлебной силой; посредствомъ послѣдняго бѣдный братъ вылечилъ больного князя, который подарилъ ему стадо. Завистливый богатый братъ пошелъ въ ту же пещеру и былъ разорванъ звѣрями (Сборникъ свѣд. о кавказск. горцахъ, Тифлисѣ, в. III, осетинск. сказанїя, стр. 10—14).

вынутымъ изъ вѣника, которое тоже происходитъ въ банѣ, производить не благое, а губительное дѣйствіе, отстеганный мальчикъ обращается въ волка и убѣгаетъ въ лѣсъ.

При собираніи памятниковъ народнаго творчества первое вниманіе обыкновенно обращается на образцы народнаго эпоса или на такъ называемые у насъ былины; менѣе интереса удѣляется простой пѣснѣ, и наконецъ еще менѣе сказкамъ, такъ что записыватели сказокъ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ записыватели пѣсенъ. Для собиранія былины и пѣсенъ посылались даже отъ ученыхъ обществъ экспедиціи; такъ отъ Географическаго общества ѣздила въ Олонецкую губернію Гильфердингъ собирать былины; для собиранія пѣсенъ съ мотивами отъ Географическаго общества на средства, пожертвованныя императоромъ Александромъ III, по два лѣта ѣздила по Европейской Россіи «пѣсенная экспедиція», членами которой были г.г. Истомина и Дютшъ. Для записыванія сказокъ экспедиціи, по крайней мѣрѣ въ такихъ размѣрахъ, съ такими издержками и съ такой спеціальной программой, сколько помнится, не предпринималось. Можно указать только на поѣздку Колосова отъ Академіи Наукъ въ Новгородскую и Архангельскую губерніи, но и то не съ спеціальной цѣлью собрать сказочные сюжеты, а для собранія свѣдѣній о говорѣ, такъ что сказки записывались только въ качествѣ образцовъ говора. Экспедиція Южно-русскаго Отдѣла Географ. общества подъ руководствомъ Чубинскаго дала цѣлый томъ сказокъ, но и въ этомъ случаѣ спеціальной цѣлью экспедиціи не были однѣ сказки.

По газетнымъ сообщеніямъ въ Петербургѣ предполагають послать въ Сибирь экспедицію для собиранія пѣсенъ; на сибирскую пѣсню, слѣдовательно, обращено вниманіе; сибирскій же запасъ сказокъ до сей поры остается не затронутымъ. А между тѣмъ сказка также исчезаетъ изъ народной памяти подъ вліяніемъ культуры, какъ и пѣсня. Болѣе лѣнивое записываніе сказокъ сравнительно съ пѣсней понятно; пѣсня короче, она сопровождается пѣніемъ, потому при записываніи пѣсенъ человѣкъ менѣе утомляется, чѣмъ при записываніи сказки.

Извѣстно не мало случаевъ сохраненія народной памятью сибирскаго населенія устныхъ русскихъ древностей. Сибирское населеніе удержало въ своей памяти нѣкоторыя слова, или формы словъ, которыя уже утрачены населеніемъ европейской Россіи. Нѣкоторыя русскія былины записаны только въ Сибири и изъ остальной Россіи онѣ неизвѣстны. Знатоки сообщаютъ, что въ сибирскихъ захолустяхъ свадебныя пѣсни иногда поражаютъ своей сохранностью. Нельзя сомнѣваться, что и въ области сказокъ въ Сибири еще найдется довольно новаго и интереснаго матеріала, особенно въ такихъ захолустяхъ, какъ низовья Ангары (Беземская волость), глухія долины Алтая (какъ наприм. долины Бухтармы, Чарыша, окрестности Кузнецка), деревни по Киренгѣ, деревни въ верховьяхъ Нижней-Тунгузки съ селомъ Преображенскимъ, Верхоянскій край, Березовскій край и друг.

Г. Потанинъ.

І.

С К А З К И,

собранныя А. А. Макаренко

въ Казачинской волости, Енисейскаго уѣзда, Енисейской губерніи.

I. Мужикъ и красное солнце.

Быль мужикъ; у него не было дома. Онъ нанялся въ строкъ, вырядилъ себѣ пшепицы полдесятины, вырядилъ себѣ коня; пришла осень, пшепица позябла, коня волки съѣли. Мужикъ отошелъ отъ этого хозяина, пошелъ наниматься къ другому. Попадаетъ ему навстрѣчу баринъ; онъ спрашиваетъ: «Буда мужикъ пошелъ»? Мужикъ на это ему отвѣчаетъ: «Я пошелъ въ строкъ наниматься». Онъ сказалъ: «Наймись ко мнѣ подъ котель дрова класть». Чего у тебя въ котлѣ? «Ошурки». Это были не ошурки, а въ аду грѣшники. Онъ его нанялъ. «Только скорѣй дрова подъ котель клади, чтобы горѣли шибчей». Этотъ мужикъ нанялся, дрова кладесть скоро, горять ярко. Реветь ему ангелъ съ небесъ: «Мужикъ! тише дрова клади!» Мужикъ началъ тише дрова класть. Этотъ баринъ заглянулъ, мужикъ кладесть тихо дрова; онъ его разсчиталъ. Ангелъ съ небесъ реветъ: «Мужикъ! ничего не бери, только ошурковъ». Онъ ему отсчиталъ золотомъ и серебромъ; мужикъ ничего не взялъ, говоритъ: «давай ошурковъ». Онъ ему давалъ ошурковъ. Мужикъ пошелъ возлѣ рѣчки; усталъ шибко, легъ отдыхать; сталъ отдыхать, заснулъ крѣпко; у него эти ошурки разошлись; мужикъ пробудился, у него ошурковъ и вѣтъ. Пошелъ возлѣ рѣчки; тамъ плавать утка, реветъ этому мужику: «Дядинька! меня вынь!» Онъ ее вынулъ; она доспѣлася дѣвицей. «Теперь я буду твоя жена». Онъ взялъ жену, пошелъ домой; приходитъ домой, на нее люди обзарились; вздумали ее у него отбирать. «Ступай, узнай, гдѣ солнце всходитъ и закатается, такъ не будемъ отбирать».

Она смотала пасму нитокъ на клубокъ. «Куда клубочикъ покатится, туда и ты ступай; меня три разъ перешагни; я доспѣюсь камешкомъ». Онъ три раза перешагнулъ; она доспѣлася камешкомъ; онъ ее положилъ въ передній уголъ. Эта дѣвица будто бы солнышкова сестра. Клубочикъ покатилося, мужикъ пошелъ. Они безъ него собрались, хотѣли безъ него взять ее, не могли найти; давай его догонять, думали, что онъ ее съ собой взялъ. Догнали, спрашиваютъ: Куда дѣвалъ?—Дома оставилъ.

Онъ дошелъ до избушки, вошелъ въ избушку. Въ избушкѣ сидитъ старушка. Откуда ты, мой зятюшка, взялся? «Бабушка! вздумали они у меня жену отбирать; сказали, узнай гдѣ солнце всходитъ и закатается—не будемъ жену отбирать».—Дитятко! лѣзь подъ вѣнчикъ, а то солнышко перекатится, пережжетъ тебя». Онъ залѣзъ подъ вѣнчикъ; она его вѣнчикомъ закрыла. Солнышко прикатилося. Что-то, маминька, у тебя русскимъ духомъ пахнетъ? «Дитятко! у меня ничего русскимъ не пахнетъ, ничего русскаго нѣтъ». Пошелъ онъ въ баньку; вышелъ онъ изъ баньки, съѣлъ чашекъ пить. Что-то маманька, у тебя русскимъ пахнетъ? «Вотъ что, дитятко! у меня зятюшка въ гостяхъ». Гдѣ онъ? выходи-ка сюда!—Онъ вышелъ. За чѣмъ ты сюда пришелъ. «Вздумали у меня жену отбирать, послали узнать, гдѣ солнце всходитъ и заходитъ». Я тебя завтра посажу въ свою карету, каретка тебя покатитъ и ты узнаешь, гдѣ солнце всходитъ и закатается. Утромъ встать

онъ, посадилъ его въ свою карету. Покатился*). Понадаётъ ему на встрѣчу Егорій Храбрый, сталъ на колѣнки. «Здравствуй, праведное красное солнышко!» Онъ вылѣзъ изъ кареты и избилъ Егорія Храбраго въ синевицы. Онъ прикатился къ солнышку на полдня**); у него все золотѣ, серебрено; онъ у него все поломаѣ, все прихряпалъ. Онъ пока- тился домой; прикатился домой, солнышко спрашиваетъ: Узнаѣ, гдѣ солнце всходитъ и закатается. «Узнаѣ», Ну, я покачуся, а ты у меня денекъ погоди въ гостяхъ.—Солнышко покатилося, а онъ остался гос- тить у него.

Солнышко катится, попадаётъ Егорій Храбрый навстрѣчу; палъ на колѣнки. Здравствуй, праведное красное солнышко! какого ты себѣ (вче- ра) подлеца въ карету посадилъ? Онъ меня всего избилъ, изувѣчилъ. «Погоди маленько, я прикачуся (домой) и сожгу его». Прикатился къ себѣ на полудни***); у него все поломано, похряпано. «Ну, погоди те- перь! Я его и вовсе сожгу!» Прикатился домой. «Гдѣ онъ, маминька? пускай вылазитъ!» Онъ вылѣзъ. Ты за что Егорія Храбраго билъ? «Пом- нишь ты, я у мужика коня вырядилъ? а онъ пошто волкамъ стравилъ?» —У меня за что въ полдня все поломаѣ? «А помнишь, я у мужика пшеницу вырядилъ? ты пошто не пригрѣлъ ее, а заморозилъ?» Тогда солнышко сказало: Это правда.

Скажи ты****) мнѣ, отчего девять сутокъ не всходилъ, не закатался? «А вотъ отчего я девять сутокъ не всходилъ, не закатался, что пла- ваетъ Афи́мья Мари́мна; каретка у нее золотая и веселочко золотое: я на нее зарился; сѣлъ на ушко; хотѣлъ поцѣловать; она какъ меня этимъ веселочкомъ ударила, я и полетѣлъ въ воду: трое сутокъ я ко дну шель, трое сутокъ я на берегу лежалъ».

Тогда стали жить, поживать. домикъ наживать.

*12 лѣтъ дѣвочка деревни Ерзовки
Александра Худякова.*

2. Братъ и сестра.

(Косоручка).

Мужикъ съ бабой имѣли сына и дочь. Умираетъ отецъ и говорить сыну: «Слушайся во всемъ матери и добро тебѣ будетъ». Сынъ слу- шался матери. А затѣмъ умираетъ она и наказываетъ сыну: «Слушай- ся во всемъ своей сестры и безъ благословенія ея не начинай никакой работы». Схоронилъ сынъ мать и сталъ поживать съ сестрой. Что бы ни начинать, куда бы ни ѣхалъ, все ужъ неспросить, бывало, благосло- венія у сестры. Вотъ онъ выросъ, женился. Оженившись, братъ по- прежнему во всѣхъ своихъ начинаніяхъ спрашивалъ сестрино благосло-

*) Т. е. покатилося въ солнечной каретѣ зять солнца, а само оно осталось дома.

**) Т. е. къ полуденному дворцу солнца.

***) Т. е. въ полуденный дворецъ.

****) Въ подлинной рукописи было написано „скажи те“ вм. „скажи ты“. Ред.

веніе. Женѣ это не нравилось. Стала она подкапываться подъ свояченицу, чтобы разлучить ее съ братомъ. Вотъ уѣхалъ куда-то ея мужъ, она пошла на конюшей дворъ и зарѣзала самаго лучшаго коня. А когда вернулся мужъ, и говорить ему: «Вотъ какая у тебя сестра добрая, ты къ ней, какъ къ матери, а она тебѣ зло мыслить сдѣлать; нынче вонъ коня самаго лучшаго зарѣзала». «Свою долю рѣжетъ!» только и сказалъ братъ. А потомъ, когда нужно было куда-то ѣхать, опять пошелъ къ сестрѣ за благословеніемъ, и уѣхалъ. Молодуха опять пошла на конюшей дворъ и зарѣзала другого самолучшаго коня. Вернулся братъ домой, жена начала обсказывать ему, что сестра его другого самолучшаго коня зарѣзала. «Свою долю рѣжетъ», только и сказалъ братъ. Жена отъ этихъ словъ еще пуще прежняго распалилась. А сестра тоже видѣть, что въ ихъ домѣ грѣхъ заводится, и попросила брата выдѣлать ее. Братъ построилъ ей избушку на задахъ и стала въ ней жить сестра, въ братинно дѣло не вмѣшиваясь. А братъ по прежнему ходилъ къ ней и спрашивалъ благословеніе. Жена злилась и задумала непремѣнно погубить свояченицу. Когда уѣхалъ ея мужъ, она зарѣзала своего сына, а потомъ обсказала мужу, будто это сдѣлала его сестра. Братъ тутъ ужъ повѣрилъ; потому, думалъ, что мать не станетъ убивать свое дите. Разгнѣвался братъ на свою сестру и думаетъ, что съ нею сдѣлать. Жена и говорить: «Стоить она лютой смерти. Вези ее въ лѣсъ, руки, ноги отрубн да брось тамъ».

*Не окончено. Записано отъ крест. дѣвицы
Анны Никитѣ. Казанцевой.*

3. Икона-Микола.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были три брата. Одинъ братъ умеръ; братья выгнали вдову съ ея малымъ сыномъ Иваномъ. Однажды къ братьямъ пришелъ мужикъ просить въ долгъ денегъ, они не дали ему; сказали, принеси что-нибудь въ закладъ, что есть, а онъ отвѣчаетъ: у меня ничего нѣтъ кромѣ иконы Миколы. «Ну хоть ее неси!» Мужикъ принесъ. Эти братья были купцы, каждый день ѣздили на базаръ торговать и брали съ собой Ивана. Вотъ онъ увидалъ у нихъ икону—Миколу и говорить имъ: продайте мнѣ эту икону. А они отвѣчаютъ ему: она дорога, давай сто рублей. Онъ заплакалъ и пошелъ къ матерѣ, говорить: «Мамаша, у дядьевъ есть икона Микола; они просятъ за нее сто рублей». Она дала ему сто рублей; онъ пошелъ и купилъ. Идетъ Ваня разъ по улицѣ и увидѣлъ старика; старикъ говорить ему: «Возми меня къ себѣ», а Ваня говорить: «Я не знаю, спрошу мамашу». Пошелъ и говорить: «Мамаша, тамъ я видѣлъ старика; онъ просится къ намъ жить». Ну, пусть идетъ, говорить она. Иванъ пошелъ, привелъ старика и стали жить вмѣстѣ. Между тѣмъ Ивановы братья собрались плыть на корабляхъ къ царю. Иванъ узналъ и пришелъ домой со слезами. Старикъ его спрашивать: «Что, тебѣ охота съ ними плыть?» «Охота!»

А старикъ говоритъ: «Сходи на такой то островъ, тамъ стоитъ корабль. Если онъ годится, такъ поплывешь. (Онъ сходилъ и говоритъ: «Дѣдушка, онъ еще лучше дядиныхъ»).—Ну, поплывемъ!

Наредились и поплыли три корабля. Плывутъ. Вдругъ поднялася буря и всѣ три корабля прибило къ крутой горѣ. Всѣ стали нагружать корабли. Ваня со старикомъ стали таскать съ горы золото да серебро, а братья думали, что они таскаютъ песокъ, тоже стали таскать песокъ. Нагрузили Ваня со старикомъ золотомъ да серебромъ, а тѣ пескомъ. Буря утихла и они поплыли. Приплыли къ царю, а у царя была дочь еретица; она лежала въ церкви, въ гробницѣ, и какъ только пробьетъ ночью двѣнадцать часовъ, она выходила изъ гробницы и ѣла все, что попадется и какъ только проноютъ пѣтухи, она опять ложилась въ гробницу. Приплывшіе купцы пошли къ царю предложить товаръ. А царь говоритъ: «Ночуйте за каждый корабль у моей дочери еретицы въ церкви». Они пошли отъ царя, понуривъ головы. Подумали, подумали, одинъ и говоритъ брату: мы найдемъ Ваньку. Такъ и согласились. Позвали къ себѣ Ивана и говорятъ: «Ваня, ночуй за насъ въ церкви; мы тебѣ дадимъ золота и серебра» Я спрошу у дѣдушки, если онъ позволитъ, такъ ночую. «Ну иди». Приходитъ къ дѣдушкѣ и говоритъ: «Дяди меня ночевать нанимаютъ въ церкви. А старикъ говоритъ: «Проси за каждую ночь съ нихъ по кораблю, да какъ зайдешь въ царскія врата, очертись и она будетъ (бѣгать) вокругъ, а не съѣстъ». Онъ пошелъ ночевать, трапезникъ пропустилъ его; онъ сдѣлалъ такъ, какъ велѣли. Настало двѣнадцать часовъ. Царевна вышла изъ гробницы и начала бѣгать вокругъ Вани, приговаривая: «какой мяконькой, да хорошенькой; сейчасъ съѣмъ!» Но вотъ пропѣли пѣтухи и она легла въ гробницу. Трапезникъ приходитъ и говоритъ: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!» А Ваня говоритъ: аминь. Трапезникъ удивился, услыша голосъ. Объяснили царю; царь велѣлъ позвать на обѣдъ Ивана.

На другой день Ивана опять позвали къ купцамъ. Онъ пришелъ. Тогда ему купцы сказали: «Ваня, ночуй еще ночь!» а онъ имъ отвѣчаетъ: «Я спрошу у своего дѣдушки». Ну, иди!—Приходитъ и говоритъ старику: «Дѣдушка! они еще нанимаютъ почевать». А старикъ говоритъ: «Если корабль отдадутъ, то ночуй». Иванъ пошелъ и говоритъ купцамъ: «Если еще корабль отдадите, то ночую». Такъ и согласились. Иванъ зашелъ въ церковь, сталъ въ царскія врата, очертился. Настало двѣнадцать часовъ, царевна вышла изъ гроба и стала опять бѣгать вокругъ Ивана, приговаривая: «какой хорошенькой, мяконькой: сейчасъ съѣмъ. Пропѣли пѣтухи и она легла опять въ гробницу. Приходитъ трапезникъ и говоритъ: «Славу Отцу и Сыну и Святому Духу», а Иванъ отвѣчаетъ: аминь. Онъ опять испугался, услыша голосъ; пошелъ, объяснилъ царю о всемъ случившемся. Царь велѣлъ позвать его на обѣдъ. Приходятъ посланные объясняютъ Ивану, что царь звалъ на обѣдъ, а онъ говоритъ имъ: «Я спрошусь у дѣдушки; если отпуститъ, такъ пойду». Пошелъ и говоритъ дѣдушкѣ: «Дѣдушка! меня царь звалъ на обѣдъ». Ну, иди!

И въ третью ночь надо почевать за себя. Дѣдушка говоритъ ему:

«Возьми вотъ книжку; какъ она выйдетъ, положи ее на голову и скажи: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу! а она скажетъ: аминь! и станетъ съ тобой рядомъ». Ваня такъ и сдѣлалъ; сталъ въ царскія врата; настало двѣнадцать часовъ, царевна вышла, Ваня положилъ ее на голову датую дѣдушкой книжку и провзданесъ: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу! а она сказала «аминь!» и стала съ нимъ рядомъ. Приходитъ трапезникъ и говоритъ: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу! А Ваня и царевна сказали вразъ: «аминь». Трапезникъ нуше прежняго испугался, услыша два голоса. Объявилъ обо всемъ царю. Царь послалъ лошадей; привезли ихъ къ царю на обѣдъ. Во время обѣда царь спрашиваетъ Ивана: Нельзя ли позвать твоего дѣдушка на обѣдъ? а онъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, я схожу, его спрошу». Приходить къ дѣдушку и говоритъ: «Дѣдушка! тебя царь на обѣдъ звалъ». А онъ отвѣчаетъ: «Пуцай помянуть лошадку». Ваня приходитъ и объясняетъ все царю. Царь велѣлъ запрягти лошадей, а сѣлъ самъ и поѣхалъ. Привезъ дѣдушку; попиروвали, а царь Ванѣ подарилъ двѣнадцать кораблей и отдалъ за него царевну. А братья купцы нанялись къ нему въ батраки.

Поплыли все назадъ домой; прыпыли. Жены купцовъ вышли встрѣчать своихъ мужей; увидавъ множество кораблей, закричали: «У, сколько кораблей выторговали они!» Вышли все на берегъ; жены бросились съ радости мужьямъ на шею и тѣ имъ все объяснили. И все пошли домой, понурили головы, кромѣ троихъ: Вани, царевны и старика. Приѣхавъ домой, дѣдушка говоритъ Ивану: «Надо тебѣ теперь съ молодой женой разгуляться». Ваня согласился и велѣлъ запрягти лошадей. Запрягли лошадей и поѣхали все трое, дѣдушка, Ваня и царевна. Выѣхавъ въ поле, дѣдушка говоритъ Ванѣ: Ты иди, прогуляйся, а молодой жемъ надо отдохнуть. Ваня ушелъ, а старикъ изрубилъ царевну и положилъ на огонь; изъ нее полѣзло все, что она ѣла,—корабли и т. п. Ваня приходитъ и, увидавъ, что дѣдушка изрубилъ жену, говоритъ ему: На что ты ее изрубилъ? какъ я ее любилъ! Тогда старикъ сложилъ царевну и взбрызнулъ сначала мертвой, потомъ живой водой и царевна оживла. Стали жить, поживать и добра маживать, и теперь живутъ.

Ефросинья Муромина (1898 г.)

4. Незнайка.

Жили были купецъ съ купчихой; имѣли богатство, да не имѣли дѣтей; горевали они много объ этомъ. Вотъ какъ-то разъ купчиха пошла въ гости; навстрѣчу ей старуха и спрашиваетъ ее: что, матушка, печальная такая? «Да вотъ, бабаныка, живемъ это мы съ мужемъ въ довольствѣ да богатствѣ не мало дѣтъ, а нѣтъ намъ оттого радости. Нѣтъ у насъ дѣтей, вотъ что, бабаныка. Не знаешь ли, чѣмъ горю поособить?» Могу, говоритъ старуха; пойдешь ко мнѣ. Пошла купчиха къ ней. Старуха дала ей рыбку и наказываетъ: «Возьми ты эту рыбку, сварь и съешь, да никому больше не давай». Вернулась купчиха съ

рыбкой домою, сварила уху и стала есть. Ыла, Ыла, не могла осилить. Остатки вылила на заднее крыльцо. Тутъ была кобыла; подошла она и слизала вылитое. Съ той ухи купчица вдругъ забрюхатила; обрюхатила и кобыла. Потомъ купчица родила сына, кобыла принесла конька. Сынка назвали Иванушкою. стали родители любить, холить его. Растетъ Иванушко не по днямъ, а по часамъ. Подымается и конекъ. Иванушко неразлучно съ нимъ бываетъ, поить, кормить его. Пришло время, родители отдали Ваню въ школу. Учился оятъ хорошо; какъ отбучится, такъ и обжить къ коньку повидаться.

Тутъ случилось такъ, что купчица связалась съ генераломъ. Съ этихъ поръ ей ни мужа, ни дѣтей не нужно стало. Начала она думать съ генераломъ; какъ бы извести Ванюшу. Вотъ генераль и говорить купчицѣ, чтобы наѣшала она въ чай отравы и напоила бы сына; купчица такъ и сдѣлала. Приходить Ванюша изъ школы и сейчасъ къ коньку побѣжалъ. Глядитъ, конекъ стоитъ, повѣсилъ голову и плачетъ. Бросился къ нему Ванюша, обнимаетъ, цѣлуетъ и спрашиваетъ: «О чемъ, мой милый конекъ, плачешь? надъ собой ли невзгodu слынишь, али надо мной?» Надъ тобой, Ванюша. Хочетъ тебя мать повести. Нальетъ тебѣ чай, ты выпьешь и умрешь. «А можно отъ этого избавиться?» Можно; когда мать нальетъ чаю, ты стань разливать и урони стаканъ, скажи, что обжегъ пальцы.—Пошелъ Ванюша въ домъ. Мать самаетъ его за столъ, налѣетъ стаканъ чаю и говоритъ: «Кушай чай, сыночекъ!» Ванюша сталъ было наливать чай въ блюдечко и уронилъ стаканъ на полъ, чай пролился, стаканъ разбился. Мать къ нему, ругаетъ; Ванюша обсказываетъ, что пальцы ожогъ, оттого и уронилъ стаканъ. Такъ избавился Ванюша отъ первой невзгоды. Пришелъ отецъ обѣдать, мать жалуется на сына. Отецъ и говорить, что это не бѣда, коли сынъ разбилъ стаканъ, можно другой купить. Потомъ купецъ ушелъ въ лавку. Вскорѣ пришелъ генераль. Купчица обсказываетъ, какъ Ваня разбилъ стаканъ. Генераль и говорить: «Ну вотъ что сдѣлай! истопи баню, позови Ваню съ собой, помой его и дай надѣть вотъ эту бѣлу рубашечку (далъ ей рубашечку). Какъ только Ваня надѣнетъ, такъ и помереть!» Вотъ купчица на утро истопила баню, дожидаетъ сына изъ школы. Ванюша пришелъ изъ школы и побѣжалъ сейчасъ къ коньку. Видитъ, конекъ повѣсилъ голову и плачетъ, «О чемъ, мой милый конекъ, плачешь? Надъ собой ли невзгodu слынишь, али надо мной», спрашиваетъ Ваня. «Надъ тобой, Ванюша, отвѣчай конекъ. Хочетъ тебя мать повести. Истопить она баню, возьметъ тебя съ собой, помоетъ и дастъ надѣть бѣлу рубашечку; ты надѣнешь и померешь!» «А какъ избавиться отъ этой напасти?» «Ты пойди въ баню, пусть моетъ мать, а станешь надѣвать рубашку, урони и затопчи въ грязь». Пошелъ Ванюша въ домъ; мать встрѣтила его и говоритъ: «Я, сыночекъ, истопила сегодня баню: пойдешь со мной, я помою тебя и дамъ бѣленькую рубашечку». Пошелъ Ваня въ баню. Мать помыла его и дала бѣленькую рубашечку. «Надѣнь», говоритъ. Взялъ Ванюша рубашечку, да и уронилъ изъ рукъ, потомъ затопталъ ногами. Мать забранилась, потомъ нажаловалась отцу.

«Эко, велика бѣда, говорить отецъ, что Ванюша вымаралъ рубашечку. Да мы ему, сколько хочешь, заведемъ новыхъ».

На другой день купецъ ушелъ въ лавку. Приходить къ купчицѣ генералъ. Она рассказываетъ ему, что Ваня не надѣлъ рубашечку. «Это ему сказывать все конекъ, говорить генералъ. Надо его извести сперва, тогда и Ваню изведемъ. Ты притворись больной; когда мужъ придетъ, стань дичать, рви на себѣ одежду, лѣзь на стѣну; потомъ утихни и будто усни. А проснешся, скажи мужу, что тебѣ снился сонъ, что бѣдъ твоихъ пройдетъ, когда зарѣжутъ Ванинова конька и помажутъ тебя его кровью». Вотъ купчица такъ и сдѣлала. Застонала, захохала, легла въ постель. Когда мужъ пришелъ, начала дичать. Купецъ испугался. Что это такое, думаетъ, попритчилось надъ женой? чѣмъ пособить горю? Купчица выла, выла, билась, билась, а потомъ стихла и будто уснула. Черезъ сколько-то времени просыпается и говорить мужу: «Видѣла я, муженекъ мой милый, чудный сонъ, будто ты велѣлъ зарѣзать Ванинова конька и помазать меня его кровью. Какъ помазать, такъ я сразу оздоровила». — А можетъ и взабавъ сонъ въ руку, отвѣчаетъ купецъ. Въ самомъ дѣлѣ зарѣжемъ конька, а Ванюшѣ лучшаго кунимъ взабавъ.

Ваня гдѣ-то отсутствовалъ. Пришелъ это онъ домой и побѣждалъ къ коньку поглядѣться. Видитъ, конекъ лучше прежняго плачетъ. Гладитъ Ваня ласково по шеѣ конька и спрашиваетъ: «О чемъ, мой милый конекъ, плачешь? надъ собой ли невагоду видишь али надо мной? Надъ собой и надъ тобой, Ванюша, отвѣчаетъ конекъ. «Какую такую?» — Догадалась твоя мать съ генераломъ, своимъ полюбовникомъ, что эго я оберегаю тебя отъ невагодъ, и задумали они извести меня, а безъ меня и тебя изведутъ тогда. Притворись хворой, говорить генералъ твоей матери, а потомъ усни; послѣ сна скажи мужу, будто привидился сонъ, что онъ зарѣзалъ Ванинова конька, помазалъ ее кровью его и отъ этого она оздоровила. Мать такъ и сдѣлала. Отецъ твой повѣрилъ и отдалъ приказъ зарѣзать меня. «Какъ же намъ избавиться отъ этой напасти», спрашиваетъ Ваня. А вотъ какъ, говорить конекъ. Когда станутъ точить ножи булатные, ты скажи отцу: вели, папаша, вывести конька на широкъ дворъ и позволь мнѣ сѣсть на него, прокатиться въ первый и послѣдній разъ. Узнаемъ хоть, какой у конька бѣгъ былъ. Коли позвольтъ, сядись на меня поскорѣй, бери плетъ въ руки, и когда подѣбдишь къ заплоту, стегни, я перескочу черезъ заплотъ, а тамъ и скроюсь.

Пошелъ Ванюша въ домъ. Ему говорить отецъ, что мать сильно хвораетъ; а чтобы оздоровила, надо конька зарѣзать да его кровью мать помазать. Ваня молчитъ; отецъ приказываетъ слугамъ сейчасъ же зарѣзать конька. Подходить тогда Ваня къ отцу, проситъ дозволить ему въ первый и послѣдній разъ прокатиться по двору на конькѣ, — узнаемъ, молъ, хоть какой бѣгъ у него былъ. Отецъ согласился, велѣлъ вывести конька на широкъ-дворъ. Ваня садится на него, беретъ плетъ въ руки и скакалъ по двору. Только поравнялся съ заплотомъ, обернулся и говорить: «Прощай отецъ, прощай мать негодайка!» Какъ стегнетъ потомъ конька плетью, взвился отъ этого удара конекъ на дыбы, скочилъ

прямо через заплоть и былъ таковъ. Бросились было за ними въ погоню, да гдѣ тамъ, ихъ и слѣдъ простылъ.

Долго ли, коротко ѣхалъ Ванюша на своемъ удаломъ конькѣ, только видить передъ нимъ большой, пребольшой городъ стоять. А это: надо быть столица, гдѣ царь живетъ, думаетъ онъ. Опустилъ тутъ Ванюша конька своего въ заповѣдны луга, самъ пошелъ къ городу. Остановился на квартирѣ и заказалъ шубу изъ ста овчинъ. Когда ему сшили, Ваня надѣлъ шубу и пошелъ по улицамъ города. На то время ѣхалъ верхомъ царь и наступилъ на хвостъ Ваниной шубы. Ваня остановился и говоритъ: «Вы что, развѣ не видите, что на человѣка наѣзжаете? Али ослѣпили»? Царь разсердился на Ваню, наскочилъ на него и давалъ отегать плетью. Отпустилъ ему двадцать пять ястей, потомъ спрашиваетъ: Ты чей будешь? «Не знаю»! отвѣчаетъ Ваня. Откуда будешь? «Не знаю». Ведите его ко мнѣ, говоритъ царь слугамъ, и отдайте садовнику, пусть возить воду и таскать дрова.

Слуги увели Ваню и отдали въ услуженіе садовнику. Садовникъ послалъ сперва Незнайку по воду. Поставилъ онъ на хвостъ шубы бочку и привезъ на ней полную воды. Послалъ потомъ садовникъ по дрова. Незнайку привезъ на шубѣ дровъ на цѣлу зиму. Вотъ и пошли толки во дворцѣ про этого самого Незнайку.

У царя этого было три дочери, двѣ замужнія, меньшая Елена дѣвушка была. Вотъ меньшая дочь и просить отца: «Пусти меня, батюшка, въ садъ посмотришь какой такой Незнайка тамъ есть». Чего на дурака смотришь, говоритъ царь. «Схожу, посмотрю, батюшка», просить дочь. Отецъ отпустилъ. Какъ увидѣла царица Незнайку, такъ и влюбилась сразу. Вернулась во дворецъ и говоритъ отцу: «Отдай меня замужъ за Незнайку». — Что ты, за дурака хочешь идти. «Отдай, батюшка». Ну, какъ знаешь, сама выбрала мужа, на меня не пеняй потомъ. Сыграли свадьбу не бѣдно, не пышно. Послѣ свадьбы Незнайку не пошелъ во дворецъ и остался у садовника жить.

Вскорѣ получаетъ царь записку отъ морского чудовища, трехглавого змѣя. Пишетъ онъ, чтобы царь везъ свою старшую дочь ему на съѣденіе. Видитъ царь бѣду не минуемую, снаряжаетъ свою дочь къ чудовищу и проситъ старшихъ зятевъ защищать ее, сулитъ за это награждать казною. Въ помощь дать имъ тысячу войска. Поѣхали зятевя, высадили царевну на морской берегъ, сами за войско схоронились, дожидаются змѣя. Меньшая дочь Елена побѣжала къ Незнайкѣ и говорить: «Незнаюшко! мою старшую сестру повезли къ трехглавому змѣю на съѣденіе. Всѣ зятевя поѣхали защищать ее. А ты поѣдешь»? Не знаю, сказалъ Незнайку. Потомъ вышелъ онъ въ заповѣдны луга, свистнулъ богатырскимъ свистомъ, крикнулъ молодецкимъ голосомъ. Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ похрей пламя пышетъ. Незнайку въ лѣвое ухо влѣзъ, въ правое вылѣзъ, такимъ молодцомъ сталъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, глядѣть бы, очей не свосилъ. Сѣлъ на конька Незнайку и поѣхалъ на морской берегъ. Подѣхалъ къ войску и спрашиваетъ, гдѣ царскіе за-

щитники; ему показан. Наѣхалъ Незнайко на зятевей и давай плетью стегать; стегаетъ и приговариваетъ: такъ-то вы защищаете царскую дочь! дупилъ, душилъ ихъ, потомъ бросилъ и поѣхалъ къ царевнѣ. Чего плачешь, говорить Незнайко царевнѣ; не плачь, будешь жива. А та ему въ отвѣтъ: Бѣнь скорѣй, нечистый духъ! «Открой, царевна, очи! передъ тобой не духъ, а такой же человѣкъ стоитъ, какъ и ты». Открыла царевна очи и взавбѣль видить передъ собой добраго молодца, что ни издумать, ни загадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, глядѣлъ бы, очей не сводилъ. Тутъ и само чудовище изъ моря показалось. «А, говорить, добрый царь далъ на съѣденіе царевну, далъ и витязя на закуску». Увидимъ, съѣшь ли нечистый духъ или подавишься, говорить Незнайко. Подмустилъ къ себѣ змѣя, да какъ махнулъ своимъ мечемъ, такъ и снесъ заразъ три головы. Царевна бросилась къ Незнайкѣ благодарить, проситъ ѣхать къ отцу во дворецъ. Царь-батюшко наградитъ васъ, говорить, за вашу защиту. Не поѣду во дворецъ, отвѣчаетъ Незнайко, и не надо мнѣ награды; я доведу въ двадцать пятью рублями, что далъ мнѣ царь. «Что вы, что вы! когда же это было? я никогда не видала васъ во дворцѣ», говорить царевна. Но Незнайко не сталъ больше разговаривать, хлестнулъ коня плетью и умчался. Въ заповѣдныхъ лугахъ отпустилъ конька своего, надѣлъ на себя шубу изъ ста овчинъ, вернулся въ царскій садъ и задремалъ спать.

Царемъ зятевей сожгли змѣя, пенселя по вѣтру развѣяли, подѣхали къ царевнѣ, велѣтъ сказать отцу, что они защитили ее отъ змѣя, а не то сулились убить. Войску тоже приказали говорить такъ. Вернулись домой; царевна обсказала отцу, какъ ея мужъ съ зятемъ защитилъ ее отъ змѣя. Царь радъ, велѣтъ устроить пиръ горой. Старшія сестры рады и смѣются надъ меньшой, что ея Незнайко дурастъ, а ихъ мужья витязи храбры. Пошла съ жалобами царевна Елена къ Незнайкѣ; насилу дождалась, рассказываетъ что и какъ было, а тотъ свое твердитъ: «не знаю». Черезъ сколько-то времени царь получаетъ другое письмо отъ морского чудовища—шестиглаваго змѣя; велитъ онъ вести вторую дочь ему на съѣденіе. Видитъ царь бѣду не минуемую, снаряжаетъ дочь къ чудовищу и проситъ своихъ старшихъ зятевей защищать ее, судить за это полпарства и въ помощь дать двѣ тысячи войска. Повезли зятевны среднюю дочь и высадили ее на морской берегъ, сами скоронились за войскомъ, ждутъ змѣя. Царевна Елена побѣжала къ своему Незнайкѣ и обсказываетъ о новомъ горѣ. «Поѣдешь ли защищать мою сестру», спрашиваетъ она. «Не знаю». Потомъ онъ пошелъ въ заповѣдные луга, снесъ коня молодецкимъ досвистомъ, крикнулъ богатырскимъ голосомъ. Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ водорей пламя пышетъ. Влѣзъ Незнайко въ лѣвое ухо, въ право вылѣзъ, сдѣлался такъ, какъ молодецъ, что ни издумать, ни загадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, глядѣлъ бы, очей не сводилъ. Сѣлъ на него Незнайко и поѣхалъ на берегъ морской. Подѣхалъ къ войску и спрашивается. Едѣ царскіе защитники; ему показан. Наѣхалъ Незнайко на зятевей и зачалъ плетью стегать; отжариваетъ и приговариваетъ: такъ-то

вы защищаете царскую дочь? Лупилъ, лупилъ ихъ, потомъ бросилъ и поѣхалъ къ царевнѣ. Чего плачешь, говоритъ Незнайко царевнѣ; не плачь, будешь жива! А та ему говоритъ: Ышь скорѣй, нечистый духъ! «Открой, царевна, очи! передъ тобой не духъ, а такой же человѣкъ, какъ и ты». Открыла царевна очи и взаболъ видитъ передъ собой добраго молодца, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, глядѣлъ бы, очей не свосилъ. Тутъ и чудовище изъ моря показалось. «А, говоритъ, добрый царь дать на съѣденіе царевну, далъ и витязя на закуску». Увидимъ, съѣшь ли нечистый духъ или подавишься, говоритъ Незнайко. И сѣкъ сразу шесть головъ змѣя. Царевна бросилась къ Незнайкѣ, зоветъ во дворецъ. Царь батюшка наградить вась за вашу защиту. «Не поѣду во дворецъ, говоритъ Незнайко, и не надо мнѣ награды; я доволенъ двадцатью пятью рублями, что далъ мнѣ царь». Что вы, что вы, когда же это было; я никогда не видала вась во дворцѣ. Незнайка хлеснулъ коня плетью и умчался; въ заповѣдныхъ лугахъ отпустилъ конька, надѣлъ на себя шубу изъ ста овчинъ, вернулся въ царскій садъ и залегъ спать.

Царевы зятевя велѣтъ царевнѣ сказать отцу, что они защитили ее отъ змѣя. Царевна обсказала отцу, какъ ея мужъ съ зятемъ убили змѣя. Царь радъ, велѣтъ устроить пиръ горой. Старшія сестры смѣются надъ меньшей, что ея Незнайко дуракъ, а ихъ мужья витязи храбрые. Пошла царевна Елена къ Незнайкѣ съ жалобами, а тотъ твердитъ одно: «не знаю».

Опять царь получаетъ письмо отъ морского чудовища—двѣнадцати-головатаго змѣя, велѣтъ онъ везти меньшую дочь Елену ему на съѣденіе; видитъ царь бѣду неминуемую, собираетъ дочь Елену къ чудовищу, проситъ старшихъ зятевей защитить ее, сулитъ за это все царство, а въ помощъ даетъ три тысячи войска. Побѣжала царевна Елена къ Незнайкѣ, обсказываетъ свою бѣду неминуемую и спрашиваетъ: «Поѣдешь ли, Незнаюшко, защищать меня?» Не знаю, отвѣчаетъ тотъ. Вотъ повезли царевну Елену на берегъ морской. Высадили ее зятевя на берегъ, сами сгороптели за войскомъ и дожидають змѣя. А Незнайко вышелъ въ заповѣдныя луга, свиснулъ богатырскимъ посвистомъ, крикнулъ молодецкимъ голосомъ; конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя вышетъ; влѣзъ Незнайка въ лѣво ухо, въ право вылѣзъ, сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, глядѣлъ бы, очей не свосилъ. Сѣлъ на конька Незнайка и поѣхалъ къ морскому берегу. Подъѣзжаетъ къ войску, спрашиваетъ: гдѣ царскіе защитники? Ему показали. Наѣхалъ Незнайка на зятевей, давай ихъ отжаривать,—жарить и приговариваетъ: такъ-то вы защищаете царскую дочь! Лупилъ, лупилъ ихъ, потомъ бросилъ. Пріѣхалъ къ царевнѣ, спрашиваетъ: О чемъ плачешь, царевна? Не плачь, будешь жива! Царевна ему отвѣчаетъ. «Ышь скорѣе, нечистый духъ!» «Открой, царевна, очи! Передъ тобой такой же человѣкъ, какъ и ты» Открыла царевна очи и взаболъ видитъ передъ собой такого молодца, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, глядѣлъ бы, очей не

сноснѣ. А Незнайко уже вызываетъ изъ войска самага смѣлаго воина, на-
казываетъ ему встать поближе къ царевнѣ и смотрѣть: «Буду я биться
со змѣею; если онъ меня сразитъ, конь мой станеть биться съ нимъ;
если запутается въ поводѣхъ, ты разсѣкь поводъ!» Не успѣвъ Незнайко
проговорить это, какъ видѣть, выходитъ изъ моря двѣнадцатиголовый
змѣй и говоритъ: «Добрый царь! далъ на съѣденіе царевну да и витязя
на закуску!» Увидишь, съѣшь ли, нечистый духъ, или подавишься, от-
вѣчаетъ Незнайка. Бросился на него змѣй. Незнайко махнулъ мечемъ
разъ, три головы снесъ змѣю; махнулъ другой разъ, еще три головы
снесъ. Но тутъ змѣй какъ хватить по рукѣ Незнайку, такъ тотъ и по-
катился замертво. Увидала это царевна, побѣжала къ Незнайку и пере-
вязала его руку своею шалью. А конь набросился на змѣя и давай
топтать его ногами, рвать зубами, но тутъ и самъ запутался въ пово-
дахъ. Подбѣжалъ тогда воинъ, разсѣкъ поводъ; конь добилъ змѣя. Тутъ
и Незнайка проснулся. «Да, говоритъ, долго я спалъ». Царевна Елена
подожгла къ нему, благодарить, просить ѣхать къ отцу во дворецъ. Царь
батюшка наградитъ васъ, говоритъ, за вашу защиту. «Не поѣду во дво-
рецъ, говоритъ Незнайка и не надо мнѣ награды. Я доволенъ двадцатью
пятью рублями, что далъ мнѣ, царь». «Что вы, что вы! Когда же это
было? Я васъ никогда не видала во дворцѣ», говоритъ царевна. Но Не-
зайка не стала больше разговаривать, хлещуль коня плетью и умчал-
ся. Не опустилъ уже конь въ заповѣдныя луга, а поѣхалъ прямо въ
царскій садъ и залегъ спать. Царевы зятевья сожгли змѣя, пепелъ раз-
вѣяли по вѣтру, ну и велѣтъ царевнѣ Еленѣ сказать отцу, что это они
защитили ее отъ змѣя, а не то сулились убить. Войску тоже приказали
сказать такъ и за это пообѣщали имъ награды. Вернулись домой, Ца-
ревна Елена обсказала отцу, какъ зятевья защитили ее отъ чудовища.
Царь радъ, велѣтъ устроить пиръ горой. Старшія сестры хватаютъ
своими мужьями, смѣются надъ Еленой и попрекаютъ дуракомъ
Незайкой.

Побѣжала царевна Елена съ жалобами къ своему Незнайку, а
тотъ забился подъ кустъ и спитъ себѣ. Отыскала его Елена, смотритъ,
рука у Незайки обмотана ея шалью; тутъ царевна здогадалась, кто
былъ ея защитникомъ, вернулась къ отцу и обсказала все про свое из-
бавленіе. Пошелъ царь со всѣми вельможами и дочерьми въ садъ; ви-
дитъ—правда, рука Незайки обмотана дочерниной шалью. Разбудили
тутъ Незайку. Спрашиваетъ его царь, отчего у него рука завязана и
гдѣ онъ взялъ такую дорогую шаль. Незайка разсказалъ, какъ онъ
защитилъ обѣихъ дочерей царскихъ и потомъ свою жену царевну Елену
отъ херскихъ чудовищъ. А чѣмъ ты докажешь, спрашиваетъ царь. Раз-
дѣль, говоритъ Незайко, зятевей своихъ, погляди на ихъ спины, какъ
я исполосовалъ ихъ. Раздѣли зятевей; у нихъ спины червѣ земли и въ
кочки избиты. Тутъ и старшія сестры повинились и войска тоже. Раз-
гнѣвался царь, велѣлъ выгнать изъ дворца старшихъ зятевей, а на Не-
зайку надѣлъ свою корону и сдѣлалъ его царемъ. Устроили пиръ го-
рой. Послѣ пиршества собрался Незайко и поѣхалъ допривѣдать своего

отца. Купчица давно уже держала въ домѣ генерала, а купецъ похмелать во дворѣ и всяку-то черну работу справлять. Встрѣтитъ генералъ Незнайку, какъ хозяинъ угощаетъ, а тотъ спрашиваетъ, гдѣ же самъ купецъ. Да ояъ, говоритъ генералъ, такой себѣ сталъ, придурковатый, подметаешь дворъ, то и се дѣлаешь. Позовите его ко мнѣ, говоритъ Незнайко, да дайте намъ отдѣльную комнату. Отвелъ генералъ отдѣльную комнату, позвалъ купца туда. Незнайко какъ увидѣлъ отца, такъ и бухнулся ему въ ноги. «Я, говоритъ, сынъ твой Ванюша; уѣхалъ отъ тебя, потому мать хотѣла такъ и такъ извести меня. Купецъ обрадовался, а Незнайко велѣлъ слугамъ схватить мать и генерала да и застрѣлить. Отца же своего увезъ съ собой и сталъ царствовать.

*Татьяна К—ва, крест. дѣвица села
Монастырскаго. (Запис. въ 1895 г.).*

5. О царевнѣ и ея трехъ сыновьяхъ.

(По локоть въ серебръ, по коѣнно въ золотъ).

Прили двѣ дѣвушки, одна дочь хрестьянская, другая—бабы-яги. Придутъ и разговариваютъ. Бабы-яги дочь говоритъ: «Если бы меня взялъ замужъ за себя Иванъ-царевичъ, и бы напиралъ ему полотно на всю армію». Хрестьянская дочь говоритъ: «Если бы меня изьялъ замужъ за себя Иванъ-царевичъ, я бы ему родила трехъ сыновей одинъ другого лучше, одного по локоть въ серебръ, другого по коѣнна въ золотъ, третьяго во лбу красное солнце, на затылкѣ ясенъ мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды. Иванъ-царевичъ стоялъ у избы и слушалъ. Рѣчь хрестьянской дѣвушки ему по сердцу приплась. Вернулся домой и говоритъ царю-батюшкѣ: «Я нашель себѣ невѣсту, батюшко. Посылайте сватовъ вотъ къ такой-то!» Сказалъ къ кому и гдѣ найти. Царь было воспротивился жениху на хрестьянской дѣвушкѣ; Иванъ-царевичъ стоялъ на своемъ. Дѣлать нечего отцу, велѣлъ справлять свадьбу и обѣнчали Ивана-царевича съ хрестьянской дѣвушкой. Пиръ устроили на весь міръ.

Пришло время царицѣ родить, она и посылаетъ Ивана-царевича: «Приведи, говоритъ, бабушку». Пошелъ Иванъ-царевичъ по бабушку. На встрѣчу ему старуха. «Здравствуй, говоритъ, Иванъ-царевичъ; куда пошелъ?» — Пошелъ по бабушку, отвѣчалъ Иванъ-царевичъ. «Возьми меня въ бабушки!» Что же, иди!—И повелъ Иванъ-царевичъ старуху во дворецъ. Старуха эта была сама баба-яга, мать той дѣвушки, что общала царевичу напирять холста на всю армію. Ей досадно было, что Иванъ-царевичъ изьялъ замужъ не ея дочь. Съ этой досады задумала она выместить свою злобу на теперешней царевнѣ. Пришли во дворецъ. Бабуягу отвели къ родильницѣ. Иванъ-царевичъ сталъ ожидать, съ чѣмъ придетъ поздравлять его бабушка. Царица въ это время принесла сына по локоть серебру. Баба-яга его утащила, а на его мѣсто положила щенка—кобелька и понесла къ Ивану-царевичу. Поздравляю тебя, говоритъ, съ сыномъ, только сыномъ-кобелькомъ. Не понравилось это Ивану-ца-

ревичу, но все же сказалъ: «Первая вина прощается!» Вотъ живетъ Иванъ-царевичъ со своей женой. Пришло время ей родить. Она опять посылаетъ Ивана-царевича по бабу. Пошелъ Иванъ-царевичъ искать бабу; глядитъ, идетъ навстрѣчу старуха (все та же яга); повстрѣчавшись съ Иваномъ-царевичемъ, разспросила его, куда и зачѣмъ идетъ. Иванъ-царевичъ сказалъ. «Возьми, говоритъ яга, меня въ бабушки!» Что же, пойдемъ, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ.

Пошла. Царица принесла теперь сына по колѣна въ золотѣ. Баба-яга подмѣнила его котенкомъ. Идетъ къ Ивану-царевичу и говоритъ: Проздравляю Иванъ-царевичъ тебя съ сынкомъ, съ сынкомъ, да съ котенкомъ! Выслушалъ Иванъ-царевичъ и промолвилъ: «Вторая вина прощается!» Въ третій разъ царица забрюхатила, а когда пришло время родить, послала мужа по бабушку. Пошелъ Иванъ-царевичъ искать бабушку. Навстрѣчу ему все та же баба-яга. Стала она разспрашивать, куда да зачѣмъ пошелъ Иванъ-царевичъ. Тотъ рассказалъ. Проситъ баба-яга Ивана-царевича взять ее въ бабушки. Иванъ-царевичъ и такъ и сякъ отговаривается, не можетъ отвязаться отъ бабы-яги. «Ну, сказалъ наконецъ, пойдемъ!» Привелъ старуху во дворецъ и отослалъ ее къ царицѣ. Та родила сына во лбу красное солнце, на затылкѣ ясный мѣсяцъ, по косяцамъ часты звѣзды. Баба-яга подмѣнила сына чурбанчикомъ и пошла къ Ивану-царевичу. Вотъ что говоритъ баба-яга: «Проздравляю тебя Иванъ-царевичъ съ сынкомъ, сынкомъ — чурбанчикомъ!» Вскипѣлъ гнѣвомъ Иванъ-царевичъ. Велѣлъ посадить царицу и ея дѣтей въ бочку и пустить въ море.

Плыветъ царица по морю въ бочкѣ, съ нею котенокъ, щенокъ и чурка. Долго-ли, коротко плавали они по морю, поднялась буря и выбросила бочку на берегъ. Лежитъ царица съ дѣтьми въ бочкѣ часъ-другой. Котенокъ и говоритъ: «Нельзя ли посмотрѣть, гдѣ мы находимся?» Ваялъ, процарапалъ дырочку въ бочкѣ, посмотрѣлъ и говоритъ: «Мамаша мы на землѣ». Мать посмотрѣла: «правда», говоритъ, дятятко. Котенокъ со щенкомъ схватили чурку и зачали бить въ дно бочки, вышибли и вышли. Осмотрѣлись, видятъ впереди стоятъ городъ. Пошли къ нему; пришли къ избушкѣ; въ ней жилъ старикъ; царица припросилась ночевать; старикъ пустилъ. Векоръ пришелъ къ той же избушкѣ нищій и просится вочевать. Старикъ и его пустилъ. Переночевалъ нищій и рано утромъ собирается идти по міру. Вотъ котенокъ и щенокъ просятъ царицу: «Пусти, мамаша, мы пойдемъ съ нищимъ посмотрѣть городъ». Мать было отговаривать стала, заблудиться, мать, не то затопчутъ гдѣ. «Нѣтъ, говорятъ дѣти, не безикойся, мамаша, ничего не случится съ вами худо; отпусти!» Отпустила царица ихъ. Побѣжалъ котенокъ со щенкомъ за нищимъ. Долго нищій собиралъ милостыню по городу, потомъ пошелъ во дворецъ; котенокъ и щенокъ за нимъ. Во дворцѣ этомъ жилъ тотъ самый Иванъ-царевичъ, что пустилъ царицу въ бочкѣ по морю; послѣ этого онъ женился на дочери бабы-яги.

Вотъ увидалъ Иванъ-царевичъ нищаго, велѣлъ подать милостыню и спрашиваетъ его гдѣ былъ, что видѣлъ. «Ходилъ я по городу, отвѣча-

есть нищій, ночевалъ въ избушкѣ одного старика, у этого старика есть большой садъ, въ саду много птицъ летаетъ, Ивана-царевича величаютъ. Иванъ-царевичъ дивился словамъ нищаго. Жена его тутъ же сидѣла и говоритъ: «Это еще не диво, Иванъ-царевичъ, а вотъ диво есть у меня— вотъ тамъ-то вѣнчикъ золотой. Это стоитъ достать». Услышали это котенокъ и щенокъ да сейчасъ и побѣжали домой. «Мамаша, говорятъ, вотъ въ такомъ-то мѣстѣ есть золотой вѣнчикъ; пойдемъ принесемъ»? Мать было отказываться стала, но дѣтки упростили ее. Сходила царица съ ними и принесла домой золотой вѣнчикъ. Отъ него такъ и зяетъ въ избушкѣ. Тутъ и нищій вернулся, просится у старика ночевать; старикъ пустилъ. Вошелъ въ избу, увидѣлъ золотой вѣнчикъ и диву дался.

На утро нищій опять пошелъ по міру. Котенокъ съ собачкой отпросились у царицы и убѣжали съ нищимъ. Посбиралъ нищій милостинки по городу и пошелъ во дворецъ. Котенокъ и собачка за нимъ. Увидѣлъ нищаго Иванъ-царевичъ, велѣлъ подать милостинку и спрашиваетъ, гдѣ былъ, что видѣлъ. «А видѣлъ, говоритъ нищій, садъ у старика, тамъ птицы летаютъ и Ивана-царевича величаютъ, а въ избушкѣ есть золотой вѣнчикъ, такъ отъ него и зяетъ. Иванъ-царевичъ дивится словамъ нищаго. Жена его тутъ же сидѣла и говоритъ: «Это еще что за диво, Иванъ-царевичъ, а вотъ диво, въ такомъ-то мѣстѣ находится корова золотые рожки. Ее бы вотъ привести, Иванъ-царевичъ!» Котенокъ съ собачкой услышали это и сейчасъ домой. «Мамаша, говорятъ они, вотъ въ такомъ-то мѣстѣ стоитъ коровка золотые рожки, пойдемъ приведемъ!»— Что вы, дѣтки, говоритъ царица, этого не можетъ быть! «Вѣрно, мамаша; пойдемъ, приведемъ!» Пошла царица съ ними и привела коровку золотые рожки.

Къ вечеру и нищій опять приходитъ. На утро опять отправляется по міру. Собачка съ котенкомъ выпросились у матери и айда за нимъ. Нищій походилъ по городу скѣль, идетъ опять во дворецъ. Иванъ-царевичъ увидѣлъ его, велѣлъ подать милостинку и спрашиваетъ, гдѣ былъ, что видѣлъ? «А видѣлъ, говоритъ нищій, большой садъ у старика, тамъ птицы летаютъ, тебя, Ивана-царевича, величаютъ, въ избушкѣ старика золотой вѣнчикъ зяетъ, во дворѣ стоитъ коровка съ золотыми рожками». Иванъ-царевичъ дивится словамъ нищаго. Но жена его говоритъ на это: «Это что еще за диво, а вотъ, говоритъ, диво, вотъ въ такомъ-то лѣсу стоитъ дубъ, въ дубу трое мальчиковъ сидятъ, одинъ по локоть въ серебрѣ, другой по колѣно въ золотѣ, третій во лбу красное солнце, въ затылкѣ ясный мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды; сидятъ они и выйти не могутъ. Кто же замѣсятъ на материномъ молокѣ три колобочка и дасть имъ съѣсть, тогда и мальчиковъ освободить». Услышали собачка и котикъ эти рѣчи и сейчасъ домой шмыгнули. Такъ и такъ, мамаша, есть въ лѣсу дубъ, въ дубу сидятъ наши братцы, одинъ по локоть въ серебрѣ, другой по колѣно въ золотѣ, у третьяго во лбу красное солнце, въ затылкѣ ясенъ мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды. Сидятъ они, а выйти не могутъ. Мать такъ руками и всплеснула: «Это они и есть дѣтки мои! Что же теперь дѣлать»? А вотъ что, матушка, говорятъ собач-

ка съ коткомъ, замѣси на своемъ грудномъ молочкѣ три колобочка и пойдешь съ ними въ лѣсъ. Мать замѣсила три колобочка и пошла въ лѣсъ, а собачка съ коткомъ впереди бѣгутъ. Приходятъ къ дубу; въ дубѣ видятъ дупло. Бросила царица одинъ колобочекъ туда. Дѣти схватили колобочекъ, стали есть и говорятъ: «Ахъ, колобочекъ мамашинимъ молочкомъ пахнетъ! Если бы еще намъ дали колобочекъ, мы поднялись бы повыше». Мать бросила другой колобочекъ въ дупло. Дѣти съѣли, вылѣзли изъ дупла по поясъ и говорятъ: «Ахъ, еслибъ намъ третій колобочекъ, мы тогда совсѣмъ вышли бы изъ дуба». Бросила мать имъ третій колобочекъ. Дѣти какъ съѣли, такъ и вышли изъ дуба. Бросилась къ нимъ мать, обливаясь слезами; дѣти радуются, ласкаются къ матери; собачка съ коткомъ тоже прыгаютъ, лижутъ своихъ братьевъ. Потомъ всѣ вѣстѣ вернулись въ избушку.

Туда пришелъ на ночь нищій. Увидѣлъ это дѣтей царицы и не налюбуется. На утро пошелъ во дворецъ къ царю. Собачка съ котенкомъ остались дома. Царь увидѣлъ нищаго, велѣлъ подать милостыню и спрашиваетъ: что видѣлъ, что слышалъ? Нищій разсказалъ, что видѣлъ въ избушкѣ у старика. Иванъ-царевичъ дивится и хочетъ видѣть самъ небывалыя диковины. Жена его ничѣмъ уже не можетъ удержать. Когда прѣхалъ Иванъ-царевичъ въ избушку, нашелъ онъ все, что разсказывалъ ему нищій. Иванъ-царевичъ сталъ разспрашивать у царицы, откуда пришла она или прѣхала. Та разсказала, какъ и что съ нею было. Иванъ-царевичъ разсказалъ тоже какъ и изъ-за чего лишился первой жены. Разказы-то ихъ сошлись. Тутъ Иванъ-царевичъ понялъ, что это все подстроила такъ старуха, мать второй его жены. Велѣлъ схватить ее и вѣстѣ съ дочерью застрѣлять, а самъ посадилъ первую жену съ ея дѣтками, съ собачкой и коткомъ въ карету, отвезъ въ дворецъ и сталъ жить да поживать да добра наживать.

*Татьяна К—ва, крестьян. дѣвушка
села Монастырскаго.*

6. Вѣщіе сны.

Въ нѣкоторомъ селѣ, только не въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ богатый крестьянинъ. Онъ имѣлъ сына. Когда сынъ возмужалъ, задумали его женить. То было такое обыкновенье, когда женить молодыхъ, то строить для молодыхъ домъ. Когда выстроили домъ, сыграли свадьбу. Въ брачную ночь молодой долженъ былъ ночевать одинъ въ новомъ домѣ, а молодая у стариковъ. Когда молодой спалъ въ новомъ домѣ, видѣлъ сонъ. Пришли къ нему духовные четыре лица въ бѣлыхъ ризахъ съ кадилами, стояли предъ его постелью, пѣли и кадили. Молодой пробудился и не спалъ всю ночь. На утро онъ сталъ обсказывать пришедшимъ къ нему свой сонъ; много было собравшихся изъ крестьянъ стариковъ благоразсудныхъ; никто не могъ этого сна разгадать, что онъ означаетъ, къ хорошему или худому. Знали, что гдѣ-то въ деревнѣ есть

колдунъ; то старичекъ, отецъ молодого, собрался, поѣхалъ къ колдуну. Ъхалъ дорогой, проѣзжалъ черезъ деревню; тамъ на улицѣ играли мальчики. Одинъ изъ мальчиковъ и говоритъ: «Здравствуйте, дядинька Василій!» Старикъ этому очень изумился; онъ никогда мимо этой деревни не проѣзжалъ, какъ могъ знать его этотъ мальчикъ. А мальчикъ и говоритъ: «Я даже знаю, какъ тебя величать. Василій Ивановичъ, и зачѣмъ ты ѣдешь. Вашему сыну приснился сонъ; вы ѣдете къ колдуну; когда будете рассказывать колдуну сонъ, колдунъ будетъ просить половину этого сна, а вы давайте только четвертую часть; онъ спроситъ, кто научилъ, скажи, что самъ знаешь». Василій Ивановичъ спросилъ мальчика, гдѣ онъ живетъ и пилъ чай у его матери. Потомъ поѣхалъ къ колдуну, рассказалъ о снѣ колдуну; тотъ проситъ половину этого сна; если дадутъ, то онъ разгадаетъ. Старикъ говоритъ, что онъ не можетъ дать половину этого сна, а если угодно, онъ дастъ четвертую часть этого сна. Колдунъ сталъ спрашивать: Кто тебя научилъ давать четвертую часть? «Никто меня не училъ, я самъ знаю». Колдунъ ему не повѣрилъ. «Если ты мнѣ скажешь, кто тебя научилъ, то ничего не возмущу, сонъ разгадаю, а если не скажешь, то меньше половины и не буду разгадывать». Тогда корысть взяла верхъ; старикъ сказалъ ему, что въ такой-то деревнѣ научилъ его мальчикъ маленькой. Когда поѣхали къ мужику, то заѣхали въ эту деревню ко вдовѣ, мальчика матери. Напились чаю, поѣхали къ мужику. Колдунъ велѣлъ разломать домъ; подъ каждымъ угломъ было по котлу золота. Когда вынули котлы, колдунъ сказалъ: «Мнѣ ничего не надо; вотъ вашъ сонъ». Самъ поѣхалъ къ себѣ домой; по пути заѣхалъ къ матери мальчика; когда стали пить чай, то колдунъ сталъ просить, чтобы мальчика отдали ему въ услуженіе. Мать сначала не хотѣла отпускать его, наконецъ колдунъ сталъ давать триста рублей. Мальчикъ и говоритъ: «бери, мама, и отпусти меня; пойду къ нему въ услуженіе». Распростились съ матерью и колдунъ поѣхалъ съ мальчикомъ.

Пріѣхалъ къ себѣ колдунъ, позвалъ служанку и велѣлъ мальчика убить, изжарить ему сердце и печенку. Служанкѣ стало жалъ такого маленькаго мальчика; она задумалась, мальчикъ и говоритъ ей: «Если тебѣ меня жалъ, то убей собаку и сжарь ему сердце и печенку; вѣдь онъ не узнаетъ что это не я». Служанка такъ и сдѣлала; колдунъ успокоился, что лучше его нѣтъ никого. Вотъ прошло немного времени, король видѣлъ сонъ, что его четыре рыцаря поставили на колѣни и хотѣли казнить. На утро онъ позвалъ всѣхъ и велѣлъ разгадать свой сонъ, но никто не могъ его разгадать. Тогда онъ велѣлъ позвать колдуна; колдунъ просилъ, чтобы ему дали три дня сроку подумать; это очень трудно сразу. Король далъ ему три дня сроку, сказалъ, если въ три дня онъ не разгадаетъ его, то велитъ его казнить. Колдунъ пріѣхалъ домой, сталъ жалѣть, почему онъ велѣлъ мальчика убить; говоритъ кухаркѣ, что если бы тогда она его не послушала и не убила мальчика, онъ ее теперь бы вознаградилъ. Кухарка сказала, что мальчикъ живъ, она его пожалеѣла и не убила. Колдунъ обрадовался, велѣлъ позвать мальчика, сталъ

просить, чтобы мальчикъ разгадалъ сонъ. Мальчикъ говоритъ, что это пустышной сонъ; пусть колдунъ возьметъ его съ собой и скажетъ королю, что не то, что онъ,—маленькій мальчикъ разгадаетъ, что значить этотъ сонъ. Приѣхали во дворецъ, доложили королю. Король спрашиваетъ, что значить мой сонъ. «Этотъ сонъ такой пустышной, что я и не трудился надъ нимъ; у меня есть маленькой мальчикъ; онъ вамъ его разгадаетъ. Король разсмѣялся и велѣлъ позвать того мальчика, но предупредилъ, если онъ совретъ, то обоихъ казнить. Позвали мальчика; король спрашиваетъ, что, можетъ онъ разгадать его сонъ? Мальчикъ отвѣтилъ, что можетъ, только чтобы колдуна казнили, а раньше онъ не скажетъ. Король велѣлъ казнить колдуна и погрозилъ мальчика тоже казнить, если онъ совретъ. Мальчикъ велѣлъ собрать всѣхъ фрейлинъ во дворецъ, которыя тамъ служили; на другой день собрали всѣхъ фрейлинъ; онъ ихъ обошелъ и сказалъ королю, что не всѣ тутъ на лицо; на другой день опять собрали. Тогда онъ отдѣлилъ четырехъ женщинъ, велѣлъ отвести въ отдѣльную комнату и туда могли входить только мужчины; оказалось, что эти четыре женщины были мужчины; онъ покушались на честь царской дочери. Царь мальчика наградилъ и оставилъ жить у себя во дворцѣ; мальчикъ взялъ мать и кухарку колдуна къ себѣ во дворецъ.

7. Царевна-лягушка.

Было у богача три сына; купилъ имъ по ружью. «Поѣзжайте, мои дѣти, куда ваши глаза глядятъ, стрѣляйте туда, куда ваши пули улетятъ». Одна улетѣла къ купцу, другая къ хрестьянину, третья къ лягушамъ въ болото. Одинъ поѣхалъ свататься къ купцу, другой къ хрестьянину, третій къ лягушамъ въ болото поѣхалъ свататься. Одинъ высваталъ у купца, другой у хрестьянина, третей приѣхалъ къ лягушамъ въ болото; стоитъ на берегу молоденькая дѣвица; посадилъ онъ ее къ себѣ и увезъ. Увезъ, обвѣнчались. Привели ихъ за столъ. Она сидитъ, сидитъ, подъ столъ падетъ, доспѣется лягушей. Было у ней подвѣнчное платье; въ немъ лежало въ карманѣ сердце. Они его у ней украли и сожгли. Она пришла, хватилась его, заплакала. Онъ сталъ спрашивать: О чемъ ты плачешь? «Я гдѣ то сердце свое потеряла». Онъ говоритъ: «Мы его сожгли». Она соскочила, стала въ огнѣ рыться. «Какъ мнѣ найти комочекъ, я бы дунула, плюнула, у меня опять доспѣлось бы сердце». Тогда одинъ братъ поѣхалъ къ купцу на блины, другой къ хрестьянину, а третій поѣхалъ къ лягушамъ въ болото. Приѣхалъ, у лягушъ стоитъ домъ хорошій; въ домѣ двѣ дѣвицы сидятъ; отецъ лежитъ на печи, мать на полатахъ, стонуть. «Погляди-ка, дитятко, какъ у меня объ тебѣ сердце изсохло». Она взглянула вскося на полати, тамъ висятъ двѣ шкурки сухія, пресухія и заплакала. «У меня, мама, сердечко сожгли». Зачали этого мужика наливкой угощать и рыбными пирогами; вдругъ

этому мужику доспѣлось лихо; побѣжалъ на улицу, давай блевать. Женщина вышла за нимъ на улицу и говоритъ: «Ты наливку не пей, а горько вино пей; наливку изъ подъ себя выпускають, а горько вино покупають. Рыбны пироги они срушать, не ѣшь; а которы самъ сръжешь, тѣ ѣшь». Вдругъ онъ заглянулъ подъ шестокъ, тамъ лягушечьи шкурки висятъ. Онъ здогадался, пошелъ на улицу коня запрягать; отецъ; мать собираются ее провожать. Онѣ вышли на улицу; которыя ей въ ноги падуть, тѣ сдѣлаются лягушатами. Мужикъ ее на коня посадилъ скорѣй, поѣхалъ. Оглянулся назадъ, дома уже нѣтъ. Онъ у нихъ ночевалъ три ночи, а вовсе три года. Приѣхали домой, стали жить, поживать, домъ наживать.

Крест. ольвица дер. Ерзовки Р. А. Худкова.

8. О попѣ и его работникѣ Миколкѣ.

Жилъ былъ попъ; у него былъ работникъ Миколка. Разъ поѣхалъ попъ съ Миколкой сѣно косить. Приѣхали на покосъ; Миколка говоритъ попу: «Батюшка, дай мнѣ своихъ рысаковъ; поѣду въ Москву шутки шутить». Попъ далъ ему рысаковъ. Миколка поѣхалъ, къ попадѣ заѣхалъ и говоритъ: «Матушка! батюшко велѣлъ домъ ломать, везетъ каменщиковъ и щекатуровъ, хочетъ каменный класть». Попадья велѣла ломать. Ёдетъ попъ, а попадья ему навстрѣчу и говоритъ: «Батюшка! ужъ послѣднее окладно бревешничко осталось». Попъ ее спрашиваетъ: Кто тебѣ велѣлъ ломать? «Миколой», отвѣчаетъ она. Попъ побѣжалъ къ Миколкиному отцу отыскивать его. А Миколка нарядился въ сестрино платье и сѣлъ къ окну. Попъ подходитъ къ окну и, увидя Миколку, говоритъ ему (не узнавъ его, а думая, что сестра): Миколка у васъ? «Нѣтъ, онъ уѣхалъ въ Москву шутки шутить», отвѣчаетъ Миколка. Попъ говоритъ: «Ну хоть ты иди за него жить». А онъ говоритъ: «Ай, батюшка, я н мѣсту рада». И сталъ съ тѣхъ поръ Миколка жить у попа дѣвкой прислугой.

Однажды къ попу заѣхали суздаль; понравилась имъ поповская прислуга; стали они ее сватать; высватали и обвѣнчались. Пошли на подклѣтъ. Подклѣтъ былъ на вышкѣ*), а лѣстницы не было, а поднямались на веревкѣ. Поднялись туда. Невѣста плачетъ, а суздаль спрашиваетъ ее: О чемъ ты, моя хорошая, плачешь? а она отвѣчаетъ: Какъ мнѣ не плакать; батюшка насильно отдалъ за тебя; у тебя нѣтъ ни кола, ни двора. А онъ ей отвѣчаетъ: «Давай-ка я тебя спущу; посмотри, сколько тамъ товару; и на-вотъ ключъ, посмотри, сколько денегъ въ шка-тулкѣ». И сталъ спускать. Невѣста говоритъ: «Послѣ я дерну за веревку, ты и тащи». Слѣзъ Миколка и побѣжалъ въ хлѣвъ, поймалъ барана, привязалъ къ веревкѣ и дернулъ. Суздаль потащилъ, но, увидавъ, что баранъ, закричалъ, что невесту испортили и началась тутъ тревога;

*) Вышка — «чердакъ»

послали за докторами. А Миколка переодѣлся, забралъ изъ шкатулки всѣ деньги и пошелъ къ отцу; запрягъ тройку коней и заѣхалъ прямо къ попу во дворъ. будто бы изъ Москвы. Зашелъ въ домъ и, узнавъ о случившемся, закричалъ на попа и на суждала: «Вы у меня сестру испортили; сдѣлали на вѣкъ нечеловѣкомъ!» Попъ началъ уговаривать Миколку и далъ ему сто рублей денегъ. И Миколка сталъ по прежнему жить у попа.

Къ попадѣ ходилъ дьяконъ. Миколка часто говорилъ объ этомъ попу, а попъ не вѣрилъ. Миколка говоритъ попу: Я тебѣ покажу,—заверну въ солому подъ лавку, а матушкѣ скажу, что ты уѣхалъ. Пришелъ дьяконъ, начали пировать. А Миколка завернулъ попа въ солому, а самъ залѣзъ на печь. Дьяконъ пируетъ съ попадѣй; попадѣя говоритъ.

Стоитъ скляница съ виномъ,

Табатерка съ табакомъ,

Сидитъ дьяконъ за столомъ,

Попадѣя передъ столомъ,

А Миколка лежитъ на печи да пость:

Солома, солома!

Что дѣлается дома?

А попъ изъ-подъ лавки пость:

Плеть на стѣнѣ?

Да какъ выскочилъ изъ-подъ лавки, да какъ началъ дьякона плетью жарить, что тотъ безъ оглядки убѣжалъ домой.

Дьяконъ пересталъ ходить къ попадѣ въ домъ,—боился попа. И они сговорились погулять на покосѣ. Дьяконъ говоритъ попадѣ: Ты приходи ко мнѣ на покосъ; принеси вина, мяса и всего, погуляемъ. «А какъ я найду твой-то покосъ, спрашиваетъ попадѣя. Дьяконъ говоритъ: «А я стружекъ набросаю на дорогу-то». Миколка это подслушала. На другой день попъ съ Миколкою поѣхали на покосъ, а дьяконъ уѣхалъ впередъ, а по его дорогѣ были набросаны стружки. Миколка всѣ стружки перебросала на свою дорогу. Попадѣя и пришла къ нимъ. Попъ спрашиваетъ: Ты зачѣмъ пришла? «Да сегодня моей мамонькѣ память». Попъ сталъ считать: Нѣтъ не сегодня; не память. «Ну, дакъ я обесчиталась. Ну, да давайте, по путѣ помянемъ, да и по дьякона надо сходить,—тоже помянетъ съ нами». Попъ послалъ Миколку по дьякона. Миколка пришелъ и говоритъ дьякону: тебя батюшка звалъ, да неси съ собой косу: у нихъ собаки злы. Потомъ Миколка впередъ дьякона прибѣжалъ къ попу и говоритъ: «Дьяконъ идетъ съ косою, тебя хочетъ съжечь!» Попъ какъ увидѣлъ дьякона, что онъ идетъ съ косою, побѣжалъ отъ него, а дьяконъ за нимъ бѣжить да уговариваетъ, что онъ никакого вреда не сдѣлаетъ.

Дьяконъ опять сговорились съ попадѣй погулять на полѣ, когда дьяконъ будетъ пахать. Попадѣя такъ и сдѣлала, понесла дьякону. Приходитъ къ дьякону, а попъ-то рядомъ пойдетъ. Попадѣя нечего дѣлать, принесла и говоритъ: «Надо бы и по дьякона сходить». Попъ опять послалъ Миколку. Онъ пошелъ и говоритъ дьякону: «Тебя попъ хочетъ зажечь». Дьяконъ началъ выпрягать, чтобы уѣхать. А Миколка при-

шелъ къ попу и говоритъ: «Онъ тебя звалъ скорѣе съ топоромъ, у него расхлябался клинъ у сохи, а топора вѣтъ». Попъ схватилъ топоръ и побѣжалъ, а дьяконъ не успѣлъ выпрягчи, отсѣкъ гужи, сѣлъ на коя и побѣжалъ. Попъ его уговариваетъ, а дьяконъ ему кричитъ: «Врешь, не обманешь!»

Разъ попа не было дома, Дьяконъ опять пришелъ къ попадѣй. А попъ-то прѣхалъ; попадѣя спрятала дьякона въ подполье. Попъ не видалъ, а Миколка видѣлъ, и говоритъ попу: «У насъ въ подпольѣ кикимора сидитъ». Попъ говоритъ: «Выживи ее», а Миколка говоритъ: «Давай сто рублей денегъ, кипяченой смолы и перьевъ, а ты накали клюку*) и стой у подполья; какъ побѣжитъ, ты ткни его клюкой». Приготовили все; залѣзъ Миколка въ подполье, облилъ тамъ дьякона смолой, осыпалъ перьями. Дьяконъ оттуда побѣжалъ, а попъ его клюкой тычетъ. Онъ загорѣлся, да скорѣе на улицу въ снѣгъ. Съ тѣхъ поръ не сталъ ходить дьяконъ къ попадѣй.

*Крестьянск. дѣвица села Казачинскаго
Елена Казанцева.*

9. Миколушка.

Въ одномъ селѣ жилъ попъ съ попадѣй, имѣлъ двухъ дочекъ. Вздумалось попу ѣхать на базаръ. Прѣхалъ на базаръ, закупилъ что ему нужно было; видитъ, мужикъ продаетъ Миколушку величиной вершка четыре: попъ купилъ для своихъ дочерей ради забавы, привезъ домой и подарилъ дочерямъ. Дочери съ нимъ поиграли, а вечеромъ спать положили съ собой. Миколушка и думаетъ: я имъ всѣмъ штуку устрою. Пошелъ на пригонъ, убилъ барана, вынулъ трибушину, сволокъ въ спальню и положилъ посреди дѣвицъ; онъ такъ крѣпко спалъ, что ничего не слышали. Зашелъ къ попу въ спальню, связалъ ихъ (съ попадѣй) за волосы и ушелъ. Проснулись дочери, шутяють, что-то мокрое и теплое. Одна спрашиваетъ другую: Ты родила? «Нѣтъ»; Ты родила? «Нѣтъ». Подняли споръ; проснулись попъ съ попадѣй, слышать шумъ, хотятъ встать, не могутъ; одинъ одного таскаютъ за волосы. Попъ говоритъ: Попадѣя! ты чего дересся? а попадѣя спрашиваетъ попа: Ты чего дересся? Наконецъ, и заправду разодрались. На шумъ сбѣжались сосѣди и развязали волосы пова съ попадѣй. Попъ и догадался; больше не кому было это сдѣлать, какъ Миколушкѣ. Стали его искать, а его и слѣдъ простылъ**).

10. Какъ дуракъ добылъ огонь.

Жили были три брата, двое умныхъ, третій, какъ водится, дуракъ. Поѣхали они въ лѣсъ дрова рубить. Пришло время обѣдъ варить;

*) Клюка—„кочерга“.

**) Это, кажется, отрывокъ изъ распространенныхъ здѣсь сказокъ о «Миколушкѣ» (онъ же „Шутакъ“).

хватились, огня ни у кого нѣтъ. Какъ быть? Смотрятъ, въ далѣ избушка стоитъ: въ ней огонекъ свѣтится. Вотъ умные братья и говорятъ, надо идти огня просить. «Иди сперва ты», говорятъ средній братъ старшему. Пошелъ старшій. Входитъ въ избушку; въ избушкѣ печь топится, а передъ нею сидитъ старый старичище и грѣется у печки; въ ней огонь такъ и пылать. Поздоровался старшій братъ и проситъ: «Дѣдушка, дай огня!» Спой пѣсню, отвѣтилъ дѣдъ. «Не умѣю». Скажи сказку! «Не гораздъ». А не гораздъ когда, и огня не дамъ. Вернулся ни съ чѣмъ старшій братъ. Пошелъ средній. Входитъ въ избушку. «Здравствуй, говоритъ, дѣдушка!» Здорово, молодецъ. «Дай, дѣдушка огонька». Спой пѣсню, говоритъ дѣдъ. «Не умѣю». Скажи сказку. «Не гораздъ». А когда не гораздъ, нѣтъ тебѣ огня. Вернулся средній братъ ни съ чѣмъ.

Стали посылать братья дурака по огонь. «А вы что? спрашиваетъ тотъ. Да не дастъ дѣдъ. «Ой вы. дурни! А я принесу». Пошелъ дуракъ по огонь, приходитъ къ дѣду, поздоровался и проситъ: «Дай, дѣдо, огня». Спой пѣсню! «Не умѣю». Скажи сказку! «О, это мое дѣло, скажу, только съ уговоромъ: слушай, дѣдъ, сказку, да не перебивай, а не то огня дашь да сто рублей заплатишь».—Ладно, сыночекъ.—Началъ дурень сказку.

«У меня была кобыленька, за поясомъ носилъ я топоренько; кобыленька трухъ-трухъ, топоренько тукъ-тукъ и отсѣкъ задъ у моей кобыленки. Кобыленка осталась жива, я на ней три года еще ѣздилъ. Слушаешь, дѣдъ?» И хлопъ его по лысинѣ.—Слушаю, свѣтъ.

«Вотъ я на этой кобыленькѣ взлѣхалъ на небо, привязалъ къ дереву, самъ пошелъ гулять по небу; слушаю тамъ комары да пауты дорого продаютъ. Надумалъ я сходить на землю за комарами да за паутами. А какъ слѣзть съ неба? Вижу мужики на землѣ хлѣбъ вѣютъ; давай я хватать пыль, да веревку вить; свилъ, привязалъ я къ ногѣ своей кобыленку и полѣзъ. Подула это погода, какъ стало меня качать то въ Питеръ, то въ Москву, то въ Питеръ, то въ Москву! Какъ ни какъ, а слѣзъ таки на землю, набралъ кулъ комареньковъ, да кулъ паутенковъ, и полѣзъ опять на небо. Сталъ торговать я комаренька съ паутенкомъ на коровенку съ теленкомъ. И сколько-то я набралъ скота».

Кончилъ это, хлопнулъ по лысинѣ дѣда и спрашиваетъ: «Слышишь дѣдъ?» Слышу, свѣтъ! «Вотъ оказія, мои матушки, думаетъ дурень, ничѣмъ то его не прошибешь! Ну, слушай дѣдъ! Былъ у тебя дѣдъ и у меня дѣдъ, только мой дѣдъ на твоемъ дѣдѣ верхомъ ѣздилъ!» Показались дѣду за обиду эти рѣчи; не стерпѣлъ дѣдъ и вскричитъ: врешь, сукинъ сынъ. «Зачѣмъ перебиваешь сказку, остановилъ дурень дѣда. Знаешь уговоръ? Давай огонь и сто рублей!» Пожался, пожался дѣдъ и отдалъ сто рублей и огонь.

*Татьяна К—ва, крестьянск. дѣвушка
с. Монастырскаго. (Зап. 1896 г.).*

11. Сынно-глинка.

Жилъ да былъ старикъ со старухой; у нихъ не было дѣтей. Вотъ старикъ и говоритъ старухѣ: «Таскай въ избу глину, станемъ дѣлать сына». Принесла старуха глину, старикъ сталъ стряпать сына; сдѣлалъ все, какъ слѣдуетъ быть, руки, ноги и прочее. Не успѣлъ онъ кончить, какъ сынъ всталъ и говоритъ матери: «Я хочу ѣсть! давай мать пять ковригъ. Принесла мать пять ковригъ, сынъ съѣлъ ихъ и пошелъ на улицу. Идетъ старуха съ копыломъ (прялка). Остановилъ ее сынно-глинка и говоритъ: «Сказать тебѣ сказку»? Скажи, говоритъ старуха. «Слушай! Принесла мнѣ мать пять ковригъ, я ихъ съѣлъ и тебя, старуха, съѣмъ съ копыломъ. Взялъ и съѣлъ. Пошелъ дальше. Навстрѣчу ему мужикъ съ топоромъ. Сынно-глинка и говоритъ мужику: «Сказать тебѣ сказку»? Скажи! «Захотѣлъ я, говоритъ, ѣсть, принесла мнѣ мать пять ковригъ; съѣлъ я пять ковригъ; встрѣтилась мнѣ баба съ копыломъ и ее съѣлъ, и тебя съ топоромъ съѣмъ». И съѣлъ мужика съ топоромъ. Пошелъ дальше. Встрѣтилъ бабу съ ведромъ, спрашиваетъ: «Сказать тебѣ сказку»? Скажи! «Захотѣлъ я ѣсть; принесла мнѣ мать пять ковригъ; съѣлъ я пять ковригъ; встрѣтилась мнѣ баба съ копыломъ; я съѣлъ ее; встрѣтился мнѣ мужикъ съ топоромъ; и его съѣлъ. И тебя съѣмъ съ ведромъ». И съѣлъ ее. Встрѣтилъ онъ дѣвокъ съ бѣльемъ, потомъ встрѣтилъ свадебный поѣздъ; съѣлъ и дѣвокъ съ бѣльемъ, и свадебный поѣздъ. Потомъ повстрѣчался съ медвѣдемъ и говоритъ: «Сказать тебѣ, медвѣдь, сказку»? Скажи, говоритъ медвѣдь. Сынно-глинко сказывать медвѣдю: «Жилъ я у матери, захотѣлъ ѣсть; дали мнѣ пять ковригъ, съѣлъ я пять ковригъ; встрѣтилъ старуху съ копыломъ, съѣлъ ее; встрѣтилъ мужика съ топоромъ, съѣлъ его; встрѣтилъ бабу съ ведромъ, съѣлъ ее; встрѣтилъ дѣвокъ съ бѣльемъ, съѣлъ ихъ; встрѣтилъ свадебный поѣздъ, съѣлъ его. И тебя медвѣдь съѣмъ». Медвѣдь всталъ на ноги и говоритъ: Давай, сперва поборемся! Стали бороться. Медвѣдь облапилъ Сынку-глинку, хлопнулъ о землю и разбилъ въдребезги. Тогда изъ Сынка-глинки вывалились цѣлкомъ пять ковригъ, вышли старуха съ копыломъ, мужикъ съ топоромъ, баба съ ведромъ, дѣвки съ бѣльемъ и свадебный поѣздъ поѣхалъ*).

12. Дѣвица въ свиной кожѣ.**)

Жилъ мужикъ съ бабой; у нихъ была одна дочь. Отецъ приневолилъ дочь и сталъ съ нею жить. Вотъ отецъ сталъ собираться какъ-то

*) Эту сказку я слышалъ въ дѣтствѣ на югѣ Тобольской губ. Глиняный мальчикъ проглатываетъ своего отца и мать, всю посуду, избу своихъ родителей, идетъ по дорогѣ, проглатываетъ встрѣчающихся ему мужика съ кнутомъ, съ возомъ и лошадыю, потомъ цѣлый обозъ изъ сорока возовъ съ кладью, людьми и лошадьми, потомъ дьячка, потомъ дьякона и наконецъ пона; когда онъ говоритъ пону, что съѣсть его, понъ благоговѣяетъ его крестомъ. Глиняный мальчикъ рассказываетъ и изъ него выходятъ всѣ, имъ проглоченные Г. Потанинъ.

**) У г. Макаренко сказка была озаглавлена «Объ отцѣ снохачѣ».

въ городъ, дочь и просить его купить ей три платья, самокатку и свиную кожу. Купилъ отецъ ей три платья, одно мѣсячнаго цвѣта, другое солнечнаго, третье со звѣздами, потомъ свиную кожу и самокатку. Надѣла дочь мѣсячное платье, сѣла на самокатку и сказала отцу: Прощай, отецъ-негодяй! и скрылась.

Подъѣзжать къ городу, самокатку и платья спрятала подъ дубомъ, надѣла свиную кожу и пошла въ городъ наниматься. Пришла къ богатому купцу, нанялась въ стряпки. У богатого мужика былъ одинъ сынъ; пора была ему жениться, да невесты нигдѣ не подыщутъ ему; все привередничалъ, та не хороша да другая не ладна. Это уже и отцу съ матерью не понравилось. Они для него и наняли свинью, чтобы, значить, замѣсто горнишней ему была. На утро велѣтъ переодѣтой свиньѣ подавать сыну умываться. Подала она рукомойникъ и рукотерникъ и сынъ увидѣлъ грязную свинью; противна она показалась ему; онъ схватилъ рукотерникъ, ударилъ ее по лицу и прогналъ. Не смѣй, поганка, за мною ходить!

Ладно; дождалась дѣвка воскресенья, отпросилась у хозяевъ къ обѣднѣ. Побѣжала она за деревню, вынула изъ подъ дуба платье цвѣта мѣсячнаго, сѣла въ самокатку и поѣхала въ церковь. Стала впереди всѣхъ. Пришелъ туда и сынъ богатого мужика, увидѣлъ незнакомую барышню такую-то красивую да богато одѣтую, увидѣлъ и подошелъ ближе, сталъ заговаривать, выспрашивать, кто она, откуда, я васъ молъ, нигдѣ раньше не видалъ. Красавица отвѣчала, что они видались уже. Нѣтъ, помилуйте, говоритъ сынъ богатого мужика, этого не можетъ быть. «Нѣтъ, вѣрно. Вы еще меня какъ-то ударили рукотерникомъ по лицу». —Вотъ вы это напрасно говорите!

Тутъ служба кончилась; народъ заколыхался и пошелъ къ выходу. Глядь, поглядъ сынъ богатого мужика, а дѣвушка уже скрылась. Туда, сюда, нѣтъ ея нигдѣ.

Такъ повторилось до трехъ разъ. На третій разъ купеческій сынъ налилъ на то мѣсто, гдѣ все стояла прѣзжая барышня, смолы. Та какъ стала, такъ и прилипла башмаками къ полу. Когда окончилась служба, красавица было пошла, да ногъ-то и не можетъ передвинуть. Купеческій сынъ уже подлѣ нее, хочетъ схватить. Видитъ она свою неминуемую бѣду, рванулась и ушла босикомъ. Купеческому сыну только и достались одни башмаки. Съ ними онъ уѣхалъ домой. Потомъ началъ ѣздить по городу, примѣрять дѣвицамъ башмаки и говорить, что на той женись, кому онъ придется по ногѣ. Никому не пришлось башмаки. Тогда купеческій сынъ говоритъ смѣхомъ: Примѣрю башмаки своей свиньѣ! Примѣрять, онъ какъ тутъ былъ. Ну, свинья призналась, что это она была всѣ разы, сняла съ себя свиную шкуру, одѣла лучшее платье. Купеческій сынъ женился на ней.

*Крестьянск. дѣвушка Татьяна
К—ва, с. Монастырское.*

13. Тархъ Тараховичъ.

Тархъ Тараховичъ богатырь царства какого, не знаю, родословія невѣстнаго. Только въ томъ же государствѣ жилъ былъ хрестыанинъ, женатой на молодой женѣ, жена его милица да только вѣдьма....

Начало сказки, которую прослушать такъ и не удалось; рассказывалъ старикъ крестьянинъ Алексѣй Мысовской деревни Мысы.

14. Жена колдунья.

Жилъ былъ одинъ богатый купецъ; имѣлъ онъ взрослого сына, задумалъ онъ его женить, выбралъ невѣсту, сыграли свадьбу, молодые стали жить отдѣльно отъ родныхъ. Только сталъ молодой замѣчать, что жена его хлѣба не ѣстъ; онъ ее спрашиваетъ, что за причина; она ему отвѣчаетъ, что сыта, не хочетъ ѣсть. Каждый день часовъ въ одиннадцать вечера она отлучалась изъ дому. Это мужа заинтересовало, куда жена ходитъ? Вотъ разъ онъ и прослѣдилъ за ней; видитъ, что она пришла на кладбище, а тамъ она не одна была, а ихъ много было; онъ догадался, что это была вѣдьма. Онъ сталъ слѣдить за ними, что онѣ тамъ дѣлаютъ. Видитъ онъ, что всѣ эти женщины разрывали могилы, открывали гробы и ѣли покойниковъ. Онъ подумалъ про себя—вотъ и причина, что моя жена хлѣба не ѣстъ. Пошелъ домой, а немного погодя и жена пришла домой, конечно, не подозрѣвая, что мужъ за ней слѣдилъ. На другой день она за обѣдомъ, какъ и всегда, не ѣла хлѣба. Мужъ спрашиваетъ; почему она не ѣстъ хлѣба? получаетъ отвѣтъ, что она не хочетъ. Тогда онъ разсердился и говоритъ, что онъ знаетъ, почему она не хочетъ хлѣба ѣсть: «потому что мертвечины наѣлась сегодня ночью». Жена выскочила изъ за стола, схватила пузырекъ и брызнула на мужа. Онъ тутъ же превратился въ кобеля, жалобно завывъ и побѣжалъ по улицамъ. Этотъ кобель понравился содержателю одного магазина; онъ его взялъ къ себѣ и такъ полюбилъ собаку, что не хотѣлъ съ ней разставаться. Прожилъ этотъ кобель у хозяина три года. Разъ хозяинъ пошелъ гулять, взялъ его съ собой. Повстрѣчался хозяину одинъ человѣкъ, посмотрѣлъ на собаку, сразу догадался, что это не простая собака. Пошелъ этотъ человѣкъ за хозяиномъ, сталъ просить, чтобы хозяинъ продалъ собаку ему. Хозяинъ сначала не хотѣлъ, а потомъ уступилъ. Это былъ колдунъ; онъ привелъ его домой, взялъ банку, брызнулъ на кобеля, тотъ опять превратился въ человѣка. Купеческій сынъ рассказалъ, что жена его заколдовала. Тогда колдунъ спросилъ, не желаетъ ли онъ ее наказать за это. Купеческій сынъ отвѣтилъ, что желаетъ, да не знаетъ какъ. Колдунъ далъ ему баночку, велѣлъ брызнуть на ее. Купеческій сынъ пришелъ домой, засталъ жену за столомъ. Она показала видъ, будто обрадовалась ему; онъ не далъ ей опомниться, какъ брызнулъ на нее. Она

превратилась въ кобылу. Онъ ее прогналъ со двора, а самъ чрезъ нѣкоторое время женился на другой и былъ счастливъ.

Село Казачинское.

15. Лиса и котъ.

Бѣхалъ старикъ съ рыбой, глядитъ—на дорогѣ лежитъ лисица. Тронулъ ее кнутикомъ, лиса не шевелится. «Хорошій будетъ воротникъ на шубу моей старухѣ!» Поднялъ лису и бросилъ въ телѣгу. Лиса ожила, продѣлала въ телѣгѣ дыру и повыбрасывала рыбку. Приѣхалъ старикъ домой, кричитъ: «Старуха! я тебѣ лисицу на воротникъ привезъ, въ телѣгѣ лежитъ». Посмотрѣла старуха, а тамъ ни лисы, ни рыбы нѣтъ. Провела старика лиса. Вотъ она склала рыбку въ мѣсто и говоритъ: «Я сегодня именинница, побѣгу звать на именины». Побѣжала къ зайцу. «Иди кумъ, заяцъ, на именины ко мнѣ; я рыбки приготовила». Пошелъ заяцъ къ лисицѣ на именины. Встрѣтила лиса медвѣдя, зеваетъ: «Иди кумъ, медвѣдь, на именины ко мнѣ; я рыбки припасла». Пошелъ медвѣдь на именины къ лисѣ. Потомъ она созвала такъ волка и козла. Собрались гости въ шалашъ къ кумѣ-лисѣ. А она и говоритъ: «Ахъ, я и забыла позвать куманька кота Ваську. Побѣгу звать!» Побѣжала. Гости и говорятъ другъ другу: «Что это за звѣрь котъ Васька? Давайте спрячемся! такъ то безопаснѣй посмотрѣть будетъ». Ну и спрятались. Зайчикъ улегся въ листочкахъ, волкъ за кустомъ сталъ, медвѣдь на березу залѣзъ, козелъ за березу спрятался. Идетъ котъ Васька, дорога-то грязная, котъ ноги подергиваетъ, грязь отряхиваетъ. «У, сердитый какой», думаютъ спрятавшіеся. Зайчикъ зашевелился въ листочкахъ; котъ подумалъ, что мышъ, бросился на шелестъ; заяцъ перепугался, да и тягу; волкъ за нимъ; козелъ за волкомъ; медвѣдь соскочилъ съ березы—за нимъ. Котъ увидѣлъ, что нѣтъ мыши, вернулся къ лисѣ. Та и подумала, какъ бы и мнѣ того же не было, да и пустилась за всѣми. Остался котъ Васька хозяиномъ рыбки.

Крест. дѣвица с. Монастырскаго Татьяна К—ва.

16. Царь и пьяница.

Въ одномъ царствѣ стоялъ монастырь подъ названіемъ «Безпечальный». Случилось бѣхатъ царю мимо того монастыря; видитъ надпись, читаетъ: «Безпечальный монастырь». Да, думаетъ себѣ, видно въ этомъ монастырѣ монахи не знаютъ печали. Постой же, я задамъ имъ печаль. Вернувшись во дворецъ, царь велитъ послать за настоятелемъ безпечальнаго монастыря. Приходитъ тотъ. «Вотъ что, святой отецъ, говоритъ царь; бѣхалъ я мимо монастыря вашего, на немъ надпись есть, что онъ назы-

*) По другому варианту вмѣсто пьяницы былъ мельникъ. *Мак.*

вается «монастырь безпечальный. Почему это так?»—Оттого, царь-батюшка, что монахи по молитвам ихнимъ не знаютъ печали; ну и монастырю дали названіе «безпечальный».—«Гм! а вотъ что я скажу тебѣ, святой отецъ; какъ всѣ монахи живете безъ печали, то дамъ я вамъ двѣ задачи: первая вамъ задача—сосчитать звѣзды на небѣ, вторая—оцѣнить, во что я самъ стою. Иди, святой отецъ, и скажи это своимъ монахамъ». Вышелъ настоятель отъ царя, запечалившись отъ царскаго слова. Навстрѣчу ему попадается пьяница. «Чево, ваше пресвященство, печальный такой», спрашиваетъ. Тотъ разсказалъ о томъ, что царь задалъ его монастырю двѣ задачи, одну—сосчитать звѣзды на небѣ, другую—оцѣнить, во что стоитъ самъ царь. «А сколько сроку далъ царь на отвѣтъ», спросилъ пьяница. Три дня.—За три дня можно рѣшить эти задачи. Иди, батюшко, въ монастырь и не печалься, сказалъ пьяница. На томъ и разстались. Прошло три дня. Пьяница отправляется въ монастырь, одѣвать одежду настоятелю и идетъ прямо во дворецъ, велитъ доложить царю о себѣ. Царь позвалъ его къ себѣ. «Ну что, святой отецъ, рѣшилъ задачи», спрашиваетъ.—Рѣшилъ, отвѣчаетъ пьяница. «Сколько же на небѣ звѣздъ?»—Звѣздъ, царь-батюшко, три милліона триста тысячъ тридцать пять. «Врешь!» Можете пересчитать, царь батюшко, если я вру.—Да, думаетъ царь, этого нельзя сдѣлать на самоѣ дѣлѣ. «Ну, хорошо, а во что оцѣниваете меня?» А въ три серебрянника. «Какъ такъ?» А такъ, царь-батюшка. Самъ Іисусъ Христосъ проданъ былъ только за тридцать серебрянниковъ, ну а твоя милость неужели дороже стоитъ? Подумалъ царь, говорить—«правду сказалъ, святой отецъ» и отпустилъ настоятеля съ наградами.

Крестыанскій паренъ с. Казачинскаго Михаилъ Нечавѣ (запис. 1896 г.)

17. Копейка.

Одинъ бѣдный мужикъ выбралъ въ долгъ денегъ у одного богача и всегда отдавалъ къ строку весь долгъ. Разъ у него не хватило отдать одной копейки; богачъ и напоядился ходить къ нему за копейкой каждый день по два раза. Мужикъ надоѣло. Разъ, увидя богача, идущаго къ нему, онъ говоритъ женѣ: «Жена! давай мнѣ бѣлое бѣлье, я лягу на столъ, а ты плачь обо мнѣ». Такъ и сдѣлали. Приходитъ богачъ. Увидѣлъ, спросилъ жену: Что, онъ умеръ? «Умеръ», отвѣчала та.—Ахъ онъ, варнакъ! Копейку-то мою унесъ, заругался богачъ. Ну да ладно, я пособлю тебѣ его схоронить-то.

Заказали гробъ; а отиѣвать везти было далеко, наклали на телѣгу травы, поставили гробъ на траву; богачъ сѣлъ самъ кучерить, а жена шла за телѣгой, оплакивая умершаго. Ыдутъ по улицѣ, а коровы хватаютъ траву съ телѣги, а мертвецъ приподымаетъ крышку гроба и толкаетъ коровъ рукой, приговаривая: «кышъ вы, сылы!» А богачъ какъ увидитъ, что онъ подыметъ крышку, заглянетъ къ нему и скажетъ: «отдай копейку». Бѣднякъ, услыша эти слова, опять помираетъ.

Привезли въ церковь гробъ отцѣвать. Было поздно, а богачъ говорить женѣ покойника: «Ты иди. я здѣсь съ нимъ ночую». А гробовъ тамъ было много наставлено. Жена ушла, а богачъ спрятался въ гробы и сидитъ. Настала ночь. Вдругъ въ церковь являются двѣ шайки разбойниковъ по двѣнадцати челоуѣкъ, начали грабить церковь, наклали золота не счетомъ, а кучами, двадцать пять кучъ, и стали дѣлить; одна куча остается. Всѣ стали думать, кому ее отдать. Потомъ атаманъ говорить: «Кто этотъ гробъ пересѣкеть съ одного разу, тому эта и куча!» А на гробъ показалъ на тотъ, въ которомъ лежалъ живой мертвецъ. Мертвецъ при этихъ словахъ испугался. Вдругъ раздалась команда атамана; разбойникъ замахнулся, а мертвецъ сбросилъ крышку, закричалъ: «Вставайте всѣ живы и мертвы!» Разбойники испугались и убѣжали. Выѣхали богачъ и бѣднякъ. А разбойники когда грабили, то какъ-то изломали у окна стекло. И стояли за церковью и разсуждали, много ли ихъ тамъ, живыхъ и мертвыхъ. Двое посмѣлѣе пошли въ разломанное окно смотрѣть. Смотрятъ, а богачъ опять бѣдняку говорить: отдай копейку. А бѣднякъ увидѣлъ разбойника, схватилъ съ него шанку и говорить: «На вотъ тебѣ шанку за копейку!» А разбойники пошли и говорить своимъ товарищамъ: «У насъ куча оставалась лишняя, а имъ по копейкѣ не хватило, съ меня шанку сняли да одному за копейку отдали».

Василій Лыткинъ, крест. с. Казачинскаго.

18. Кисель.

Поѣхалъ зять на блины къ тещѣ. Пріѣхалъ,—она его накормила киселемъ; а онъ ни разу его не ѣдалъ. Кисель ему понравился, онъ хотѣлъ заставить и свою жену варить кисель. Вотъ онъ поѣхалъ домой и, чтобы не забыть, сталъ тростить: кисель, кисель, кисель. Но вотъ лошадь его завязла въ лужѣ, онъ покуда вытаскивалъ ее и забылъ про кисель. Вытащилъ, вспомнилъ про кисель, только забылъ, какъ называть и сталъ топтаться по лужѣ, чтобы вспомнить; вдругъ ѣдетъ мужикъ, увидѣлъ топтавшася, говорить: «Ты чего грязь-то растопталъ, какъ кисель!»—Ай, нашелъ, нашелъ, закричалъ тотъ, палъ на телѣгу и уѣхалъ.

19. Солдатъ и старуха.

Дѣло было зимой. Шелъ солдатъ на побывку и зашелъ ночевать къ одной старухѣ. Старуха ему и говорить: «Возьми меня, служивенькій, замужъ», а солдатъ говорить: «Ночуй въ одной рубахѣ на улицѣ, такъ возьму». Старуха согласилась. Солдатъ лягъ на перину и спать, а старуха въ сѣняхъ на порожкѣ сидитъ и шепчетъ: «эту ночь-то сго-го-ты да сго-го-ты, а завтрашнюю ночку съ миленькимъ дружкой шопотки да ропотки».

(1897 г.)

20 Кто лучше скажет?

Нашелъ разъ жидъ мертвое тѣло и не хотѣлъ ни кому разсказывать; а это видѣлъ проѣзжій начальникъ и сталъ слѣдить. Вотъ пошелъ жидъ отъ тѣла; вдругъ ему навстрѣчу русскій и спрашиваетъ жиду: что ты тутъ нашелъ? Жидъ ему объяснилъ и оба уговорились таить тайну. Посмотрѣли на тѣло и пошли. Но ихъ повстрѣчалъ хохолъ и спрашиваетъ: што вы тутъ дѣлаете? Они и ему все объяснили и хотѣли таить тайну трое. Постояли, постояли и пошли. Но ихъ встрѣтилъ начальникъ и спрашиваетъ: Что вы тутъ ходите? «Ничего», въ голосъ отвѣтили трое. Потомъ начальникъ все разузналъ и велѣлъ посадить всѣхъ троихъ въ чижовку. Просидѣли они нѣсколько времени и начальникъ послалъ солдата выпускать только того, кто лучше скажетъ. Приходитъ солдатъ и изъ-за двери спрашиваетъ: Жидъ?—«Чуись», слышится голосъ. А солдатъ говоритъ: «Еще ночку ночуешь». Потомъ снова спрашиваетъ: Хохолъ? а тотъ отвѣчаетъ: «Ажо». Ну, ночуешь ночку ишшо. Потомъ солдатъ опять спрашиваетъ: Русскій? «Ась»? отвѣчаетъ тотъ. «Ну, ты вылазь!» проговорилъ солдатъ и выпустилъ русскаго.

Александръ Казанцевъ, с. Казачинское.

21. Сестры-невѣсты.

Было три сестры-невѣсты уже, а говорили шепеляво. Вотъ пришли свататься на нихъ. Мать и говорить дочкамъ: смотрите у меня, сидите смирно и молчите при гостяхъ. Пришли сваты, невѣсты тутъ же сидятъ, умничаютъ. Только на грѣхъ кошка залѣзла на брусъ и лачетъ молоко. Старша дочь углядѣла кошку, не стерпѣла и закричала: ай, мама, ксы-ка молоко налякала! За нею другая: блись, будь ты илюклата. А я, мама, умна, ницево не говолю, поспѣшила похвастать меньшая. Сваты и женихъ ушли, не подумавши свататься.

Запис. Ольгой Казанцевой, крестьян. дѣвицей с. Казачинскаго.

22. Слѣпая невѣста.

А то была дѣвушка на возрастѣ, съ виду ничего себѣ, да только подслѣповата; когда шилась, шитье все держала у самого носа. Родители, однако, скрывали повинку дочерини, а сваха такъ нахвалила, такъ нахвалила ее одному парню, что тотъ издумалъ свататься на ней. Сваха сказала объ этомъ родителямъ. Вотъ мать, оставшись наединѣ съ дочкой, наказываетъ ей: «Мотри дочка, сваты придутъ, такъ сиди въ кутѣ; я будто выйду зачѣмъ изъ избы, оброну булавку у порога, а когда войду опять въ избу, ты скажи: вонъ, мама, булавка у порога лежитъ. Женихъ-то и подумаетъ, кака, молъ, у меня невѣста зряча».

Пришелъ женихъ. Мать засуетилась, наставлятъ самоваръ; вышла

по воду и обронила булавку у порога. Идетъ со двора съ водой, дочка и сказываетъ: Ай, мама, вонъ у порога булавка лежить. «Ну, дочка, какой зоркій глазокъ у тебя», похвалила мать. И женихъ тоже самое думаетъ, а все же ему сумнительно какъ-то, потому—наслышанъ былъ раньше о слѣпотѣ невесты, да къ тому же при входѣ въ избу слышалъ, какъ кто-то проговорилъ: «Вонъ къ нашей слѣпой сваты пришли».

Попили чаю. Прощаются. Женихъ и говоритъ невестѣ: проводи меня! Та пошла. Онъ не пошелъ въ ворота, а полѣзъ черезъ заплотъ, снялъ штаны, нагнулся и говоритъ: Поцѣлуемся! Невѣста поцѣловала жениха. Вернулась въ избу и говоритъ: «Не пойду, мама, замужъ за этово парня! Пошто? «У него морда-то шире мякиной(?)», да и губы такі духлы».

Крест. Степанъ Казанцевъ с. Казачинскаго.

23. Продавецъ иконъ.

Заходить иконопродавецъ (володимирецъ, какъ водится) въ домъ жида и спрашиваетъ: Иконы по-ку-па-ете?

Жидъ пилъ чай. Какъ услыхалъ про иконы, ажъ затрясло его, выскочилъ это онъ изъ-за стола и бросился съ руганью на продавца. Тотъ изъ избы; жидъ за нимъ. Володимирецъ къ воротамъ.

«Да не попалъ, пересказывалъ онъ потомъ своимъ товарищамъ, въ дыру (въ калитку), да въ поддырокъ (въ подворотню). Вотъ бумажнѣльны (бумажныя иконы) прошли, а окаянте-деревянте зацопили, а жидъ прицопилъ палку на чурку да цокококке, да цокококке!»

Василій Лыткинъ, крест. паренъ с. Казачинскаго.

24. Сибирякъ и бродяга.

Входитъ сибирякъ въ избу и докладываетъ женѣ: Идетъ бродяга, на плечахъ горбъ (котомка), носъ съ навѣсомъ (?) и рогъ на груди (трубка). Запрягай, баба, коня, сказывать онъ женѣ,—поѣду догонять.

Запрягла баба коня. Поѣхалъ мужикъ догонять бродягу.

— Стой, бродяга! Сымай котомку!

Бродяга остановился. «У тебя чего пропало?»

— Да скавтъ колесъ.

Онъ-же.

25. О тишетѣ многообразія.

У дѣтей былъ, отецъ. И какъ родился, въ церковь не ходилъ. Вотъ дѣти какъ-то и говорятъ ему: «Что-й-то ты, батюшко, въ церкву не ходишь? Насъ люди попрекають, еретикомъ тебя обзываютъ. Иди, батюшко, въ церкву!» Ладно, пойду, отвѣтилъ отецъ. Въ воскресенье

(*) Слово не разборчиво написано—можетъ быть, «наслезой». Ред.

собрался старикъ и пошелъ въ церкву. Идетъ это онъ, модъ нимъ грязь не проступается, а люди вязнуть въ ней. Вошелъ въ храмъ, сталъ въ сторонкѣ, началъ было молиться, видитъ полна церковь нечистой силы, разные шулки удирають, мірянъ на соблазны подталкивають. А тѣ—кто засмѣется, кто судачить начнетъ, грѣшатъ да и только. Нечиста сила замѣчать и лишить на свиной кожѣ. Писали, писали и негдѣ стало писать больше; схватили черти кожу зубами и давай вытягивать. Тутъ одинъ чертенокъ понатужился и дернулъ. Старикъ видитъ все это и разсмѣялся. Что же, братецъ ты мой, пошелъ изъ церкви домой и вязъ въ грязи по оборону, какъ и прочіе міряне.

Крестыанск. дѣвица с. Казачинскаго Олга Казанцева. (Зап. 1900 г.)

2.

На островѣ жило трое старцевъ святой жизни. Цѣлые дни проводили они въ молитвѣ и все читали одну и ту же: «Трое васъ, трое насъ, помилуйте насъ!» Больше ничего. Къ тому острову какъ-то корабль присталъ, на немъ архирей ѣхалъ. Узналъ онъ о старцахъ и захотѣлось видѣть ихъ; пошелъ къ нимъ въ убѣжище и слышать, какъ тѣ молятся. «А отчую знаете?» спрашиваетъ архирей старцевъ. Не знамъ, говорятъ тѣ. «Учитесь у меня», и сталъ архирей учить старцевъ отчую. Тѣ кое-какъ научились, архирей тогда оставилъ островъ. Старцы вздумали прочесть отчую сами да я забыли. Схватились и побѣжали за кораблемъ, такъ и чешутъ по водѣ. «Что вамъ, старцы, надобно», спрашиваетъ архирей.—Да вотъ, отчую забыли.—«Ну вамъ и вашей молитвы достаточно; идите съ миромъ», отвѣтилъ архирей, потому что понялъ, сколь святы были старцы и безъ отчей.

Крест. с. Казачинскаго Никифоръ Илмичъ Казанцевъ. (Зап. 1900 г.)

3.

А то былъ старецъ, который цѣлый день прыгать черезъ бревно и повторялъ: „Это тебѣ, боженька, это мнѣ!“ А умеръ, тѣло его осталось нетлѣннымъ.

Крестыанск. дѣвица Зиновья Лыткина (Зап. 1900 г.)

26. Чортъ-работникъ.

Пошелъ хрестыанинъ страшнымъ вечеромъ (на Крещение) сѣна конямъ давать. Взявши вилы, говоритъ: Господи благослови!—и воткнулъ вилы въ сѣно. Слышитъ, пищитъ кто-то; хрестыанинъ поднялъ пласть—изъ подъ него вылѣзъ чортъ и хромасть. Ты, говоритъ, поранилъ меня и долженъ я теперь служить тебѣ цѣлый годъ. Мужикъ, было, въ

отпоръ, да гдѣ тутъ. Теперь, говорить чортъ, меня все равно не пустятъ въ адъ, ты заклей молитвой; службу же свою буду нести исправно, чего пожелаешь—все сдѣлаю по хозяйству. Взялъ дѣдъ—это, былъ мой дѣдъ—чорта въ работники, что не заставитъ—все тотъ дѣлаетъ безъ спора. Только лошадамъ доставалось отъ работника—просты ли, съ возамъ—все рысью бѣгутъ, только паръ столбомъ валить; люди диву давались, какъ ихъ гнало, а кто гналъ—не видать. Такъ работалъ чортъ исправно безъ малаго годъ. Время-пора пришла въ пекло ему собираться. Только случись свадьба въ другой деревнѣ,—женился родственникъ моего дѣда; ладно. Позвали и дѣда на свадьбу. Чортъ увязался за нимъ, никакъ мужикъ отговориться не могъ. Только ѣдутъ они по дорогѣ, конь и споткнись, а чортъ сказывать: хозяинъ, погляди, чево тамъ на дорогѣ. Тотъ изъ саней и видитъ—подъ конемъ лежитъ горшокъ съ серебромъ. Бери, говорить чортъ, и становь въ кошеву. Хозяинъ такъ и сдѣлалъ. Ёдутъ дальше. Опять конь споткнулся. Опять чортъ посылаетъ хозяина смотрѣть черезъ чево конь споткнулся. Хозяинъ опять нашелъ горшокъ съ деньгамъ, уже съ золотомъ. Взялъ его и поѣхали дальше. Въ третій разъ конь споткнулся, въ третій разъ по приказу чорта мужикъ оглядѣлъ дорогу и нашелъ горшокъ съ деньгамъ—все съ золотомъ. Взяли и его въ кошеву. Приѣхали на свадьбу. Мужикъ пиръ-пировалъ, чортъ горшки караулилъ. Послѣ того вернулись домой и горшки привезли съ собой. Такъ они и остались съ деньгамъ. Чортъ тутъ попросилъ уволить отъ службы. Хрестьянинъ отпустилъ и въ шею еще далъ.

*Записалъ Степанъ Брюхановъ, парень
изъ д. Зымыка Кежемской вол.*

27. Стрѣлецъ и гуси.

Дѣдушка гусей стрѣлялъ—въ недавніе годы это было, лѣтось, дѣдушко мой былъ, а умеръ тому годовъ восемь. Ну, дѣдушко стрѣлять пошелъ, сязъ на черкунъ (ледъ несетъ что)*), а гуси на льдинѣ плывутъ, нѣтъ, не плывутъ, а всѣ сидятъ, и всѣ спятъ, одинъ не спитъ, значитъ сторожемъ стоитъ, на него надѣются гуси. Дѣдушко стрѣлялъ, сторожа убилъ, а прочіе гуси спятъ. Ну, онъ всѣхъ прибилъ такимъ побытомъ, послѣдняго стрѣлялъ, да не до смерти; тотъ поднялся, потомъ налетѣлъ на гуся, что сторожемъ былъ, и сталъ клевать, бить крыльями, а потомъ улетѣлъ,—ну, и сказкъ конецъ.

Записалъ Степанъ Брюхановъ.

28. Три загадки.

Жилъ нѣкогда царь, у него была дочь, да такая премудрая, что кто бы ни загадалъ загадку—всякую отгадаетъ,—у ней были такіа ча-

*) Въ такомъ рукописи къ слову черкунъ было сдѣлано поясненіе, взятое въ скобки—„оставшуюся на берегу льдину“, но оно зачеркнуто. *Ред.*

родѣйственныя книги. Вотъ она объявила, что если кто загадаетъ ей три такихъ загадки, которыхъ она не отгадаетъ, за того она замужъ пойдетъ. Одинъ принцъ поѣхалъ загадывать загадки. Ъдетъ, вдругъ на дорогѣ видитъ пшеницу, а во пшеницѣ корова; онъ слѣзъ съ коня, вырвалъ нѣсколько колосьевъ пшеницы и ими выгналъ корову. Ъдетъ дальше, видитъ змѣю; выхватилъ онъ саблю, пересѣкъ змѣю и бросилъ въ муравьице. Поѣхалъ дальше, подѣзжаетъ къ рѣкѣ; остановился у рѣки ночевать, легъ въ лодку. Перепочевалъ, всталъ утромъ—умылся пѣной, которую прибило къ берегу и утерся хвостомъ коня. Поѣхалъ. Приѣзжаетъ къ царевнѣ и загадываетъ слѣдующія три загадки. Первая—«Ѣхалъ я по дорогѣ, вдругъ вижу стоитъ добро и въ добръ добро; я взялъ вырвалъ добро и добромъ добро выгналъ изъ добра». Думала—думала царевна, не могла отгадать; искала-искала въ своихъ книгахъ, не могла найти. Вторая—«Ѣду я дальше, вижу на дорогѣ лежитъ зло; взялъ я зло, пересѣкъ зломъ и бросилъ въ зло». Думала-думала царевна, не могла додуматься, не могла во всѣхъ своихъ книгахъ найти такой загадки. Третья—«поѣхалъ я дальше, подѣзжаю къ рѣкѣ и остановился ночевать не на землѣ, не на водѣ, не въ избѣ и не на улицѣ». И такой загадки пигдѣ не нашла царевна и вышла замужъ за принца, и стали они жить да поживать, добра наживать.

*Записана крест. сыномъ с. Казачьяю Александромъ
Казанцевымъ отъ Парасковы Шурониной.*

29. Красавица солдатка и ея гардеробъ.

Это было очень давно, только не въ нашей деревнѣ. У одного крестьянина былъ сынъ въ солдатахъ. Онъ былъ жевать, жена его молодая жила дома; она была красавица. Вотъ пишетъ мужъ ей письмо. Письмо, должно быть, было заказное, потому что ей пришлось идти самой на почту. Приходить она на почту, помощникъ почмейстера взглянулъ на нее, сразу влюбился и говорить ей, что онъ выдастъ ей письмо, когда она согласится провести съ нимъ ночь и даже денегъ дать. Она не согласилась, ушла домой. На другой день идетъ къ самому почмейстеру жаловаться на помощника и просить выдать ей ея письмо; почмейстеръ засмѣялся и тоже самое сказалъ. Не согласилась она, горько заплакала и пошла домой. Приходить домой, рассказала деверю. Деверь научилъ ее сходить къ губернатору. Пошла она на другой день къ губернатору и губернаторъ ей предложилъ тоже самое и еще общалъ обогатить ее. Тогда она рѣшилась идти къ архерею, просить его, чтобы онъ заступился за нее. Приняла къ архерею и спрашиваетъ келейника, дома ли преосвященный. Келейникъ, у котораго при взглядѣ на нее тоже сердце екнуло, пошелъ доложить просвященному, что какая то женщина хочетъ съ нимъ говорить. Просвященный велѣлъ пригласить. Она вошла, поклонилась, рассказала въ чемъ дѣло. Просвященный общалъ помочь ся горю, говорить, что всѣхъ ихъ знаетъ, назоветъ просительни-

цу ближайшей родственницей; только, чтобы она позволила пріѣхать ему на ночь къ ней. Солдатка заплакала и говорить, что она не можетъ согласиться. Просвященный велѣлъ ей подумать. Пришла солдатка домой, плачетъ; деверь ее утѣшаетъ, чтобы она не плакала. Самъ началъ дѣлать гардеробъ съ четырьмя отдѣленіями. Когда гардеробъ былъ готовъ, онъ велѣлъ всѣхъ ей пригласить, научилъ что дѣлать. Она пошла пригласила всѣхъ, а просвященному велѣла пріѣхать въ девять часовъ. Первымъ пріѣхалъ помощникъ—она его приняла, стала угощать; вдругъ, слышать шумъ, крикъ; помощникъ спрашиваетъ, кто шумитъ! она ему отвѣчаетъ, что это деверь пьяный—придетъ, покричитъ и уйдетъ. Помощникъ сталъ просить, чтобы она его спрятала куда-нибудь, чтобы деверь его не видагъ. Солдатка говоритъ, что у нее есть гардеробъ, если онъ хочетъ, она можетъ его туда спрятать,—и прячетъ. Пришелъ деверь, сталъ ругаться и кричать—онъ видѣлъ, что кто-то къ ней приходилъ. Она побожилась, что никого у нее не было. Деверь пошумѣлъ и ушелъ. Пріѣзжаетъ почмейстеръ,—она и его также спрятала въ гардеробъ. Потомъ и съ губернаторомъ, и съ просвященнымъ тоже продолжала, всѣхъ ихъ заперла въ гардеробъ. На другой день деверь беретъ этотъ гардеробъ, везетъ его на базаръ продавать и проситъ за него миллионъ. Никто не рѣшается купить простой гардеробъ за такую цѣну, не узнавъ что въ немъ; а мужикъ говоритъ, что кто купить, тотъ узнаетъ. Народу собралось много, всѣ дивуются. Проѣзжаетъ мимо базара князь, спрашиваетъ почему народъ собрался. Ему говорятъ, что мужикъ продаетъ простой гардеробъ, проситъ за него миллионъ, а какой товаръ въ немъ, не говоритъ,—кто купить, говоритъ, тотъ узнаетъ, а въ городѣ всѣ говорятъ, что пропало начальство. Князь подѣхалъ къ мужику, спрашиваетъ, что въ гардеробѣ находится; мужикъ говоритъ, если князь купить, то узнаетъ. Князь подумалъ и купилъ этотъ гардеробъ. Мужикъ дѣлаетъ условіе, чтобы князь открылъ его при народѣ. Привозятъ его къ дворцу и открываютъ при народѣ. По очереди стали выходить всѣ запертые въ гардеробъ. Жена солдата тогда упала на колѣни передъ княземъ, рассказала все. Князь велѣлъ всѣхъ прогнать со службы, солдатку наградила и мужа освободилъ изъ службы. И стали они жить—поживать, да добро наживать.

II.

С К А З К И,

записанныя Н. А. Адриановой

въ Красноярскомъ у., Енисейской губ.

Digitized by Google

30. Птичка-носикъ и старуха.

Жилъ старикъ со старухой; жили они бѣдно. Старуха отправила своего старика рубить дрова. Вотъ онъ подходитъ къ пню, и сталъ дрова рубить. Оттуда вылетаетъ птичка-носикъ какъ сичка и спрашиваетъ старика: «чего тебѣ, дѣдушка, нужно?» Онъ говоритъ: дрова. Она ему говоритъ: «Иди домой, завтра все будетъ готово». На утро они встаютъ, дрова у нихъ целонъ дворъ. Утромъ встала старуха, опять посылаетъ старика просить у птички хлѣба. Старикъ опять такъ же приходитъ, стукнулъ о пенькъ, оттуда вылетаетъ птичка-носикъ какъ сичка и спрашиваетъ, что ему надо. Онъ ей опять говоритъ, что хлѣба. Она опять отправила домой и сказала, что завтра все будетъ готово. Старуха встала, пошла въ амбаръ, амбаръ полонъ муки. Старуха тогда опять послала старика, что бы онъ попросилъ птичку сдѣлать ее барыней, а его баринномъ. На другой день послала старика къ птицѣ, чтобы она сдѣлала ее царицей, а его царемъ. Когда они проснулись, то увидѣли, что старуха сдѣлалась кошкой, а старикъ котомъ. Оба голодные и мямкають.

*Разсказана крест. дѣвицей Анной
Прокопьевой изъ с. Шилы.*

31. Солдатъ и мужикъ.

Шелъ солдатикъ бѣдный. Пришелъ, просится къ мужичку ночевать. Сяди чай пить. Сидитъ копейка подъ столомъ. Мужичекъ спрашиваетъ солдата: что это подъ столомъ сидитъ? Солдатъ думалъ-думалъ, что сказать, и сказалъ: кошка. Мужичекъ солдата схватилъ и давай бить. «Дуракъ», говоритъ, «солдатъ! это чистота». Потомъ показывать солдатика мужичекъ на печь: это, говоритъ, что? Солдатикъ говоритъ: нечъ. Мужичекъ солдатика сгребъ, давай бить. Дуракъ, говоритъ, это теплота. Старушка затопила печь; мужичекъ показать на огонь ему и спрашиваетъ: что это? Солдатъ думалъ-думалъ, опять сказалъ: огонь. Давай опять мужичекъ солдатика бить, — это, говоритъ, красота. Опять показавъ мужичекъ солдатика на дымъ. Солдатикъ опять сказалъ: дымъ, а мужичекъ говоритъ: дуракъ, это Вожій сынъ. Солдатикъ легъ опять. Приходитъ утро. Мужичекъ утромъ пошелъ на гумно молотить. Солдатикъ всталъ и взявъ гумна лѣсъ и привязавъ кошку ко хвосту и зажегъ и пошелъ мимо гумна и говоритъ, мужичку: спасибо за ночлегъ; твою, говоритъ, чистоту взяла теплоту и полѣзла на высоту. Мужичекъ взглянулъ: домъ горитъ. Ахъ, говоритъ, я хотѣлъ солдатика дурака научить, а солдатикъ меня дурака научилъ.

*Разсказана крест. дѣвицей Анной
Петровой изъ с. Шилы.*

Жила-была старуха. У ней былъ сынокъ. Она его очень любила. Отправляла она его все на рѣчку, кататься въ лодкѣ. Сведеть его туда, — онъ тамъ и катается цѣлый день. Она ему принесетъ ѣсть туды и зоветъ его: приплыви съды Ванюша, приплыви, приплыви. Онъ приплыветъ, она его покормитъ, и онъ опять катается цѣлый день. Потомъ, значить, подслупала вѣдьма ея толось, — какъ она его зоветъ; черезъ долгое время припла и тоже его созвала, скричала, какъ и мать его. Онъ приплылъ къ ней, къ вѣдьмѣ. Вѣдьма схватила его и въ мѣшокъ. У него былъ ножичекъ, онъ прорѣзалъ мѣшокъ и убѣжалъ. Она его второй разъ созвала опять такимъ же голосомъ, какъ и мать. Тогда съ нимъ ножикъ не было. Вѣдьма унесла его домой, отдала служанкѣ, а сама отправилась гулять и гостей приглашать къ себѣ, а служанкѣ, когда уходила, приказала изжарить его. Вѣдьма велѣла, чтобы служанка до красна печь раскалила, посадила его туда и изжарила. Она такъ и сѣла: раскалила печь до красна, положила лопату и говоритъ: «сидись, Ивашка, на лопату, я буду тебя сажать въ печь». А онъ говоритъ ей: «я не знаю, какъ садиться, ты мнѣ покажи». Она только сѣла для примѣра, онъ ее — разъ! посадилъ въ печь и закрылъ печь. Когда она изжарилась, онъ ее вытащилъ и разложилъ ее мясо вездѣ по окошкамъ, и самъ спрятался. Вѣдьма идетъ съ гостями ѣсть Ивашкино мясо. Когда съѣли Ивашкино мясо, отдавались гулять на гору и стали кататься по горѣ и кричать: покатусь, покатусь послѣ Ивашкина мяса. А Ивашка въ то время залѣзъ на дубъ, на высочій. А они опять кричатъ: покатусь, покатусь послѣ Ивашкина мяса. А онъ сидитъ на дубу и кричитъ: врешь, послѣ служанкинова. Они его увидали. (дѣло было днемъ — летать нельзя, боялись людей), прибѣжали и давай грызть зубами дубъ, чтобы дубъ упалъ и Ивашка опять достался имъ. Это вѣдьма грызла дубъ, которая его принесла. Сломала всѣ зубы, пошла къ кузнецу и попросила его, чтобы онъ сдѣлалъ ей новые зубы. Онъ сдѣлалъ, онъ пришелъ, и стала перегрызать тогда почти совсѣмъ. Летать гуси, Ивашка сталъ ихъ просить, чтобы они его взяли на крылья. Они его не взяли. Летать другіе. Вотъ — вотъ дубъ упадетъ. Онъ сталъ ихъ просить. Они тоже не взяли. Дубъ ужъ совсѣмъ падаетъ. Летать третьи, заморенные, едва-едва летать. Онъ сталъ ихъ просить, чтобы они его взяли на крылья. Только они его посадили и дубъ упалъ. Онъ его и принесъ домой, къ отцу, къ матери. Посадили его на крышу. Въ тотъ день мать его запекала пироговъ. Мать сидитъ и дѣлать пироги: это тебѣ, отецъ, а это мнѣ, а этотъ тебѣ, а этотъ мнѣ. А Ивашко сидитъ на крышѣ и кричитъ: а мнѣ пироги! Они его увидали и обрадовались. Гусей накормили пшеницей. Гуси улетѣли. А Ивашка остался жить у отца, у матери и опять сталъ ходить кататься на лодкѣ. Онъ ужъ былъ большой и вѣдьма не могла съ нимъ сладить. И сейчасъ онъ плаваетъ еще.

*Разсказина крест. д. Нахвальной
Иваномъ Зинченко.*

33. Солдаты и царская дочь.

Утерлась у царя дочь. Собрали всю публику, просто весь округ. Царь дѣлать предложение: не найдется ли кто отыскать его дочь. Когда собрали всѣхъ, изъ всей публики одинъ рядовой солдатъ и говорить, что «я могу отыскать царскую дочь». Черезъ недолгое время государь позвалъ солдата къ себѣ и спрашиваетъ: гдѣ ты можешь отыскать мою дочь? Солдатикъ и говорить: дайте мнѣ корабль и весь припасъ на три года, только, чтобы я былъ на кораблѣ капитаномъ. Скоро-ли, долго-ли, собрались и поѣхали. Въ которой ротѣ солдатикъ служилъ, изъ той роты было два офицера съ нимъ на кораблѣ. Много-ли, долго-ли, скоро-ли, пахо-ли, ѣхали они два года. Приплыли къ острову. Корабельщики остались на кораблѣ, а солдатикъ пошелъ и взялъ съ собой этихъ двухъ офицеровъ. Идутъ они день, идутъ другой, вдругъ доходить—яма въ тренсподною. Солдатикъ взялъ съ собой бичевы и сашку и говорить: спустите меня туда на бичевѣ и сидите тутъ три года—дожидайте меня. Если я вернусь живой, потрясу за бичеву, тогда вытаскивайте. Вотъ они туда его спустили и пошелъ онъ странствовать по тому свѣту. Идетъ день, идетъ недѣлю, вдругъ находитъ мѣдный дворецъ; заходитъ туда, посмотрѣлъ по комнатамъ—нигдѣ ничего нѣтъ. Съ устатку легъ и уснулъ богатырскимъ сномъ на три дня. Когда онъ проснулся, пошелъ по дворцу смотрѣть; находитъ подвалъ,—желѣзная дверь съ шестью замками. Разбиваетъ онъ эту дверь, тамъ вторая чугунная дверь и двѣнадцать замковъ. Разбиваетъ онъ и эту дверь и замки; тамъ еще стальная дверь и привалена камнемъ, двадцать четыре замка. Разбиваетъ онъ третью дверь и отваливается камень: тамъ стоитъ конь по брюхо въ назъмъ, такъ что ему нельзя пошевелиться; давно ужъ онъ тамъ стоитъ заколованъ двадцать лѣтъ. Коня изъ назъму онъ вытащилъ. Конь ему и говорить: «благодарю тебя, Иванъ-царевичъ, я тебѣ пригожусь; вотъ тебѣ изъ гривы волосокъ; какъ тебѣ меня будетъ нужно, такъ ты вспомни про этотъ волосокъ, пошевели его, тогда я явлюсь передъ тобой и помогу твоему горю». Пошелъ онъ дальше, находитъ серебряный дворецъ; заходитъ въ него, пошелъ по комнатамъ—нигдѣ ничего нѣтъ. Опять такимъ же родомъ пошелъ съ устатку легъ спать. Когда онъ проснулся, пошелъ по дворцу смотрѣть. Находитъ опять подвалъ—оловянная дверь съ 12 замками; разбиваетъ онъ эту дверь, тамъ вторая свинцовая дверь и 24 замка; разбиваетъ онъ и эту дверь; тамъ еще дверь стальная 35 замковъ и три тысячи пудовъ камень приваленъ къ этой двери. Разбиваетъ онъ замки, отваливается камень, отворяетъ дверь: тамъ опять стоитъ лошадь, только шея одна видна,—вся въ назъмъ, такъ что не можетъ пошевелиться, и на дверяхъ надпись, что этотъ конь закланъ тому ужъ 50 лѣтъ. Выводитъ онъ этого коня, а конь и говорить ему по-человѣчьи: «очень благодаренъ я тобой; вотъ тебѣ съ хвоста волосокъ; когда тебя горе пристигнетъ, ты пошевели этотъ волосокъ, тогда я явлюсь передъ тобой»; сказалъ это конь и скрылся. Солдатикъ пошелъ дальше.—находитъ золотой дворецъ и видать, будто кто то въ

этомъ дворцѣ живеть. Заходить онъ во дворецъ, сталъ ходить вездѣ по дворцу и не нашель онъ сегодня ничего, окромѣ что подвалъ и мѣдную дверь 24 замка. Подходить онъ, разбиваетъ эту дверь,—тамъ вторыя двери серебряныя, съ тридцатью замками. Разбиваетъ онъ вторую дверь, тамъ третья—золотая и приваленная камнемъ; на камнѣ надпись, что камень пять тысячъ пудовъ. Отваливаетъ онъ камень, отворяетъ дверь, тамъ стоитъ лошадь только одни уши видны изъ назъму и надпись, что она заколдована уже 75 лѣтъ. Выводить солдатикъ лошадь оттуда, лошадь заговорила по-человѣчьи: «вотъ тебѣ волосокъ съ хребта, будетъ тебѣ какое горе, вспомни ты про этотъ волосокъ и я помогу тогда твоему горю»—и конь скрылся. Солдатику не вѣрится, что больше ничего нѣтъ. Пошелъ онъ въ верхній этажъ и находить тамъ царскую дѣвицу. Когда она его увидала, обрадовалась и стала разспрашивать, кто онъ такой, откуда. Онъ говоритъ: «я есть простой солдатикъ изъ такого то царства, пошелъ розыскивать царскую дочь; у такого-то царя потерялась дочь».—«А, вотъ, говоритъ, я самая и есть».—заплакала и бросилась ему на шею. «Моя, говоритъ, унесъ двѣнадцатиглавый змѣй сонную съ постели и вотъ теперь я здѣсь живу три года. Какъ же быть, куда я тебя спрячу? Прилетитъ, говоритъ, змѣй, онъ тебя съѣстъ».—«Вреть, подавится? Ну, всетаки я спрячусь». Слышитъ—стукъ, громъ, молнія. «Охъ, говоритъ царская дочь, это летитъ двѣнадцатиглавый змѣй». Онъ залѣзъ подъ кровать. Только встаетъ въ комнату 12 главъ змѣй. «Фу, говоритъ, какъ рускимъ духомъ понесло; кто есть, выходи и говори—откуда и зачѣмъ». Выходитъ солдатикъ и говоритъ: вотъ я пришелъ отыскивать царскую дочь. «Вотъ, говоритъ змѣй, царская дочь, да тебѣ се не взять». Солдатикъ говоритъ: врешь, возьму. Змѣй говоритъ: «пойдемъ биться, или мириться». Солдатикъ говоритъ: нѣтъ, пойдемъ биться на тотъ мостъ, на которомъ ты сейчасъ гремѣлъ. Царская дочь солдатiku раньше обсказала, какъ съ нимъ биться; когда онъ ударится съ змѣемъ въ первый разъ, то змѣй запроситъ воды и ты смотри—по правую сторону будетъ стоять вода безсильная, а по лѣвую сторону сильная. Змѣй не зналъ про эту воду—раньше ее здѣсь не было; эту воду, когда они бились, въ то время поставила царская дочь своимъ колдовствомъ. Змѣй напился по правую сторону безсильной воды, а солдатикъ напился по лѣвую сторону сильной воды. Потомъ змѣй сдѣлалъ себѣ серебряной тронъ, солдатикъ ударилъ сашкой—сдѣлалъ золотой. И вотъ когда они ударились въ первый разъ, то только дымъ пошелъ, и у змѣя слетѣло 6 головъ, а солдатикъ ушелъ по колѣна въ землю. Когда они ударились во-второй разъ, у змѣя слетѣли остальные шесть головъ, а солдатикъ ушелъ въ землю по грудь. Потомъ онъ воротился и пошелъ во дворецъ. Когда онъ приходитъ, царевна бросилась ему на шею—«будь ты, говоритъ, мой нареченный мужъ». Они переночевали здѣсь, утромъ отправились къ той дырѣ, гдѣ солдатикъ спускался. Приходятъ они туда, потрясъ солдатикъ за веревку, веревка зашевелилась. Взялась царевна за веревку и потащили ее, потомъ опять спустили. Солдатикъ привязать сашку, самъ побоялся—потому онъ зналъ, что будетъ. Когда саш-

ку потащили, до половины подняли и бросили. «Ну, говорятъ, убился теперь солдатикъ», и пошли, и царевна съ ними. Они говорятъ царевнѣ: «ты говори отцу, что мы тебя отъ смерти избавили». Она говоритъ: не вы меня избавили. Офицеръ поднялъ сашку и хотѣлъ ей голову срубить. Она испугалась и говоритъ, «я скажу папашѣ, что вы меня избавили». Идутъ они день, идутъ другой, приходятъ на островъ,—корабельщики дожидають ихъ здѣсь. Ихъ было 20 чел.—7 чел. съ голоду померли, покаместъ солдатика дожидались. Съѣли въ корабль два офицера и съ ними царевна—тогда уже они были главными на кораблѣ. Бѣгутъ годъ, бѣгутъ другой, на третій годъ пріѣзжаютъ. Встрѣчаютъ ихъ весь городъ съ пушками. Когда они пристали къ берегу, царь приходитъ въ корабль, беретъ за руку свою дочь и спрашиваетъ ее: кто тебя розыскалъ. «Вотъ, говоритъ, эти два офицера». Взялъ онъ ихъ съ собой и пошли во дворецъ. «А гдѣ-жъ, говоритъ, тотъ солдатикъ?»—«Онъ, говорятъ они, безъ извѣстія пропалъ, чуть насъ съ голоду не уморилъ». Царь спрашиваетъ свою дочь: «за котораго пойдешь замужъ?» Она показала на старшаго офицера. Царь и говоритъ офицеру: «мѣшкать нечего, нужно свадьбу играть; вотъ тебѣ половина царства и чинъ полковника». А царевна-дочь говоритъ, что «у меня еще платьевъ нѣтъ вѣчныхъ»—оттягиваетъ время. Дѣло продолжается. Потомъ сшили платье вѣчное. Офицеръ спрашиваетъ царскую дочь: «что же вамъ теперь еще нужно?» Она говоритъ: «мнѣ нужно бокинжи». Онъ пошелъ, заказалъ бокинжи. Въ три часа сшили и приносятъ царевнѣ. «Что, говоритъ, вамъ еще нужно?» Она говоритъ: «больше ничего не нужно». «Завтре подь вѣнецъ!» сказала царевна. Пришло утро. Собрался пиръ. Съѣли за столъ съ приглашенными гостями. А тотъ солдатикъ, который царевну отыскалъ, не можетъ найти нигдѣ выхода. И сдумалъ онъ про тѣ волосы, которые ему кони дали, которыхъ изъ назъму повываскивалъ. Пошевелилъ этимъ волоскамъ—явились передъ нимъ всѣ три лошади и спрашиваютъ: «на что ты насъ требуешь». Солдатикъ начинаетъ объяснять, что «я пришелъ къ той дырѣ, гдѣ спущался; царевну вытащили, а меня хотѣли убить; когда я сашку привязалъ, то они ее до половины дотянули и бросили». Лошади отвѣчаютъ: «мы знали, что будешь съ тобой; ты помогъ нашему горю, теперь мы тебѣ поможемъ». Подхватили его и вынесли на тотъ же островъ. Оттуда унесли его въ то же царство, гдѣ сегодня будетъ царская свадьба. Ссадили его подъ городомъ. Поблагодарилъ солдатикъ коней и они скрылись. Солдатикъ отправился посмотреть на свадьбу. Когда онъ приходитъ на свадьбу, царевна его увидала и говоритъ: «вотъ кто меня избавилъ». Царь приказалъ этихъ офицеровъ привязать къ хвостамъ лошадей, чтобы они ихъ развѣяли по полю, а солдата обвиняли съ царевной. И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

*Разсказана крѣст. д. Нахвальной
Иваномъ Зинченко.*

III.

С К А З К А,
записанная М. А. Адриановой
въ Минусинскѣ.

Сказка о богатырѣ Иванѣ Сучичѣ записана отъ отставного солдата Степана Абросимова, уроженца одной изъ деревень Минусинскаго у. Запасъ сказокъ, которымъ располагаетъ Абросимовъ, довольно значительный, но изъ этого запаса записана моею дочерью только одна ниже приводимая сказка.

Р. А. / 22. 11. 1905. Р. 40.

34. О богатырь Иванъ Сучичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жила-была царь Димитрій: всего у него было вдоволь, только не было дѣтей. Онъ и поѣхалъ въ Сибирь узнать, откуда дѣти рождаются. И ему на встрѣчу попался старый, престарѣлый старичекъ, который подѣривался съ нимъ и спросилъ царя, куда онъ ѣдетъ и зачѣмъ; царь отвѣтилъ. Тогда старикъ сказалъ: «По дорогѣ ты увидишь озеро, въ которомъ водятся золотоперая щука: ты забрось тою: въ первый и во второй разы ты ничего не поймашь, а въ третій разъ поймашь золотоперую щуку, которую ты долженъ сварить и накормить ею царицу». Потомъ старикъ простился съ царемъ и пошелъ своею дорогою, а царь поѣхалъ дальше. Дѣйствительно, все случилось, какъ сказалъ старикъ: и въ третій разъ попалась золотоперая щука. Царь возвратился домой и велѣлъ сварить щуку, а потомъ далъ царицѣ; царица поѣла и понесла; ея служанка тоже поѣла, остатки бросила собакъ, а уху вылила кобылѣ. Черезъ девять мѣсяцевъ у царицы родился сынъ Иванъ Царевичъ, у служанки родился Иванъ Дѣвичій, у собаки Иванъ Сучичъ, а кобыла принесла трехъ жеребятъ. Всѣ три брата были богатыри и росли не по днямъ, а по часамъ. Однажды братья собрались ѣхать по бѣлу сивту. Иванъ Царевичъ съ Иваномъ Дѣвичимъ взяли себѣ самыхъ лучшихъ коней, а Ивану Сучичу дали горбунка и поѣхали. Много ли, мало ли ѣхали они, не знаю, только подѣхали они къ какому-то мосту, поѣхали по нему и прѣѣхали къ большому замку, потомъ слѣзли съ коней и вошли въ замокъ. Тамъ было вездѣ чисто. Носреди комнатъ стояли убранные яствами столы: они поѣли и стали осматривать комнаты. Вечеромъ Иванъ Сучичъ выѣхалъ на мостъ, а братьямъ приказалъ играть въ карты, да смотрѣть на нихъ, какъ на картахъ покажется кровь, такъ идти къ нему на помощь. Братья стали играть въ карты и не замѣтили, какъ на картахъ появилась кровь. Навѣршились, они улеглись спать. А Иванъ Сучичъ выѣхалъ на мостъ: ночь была звѣздная, теплая, мѣсяцъ ярко свѣтилъ, когда богатырь увидѣлъ приближающагося трехглавого змѣя. Дунули въ поленище, слѣзали токовище на десять веретъ разбѣгу и стали биться; змѣй разбѣжался, ударилъ Ивана Сучича, тотъ поныря въ землю ушелъ; разбѣжался змѣй, еще два раза толкнулъ Ивана Сучича, онъ по кобылѣ въ землю ушелъ. Иванъ Сучичъ разбѣжался три раза и съелъ ему всѣ три головы, а братьямъ ничего не сказалъ. На другой день Иванъ Сучичъ убилъ шестиголоватаго змѣя, а на третій девятиголоватаго. Потомъ они уѣхали изъ дома, а Иванъ Сучичъ обернулся конской, включилъ въ дыру въ окошкѣ на брусъ и видитъ, сидитъ за столомъ баба-яга съ тремя дочерьми и говорить: «А, русскіе люди русскую пошечку оставили; вотъ мы пообѣдаемъ и поймемъ ее». Потомъ говорить старшей дочерей: «Ты превратись въ тесовую кровать и стань посреди дороги; они захотятъ прилечь и удрутъ; ты, средняя, слѣдайся кудривой яблоней; они захотятъ яблоня поѣсть и удрутъ; ты, младшая, слѣдайся быстрой, свѣтлой рѣчикою, они напьются и умрутъ; а если они вась убьютъ, то

и растяну верхнюю губу, по зубу нижнюю по змѣѣ и проглочу ихъ». Вотъ баба-яга пообѣдала и стала ловить кошку. Кошка выскочила въ ту же дыру, сдѣлалась снова Иваномъ Сучичемъ, вскочила на коня и стала братьевъ догонять. Догналъ Иванъ Сучичъ братьевъ и побѣхали виѣсть. Видятъ, чтотъ кроватъ; братья хотѣли лечь, а Иванъ Сучичъ изрубилъ ее и на ней показалась кровь. «Вотъ видите, сказалъ имъ Иванъ Сучичъ; здѣсь была бы наша смерть». Потомъ увидѣли они яблоно и захотѣлось имъ яблочка отвѣдать, но Иванъ Сучичъ изрубилъ ее и на ней показалась кровь. Блудъ дальше и видятъ рѣчку; братья хотѣли напиться, но Иванъ Сучичъ не велѣлъ имъ пить. слѣзъ съ коня и своей желѣзной палкой сталъ колотить по водѣ. На водѣ показалась кровь.

Вотъ блудъ они дальше. Иванъ Сучичъ обернулся и увидѣлъ тучу; это была баба-яга. Иванъ Сучичъ взялъ изъ дому бабы-яги три колобка: колобокъ соли, колобокъ муки и колобокъ отрубей. Иванъ Царевичъ да Иванъ Дѣвичій испугались, да только коней понукають, а Иванъ Сучичъ подпустилъ къ себѣ бабу-ягу на двѣ версты и бросилъ ей въ плетку колобокъ соли. Онъ застрялъ у ней въ горлѣ и она побѣжала домой промывать горло въ озерѣ. Промыла и опять догоняетъ. Иванъ Сучичъ бросилъ колобокъ муки: она побѣжала промывать; промыла и опять догоняетъ. Иванъ Сучичъ бросилъ послѣдній колобокъ отрубей и говоритъ. «Ну, братья! скажите, что есть силы! не то баба-яга убьетъ насъ». Вотъ опять вѣдьма настигла ихъ и проглотила Ивана Царевича и Ивана Дѣвичьяго, а Иванъ Сучичъ успѣлъ вскочить виѣсть съ конемъ въ кузницу, которая стояла у дороги. Хозяиномъ этой кузницы былъ Демьянъ съ двѣнадцатю сыновьями. Иванъ Сучичъ говоритъ: «Кузнецъ Демьянъ съ двѣнадцатю дѣтми, выручи изъ бѣды». Кузнецъ подскочилъ, захлопнулъ дверь, а баба-яга говоритъ: «Отдай, Демьянъ, Ивана Сучича!» Демьянъ и говоритъ: «Ты просунь языкъ; я тебѣ на него Ивана Сучича положу». А самъ съ сыновьями клещи калить. Баба-яга просунула немного языкъ, «Мадо!» говоритъ Демьянъ. Баба-яга просунула въ щель весь языкъ. Демьянъ и сыновья схватили его клещами и положили на наковальню, а Иванъ Сучичъ взялъ стопудовый молотъ и сталъ по языку колотить; вѣдьма закричала, а онъ еще больнѣе сталъ колотить; наконецъ, она стала просить пощады. А Иванъ Сучичъ говоритъ: «Отпущу, если ты не будешь гнаться за нами и вырыгнешь моихъ братьевъ». Баба-яга вырыгнула братьевъ богатыря Сучича и побѣжалась, что не тронетъ ихъ больше. Потомъ она ушла домой, братья Сучича уѣхали, а Сучичъ остался въ кузницѣ. Вотъ кузнецъ и говоритъ: «Что ты за молодецъ, кони у тебя конь цѣлохъ! вотъ я тебѣ скую коня!» и сталъ онъ ковать коня изъ желѣза. Сковалъ и зажегъ горсть сухого конопли; конь обѣжалъ гору въ шестнадцать верстъ, пока конопли до руки сгорѣла. Потомъ Демьянъ говоритъ: «Это тебѣ не кони». Выковалъ онъ другого коня, который обѣжалъ ту же гору, пока конопли горсти конопли сгорѣла. «Это еще не конь тебѣ», говоритъ Демьянъ. Выковалъ онъ третьяго коня, который обѣжалъ гору, пока

горсть конопля затлѣлась. «Вотъ это тебѣ конь! говоритъ Демьянъ: его баба-яга не догонитъ». Иванъ Сучичъ простился съ нимъ, взялъ у него шило, сѣлъ на коня и поѣхалъ домой. Его одолевъ сонъ; ѣдетъ, ѣдетъ да и задремлетъ, возьметъ да ткнетъ въ бокъ шило и опять ѣдетъ. Вотъ встрѣчается Ерахту (чорта) кривого. Тотъ скачетъ на одной ногѣ, его въ гости зоветъ, а Иванъ Сучичъ не смотритъ и думаетъ: «Ерахтъ ли кривому меня на такомъ конѣ догнать!» А Ерахта тутъ, какъ тутъ Сучича нагналъ и коня отобралъ. Идетъ Иванъ Сучичъ пѣшкомъ къ Ерахтъ дочь сватать. Встрѣтился ему какой-то человѣкъ, который сказалъ ему, что онъ плюнетъ—огонь зальетъ. «Пойдемъ со мной», говоритъ Иванъ Сучичъ. Пошли вдвоемъ и встрѣтили людей, одинъ много ѣлъ, другой много пилъ, третій ноги къ ж . . . прижметъ—птицу догонитъ, четвертый вилы возьметъ—море въ копны складетъ, пятый въ муху обернется. Вотъ пришли они къ Ерахтъ кривому, сватаютъ старшую дочь, а Ерахта затопилъ баню, посадилъ туда гостей, на каменку поставилъ чанъ воды, а дверь приперъ, чтобы не вышли. Иванъ и говоритъ: «Гдѣ тотъ, что можетъ залить огонь!» Тотъ вышелъ, плюнулъ, огонь погасъ и у нихъ зубы застучали отъ стужи. Ерахта отворилъ дверь, а сваты черезъ него перескочили и убѣжали. «Ну, сваты!» говоритъ Ерахта. Потомъ Ерахта заставилъ ихъ сѣсть сорокъ бочекъ мяса, и человѣкъ, который много ѣлъ, все мясо сѣлъ, только бочки ногами подпिनываетъ. «Ну, сваты!» Потомъ заставилъ ихъ Ерахта сорокъ бочекъ пива выпить; тотъ человѣкъ, который много пьетъ, все выпилъ. Потомъ говоритъ: «Угадайте, которая дочь самая старшая». Тогда человѣкъ, который могъ сдѣлаться мухой, обернулся въ муху и сѣлъ старшей сестрѣ на щеку. Она отмахнулась платкомъ. Тогда всѣ закричали: «Вотъ старшая дочь!»

Тогда Ерахта отдалъ имъ ее и говоритъ: «Умѣли узнать мою дочь, съумѣйте и отвезти». Вотъ поѣхалъ Иванъ Сучичъ съ шестью товарищами и съ невѣстой домой. А невѣста была волхидка*); она обернулась уткой и полетѣла домой. Тогда тотъ человѣкъ, который ноги къ ж... прижметъ—птицу догонитъ, догналъ ее и схватилъ. А она кольцомъ обернулась и въ море. Тогда человѣкъ, который вилы въ руки возьметъ—море въ копны складетъ, схватилъ вилы и склалъ море въ копны, а кольцо на днѣ лежитъ. Они взяли его, а кольцо опять обернулось невѣстой и говоритъ: «Ну, ужъ васъ не проведешь» и поѣхала съ ними. Иванъ Сучичъ домой пріѣхалъ, женился и сталъ жить, поживать и добра наживать.

*) Волшебница.

IV.

С К А З К И,

записанныя А. В. Адриановымъ

въ деревнѣ Жилиной, Барнаульскаго у., Томской губ.

11 51 8 7 51 9

ΔΟΥΚΗΤΕΣ ΤΗΣ ΕΠΙΣΤΕΜΗΣ

35. Короста.

(По локоть руки въ серебрѣ, по колено ноги въ золотѣ).

Жить была старикъ со старухой; у нихъ была три дочери. Пошли они какъ-то на рѣку было полопать; туда же вышелъ разгулялся царскій сынъ, ходить около нихъ. Старшая дочь и говоритъ ему: «Возьми меня, царскій сынъ, за себя,—я тебѣ все войско однимъ вернымъ прокормлю. Середняя говоритъ: «Возьми меня; я все войско одной ниточкой одѣну. А младшая говоритъ: «Если меня возьмешь, я принесу тебѣ двухъ сыновъ,—ясный мѣсяцъ во лбу, часты звѣзды по лвиокамъ, по локоть руки въ серебрѣ, по колено ноги въ золотѣ». Пошелъ царскій сынъ домой и рассказываетъ матери, что вотъ такъ и такъ. Посудили: порядили отецъ съ матерью: «Надо говорить тебѣ на младшей жениться, а накормить и одѣть войско у насъ есть ниточка. Ну, хорошо, сватали они младшую дочь и женился на ней царскій сынъ. Прошло сколько времени, она и очеватѣла и говоритъ мужу:—за баушиной надо сходить. Вотъ онъ пошелъ и встрѣтилъ старуку. «Куда царскій сынъ пошелъ? Да вотъ баушку надо, пошелъ искать. «Я баушка, возьми меня». А то была Ягишна. Пришли они домой, жена и говоритъ: «Не надо мнѣ эту бабушку! выгонь ее вонъ, другую приведи!» Ну, ладно, эту выпроводилъ, пошелъ искать другую; опять встрѣтилъ старуку, та и спрашиваетъ его, куда пошелъ. Это была сестра Ягишна; тоже баушкой назвалась, вонъ и привелъ ее къ жене. Вотъ родила жена царскому сыну двухъ сыновей, во лбу ясный мѣсяцъ, по лвиокамъ частыя звѣзды, по локоть руки въ серебрѣ, по колено ноги въ золотѣ. Повелъ ее старуха въ баню и дѣтей взяла; растутъ они по три дня, а по часамъ, зашь, царскія дѣти. Ягишна этихъ дѣтей отпустила, пусть идутъ, куда хотятъ, а ихъ поджила, взяла къ матери подожгла щепенца, котешка да сына Коросту. Она все добивалась извести эту жену да своего дочь выдать за царскаго сына. И говоритъ ему: «Смотри-ка, какихъ дѣтей тебѣ жена принесла!» Ахъ, она такая-сякая; скажи отцу и матери; посоветовались; вѣдь они засмѣли ихъ вѣкъ въ одну бочку; набить обручи и по морю пустить. Самъ женился на Ягишнинной дочери; животъ.

Короста взялъ съ собой канарейку да веретешко. Шамветъ бочки по морю. «Дай-ка, мамонька, я дырочку проверю». Что ты это? Теперъ плывемъ; вода не нальется; а провортишь дыру,—вѣдь утонемъ. «Благословишь—проверю, не благословишь—проверю». Ну, Богъ благословитъ. Провертъ дыру, смотритъ на островъ стоять. Что, мамонька, разломаю я бочку, благослови? «Какъ жежно, куда мы тогда дѣнемся? Ну, благословишь—изломаю, не благословишь—изломаю». «Ну, Богъ благословитъ!» Уверелъ Короста головой и ногами, разлетѣлась бочка, вышли все на островъ. Выстроилъ Короста избушку, живутъ въ ней; борона дѣло добылъ, который с... бѣлоровой пшеницей. Вдуть мимо острова купцы на корабляхъ. Короста вышелъ на берегъ, зоветь ихъ къ себѣ хлѣба кушать. Вышли купцы, смотря, боронъ с... бѣлоровой пшеницей, двѣнадцать мельниковъ мелютъ, двѣнадцать обирщиковъ обира-

рають, прибрать ее не могутъ; ~~тутъ~~ же на пень лѣзетъ—сказки сказывать, съ ния слѣзатъ—пѣсни поеть. Побыли они тутъ, сѣли на корабль и поѣхали, а Короста сзади спрятался, ѣдетъ тутъ же. Подплываютъ къ берегу; царевъ сынъ ходитъ, скучаетъ, жалко ему прежней земли. Что, господа, не видали ли вы чуда чуднаго, дива дивнаго. «Видѣли, говорятъ. Есть островъ, на немъ избушка, живутъ тутъ мать съ сыномъ; есть котъ, на пень лѣзетъ—сказки сказывать, съ ния слѣзетъ—пѣсни поеть; есть собачка да боровъ-серунъ, который серетъ бѣлодровой ишеницей, двѣнадцать мольниковъ мелютъ, двѣнадцать сбирщиковъ собираютъ, не могутъ прибраться. Короста все это слышитъ; отсталъ отъ корабля, приближалъ домой, говорить матери, что татинку видѣлъ. Напекъ мѣть, мамонька, подорожничковъ на грудномъ молочкѣ, пойду я разыскивать братьевъ. «Гдѣ жъ ты ихъ, милый сынъ, найдешь? и самъ то, можешь, не вернешься». Стоитъ на своемъ Короста. Ну, напекла мать подорожничковъ. благословила его. пошелъ. Ходилъ онъ долго ли, далеко ли, не нашелъ братьевъ, узналъ только, что живутъ они въ другомъ царствѣ у змѣя трехглаваго и не пускаетъ тотъ никого, обвѣлъ вельмомъ весь домъ, гдѣ они живутъ. Вернулся назадъ, рассказалъ матери. Ёдутъ опять купцы на корабляхъ (повтореніе описанія поѣздки; Короста спрятался на кораблѣ, опять видѣлъ царскаго сына). «Напекъ мѣть, мамонька, подорожничковъ, пойду братовой некатъ? Напекла мать, пошелъ. Долго онъ ходилъ, пришелъ въ лѣсъ; видитъ, большой теремъ стоитъ, весь сороками обвѣшанъ и змѣй трехглавый обернулся кольцомъ,—голову въ хвостъ уткнулъ; у самыхъ дверей спитъ. Вотъ Короста сталъ песокъ кидать—засыпалъ одно горло; сталъ опять кидать—засыпалъ друго и третье засыпалъ, самъ въ теремъ зашелъ. Ну, братья милые, выходите, вотъ мамонька послала вамъ подорожничковъ на грудномъ молочкѣ. «Что ты это, испугались братья; змѣй-то всѣхъ насъ съѣстъ, какъ мы уйдемъ? На меня надѣйтесь!

Вотъ опять напали песку, засыпали три горла змѣю и вошли изъ терема, а теремъ обернулъ Короста яичкомъ со всѣмъ добромъ и положилъ въ карманъ. Пришли на островъ, теремъ поставили. Мать обрадовалась, встрѣчаетъ дѣтей. Живутъ они; опять проѣзжаютъ купцы на корабляхъ,—зоветь ихъ къ себѣ Короста въ гости. Зашли и дину далися. Поѣхали съ острова, Короста за ними,—спрятался на кораблѣ. Ходитъ на берегу царскій сынъ, спрашиваетъ купцовъ, не видали ли они чуда чуднаго, дива дивнаго. «Видѣли, говорятъ, на островѣ теремъ стоитъ, въ немъ живетъ мать; съ ней двое дѣтей—ясенъ мѣсяцъ во лбу, по вискамъ часты вѣяды, по локоть руки въ серебрѣ, по колено ноги въ золотѣ; есть еще сынъ Короста; есть котъ, на пень лѣзетъ—сказки сказывать, съ ния слѣзатъ—пѣсни поеть, да боровъ-серунъ, серетъ бѣлодровой ишеницей, двѣнадцать мельниковъ мелютъ, двѣнадцать сбирщиковъ собираютъ, прибраться не могутъ; и собачка съ ними».—Ахъ, говорятъ, это они, дѣти мои; надо ихъ разыскать, пойду!—А Короста слышитъ все, отсталъ отъ корабля, домой пришелъ, все матери рассказалъ. Мать завернула въ тряпицы двухъ дѣтей, спрятала подъ кровать. Пришелъ

къ нимъ царскій сынъ. Короста соскочилъ: «А, тятинька, здравствуй!» Тотъ обрадовался. Идѣ, спрашивать мать, дѣти мои? «Да вотъ у меня, говорить, дѣти.—сынъ Короста, котъ да собачка, самъ знашь. чего въ море бросалъ». Здѣсь мои дѣти! вы спрятали ихъ.

Короста вытащилъ за тряпицы изъ подъ кровати братьевъ; обрадовался царскій сынъ, зоветъ жить къ себѣ домой. «Нѣтъ, говорить мать: за чѣмъ мы пойдемъ? ты погубить насъ хотѣлъ, погубишь опять». Сталъ онъ прошенья просить да уговаривать идти къ нему жить. «Ну ладно, пойду, если сына Коросту возьмешь; это онъ ихъ спасъ, онъ все сдѣлалъ». Поѣхали всѣ съ острова. Приѣхали домой; царскій сынъ взялъ свою жену, Ягишину дочь, повѣсилъ на воротахъ, кислой простокишей разстрѣлялъ, а самъ сталъ съ прежней женой жить да поживать. да добра наживать.

36. Иванъ. крестьянскій сынъ.

(Семь дочерей Яги Ягины. Доставка царю цулей-мыслей).

Жилъ былъ старикъ со старухой, было у нихъ семь сыновей. Стали старики умирать и передъ смертью благословили сыновей, чтобъ они взяли за себя семь сестеръ. Умерли. Стали сыновья сряжаться, паи на коней, поѣхали; одному меньшому брату Ивану нѣтъ лошади. Пришелъ въ пригонъ; къ которой лошади не подойдетъ, та и падеть окарячь; одинъ шелудивый жеребенокъ стоитъ, да и тотъ на плетень опирается. Закручинился Иванъ, братья уѣхали, онъ одинъ остался. Пошелъ разгуляться на базаръ: идетъ изъ улки въ переулокъ, а изъ кабака старуха и спрашивать: Что, Иванъ, крестьянскій сынъ, пригорюнился, что запечалился? «Убирайся, старуха, я те пну подъ дыру, такъ улетишь подъ гору, свисну въ високъ, посыплется песокъ!» Пошла старуха въ кабачокъ, вышла на пятачокъ, а Иванъ пошелъ опять домой. Зашелъ въ пригонъ къ другому табуну, опять къ которой лошади не подойдетъ, та окарячь и падеть, одинъ шелудивый жеребенокъ около плетня стоитъ. Снова запечалился Иванъ. «Пойду, говорить, разгуляюсь на базаръ». Пошелъ, а та старуха опять ему на встрѣчу. Что, Иванъ, крестьянскій сынъ, запечалился? «Убирайся, старуха! я те пну подъ дыру, улетишь подъ гору, дамъ подъ високъ, посыплется песокъ!» Старуха повернулась, зашла въ кабачокъ, вышла на пятачокъ. Пошелъ и Иванъ, крестьянскій сынъ. домой, зашелъ въ пригонъ къ третьему табуну, опять къ какой лошади ни подойдетъ, та и падеть окарячь. «Да что же я? говорить. Добры люди у старыхъ людей спрашиваютъ, а я изобидилъ вонъ какъ старуху. Вѣрно, она чего-нибудь знаетъ, два раза спрашивала. Пойду опять, не попадетъ ли она встрѣчу». Идетъ и опять старуха вышла изъ кабачка, спрашиваетъ, что, Иванъ, крестьянскій сынъ, опечалился. «Прости ты меня, баушка! изобидилъ я тебя, горе мое вотъ какое». Онъ разсказать, какое благословеніе отецъ оставилъ передъ смертью и какъ

братья уѣхали, а онъ одинъ остался, не можетъ изъ всѣхъ табуновъ лошадь по себѣ выбрать. «Поди, говорить старуха, помолись на могилѣ родителя и благослови у отца—матери, потомъ ступай въ погребъ, тамъ увидишь плиту желѣзную; ты ее подыми, подъ ней стоитъ отповскій конь на двѣнадцати цѣпяхъ, на двѣнадцати развязихъ, изъ рта пламя пышетъ, изъ воздрей искры сыплются. Поклонись ему въ право копытцо и скажи: послужи мнѣ, добрый конь, какъ отцу служилъ». Пошелъ Иванъ домой; все, какъ учила старуха, сдѣлалъ, нашелъ коня, поклонился ему въ право копытцо, цѣпи порвались, конь выскочилъ къ столбу. Въ право ухо—напился, въ лѣво—срядился, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Догналъ братьевъ; они еще никуда не доѣхали, смотрятъ на него, да дивятся, гдѣ онъ эку лошадь взялъ, спрашиваютъ его. «У мужика, говорить, на свою вымѣнялъ». Ну ладно, ѣдутъ. Обѣздили всю свою губернію, не нашли семи сестеръ. Приѣзжаютъ они въ теремъ Ягишны. «Фу, фу! русской костки слыхомъ не слыхать, видомъ не видать было, а нынче русская костка сама на дворъ пришла!» Вошли семь братьевъ въ домъ. Куда, дѣтушки, поѣхали? «Прежде напой, накорми, потомъ ужъ вѣстей разпроси». Ягишна ихъ накормила, напоила и на постель положила отдохнуть. Тутъ они и рассказали ей, что обѣздили всю свою мѣстность, не нашли невѣсть семи сестеръ. Поѣхали въ чужіе края. Ягишна ихъ направлятъ къ своей сестрѣ въ другое царство. «Она, говорить, знаетъ семь сестеръ, научить васъ». Поѣхали. Подъѣзжаютъ къ терему, а Яга на печкѣ валяется. Русской костки слыхомъ не слыхать было, а нынче сама на дворъ пришла. Куда дѣтушки поѣхали? «Прежде напой, накорми, потомъ вѣстей разпроси». Ягишна ихъ накормила, напоила и въ постель положила. «Какъ вы, дѣтушки, туда попадете? Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ у нашей сестры есть семь дочерей, семь сестеръ, такъ къ нимъ идти—огненную рѣку переходить надо, она васъ сожжетъ». Научи васъ, баушка, какъ ее перейти! «На-те вотъ ширинку! какъ подѣдете, махните разъ—рѣка разступится; потомъ переѣдете, махните, рѣка сольется». Простились братья, поѣхали. Доѣхали до огненной рѣки, махнулъ Иванъ ширинкой, рѣка разступилась; потомъ переѣхали, махнулъ, она опять слилась. Подъѣзжаютъ они къ терему, желѣзнымъ тыномъ обнесенъ и желѣзны ворота; на всякой тычинкѣ голова надѣта, на одной только не было. Въѣхали молодцы, слышала Ягишна: Фу, русской костки слыхомъ не слыхать, видомъ не видать было, а теперь русская костка сама на дворъ пришла! Куда васъ, дѣтушки, Богъ понесъ? «Прежде напой, накорми, потомъ ужъ вѣстей разпроси». Ягишна напоила ихъ, накормила и въ постель положила отдохнуть. Иванъ и говорить: Дать намъ родитель благословенье, не брать замужъ иначе, какъ семь родныхъ дочерей, семь сестеръ. Обѣздили все свое царство, не могли найти, приѣхали къ тебѣ. «Точно, есть у меня семь дочерей, возьми ихъ, только умѣй разобрать, а не разберешь, такъ вонъ на тыну одной головы нѣтъ, тутъ твоя и будетъ». Вывела Ягишна своихъ дочерей, поставила въ рядъ, всѣ какъ одна, ростъ въ ростъ, башмакъ къ башмакъ. ликъ въ ликъ.

Задумался Иванъ. «Позвольте, говорить, мнѣ сначала на дворъ выйти». Вышелъ онъ на дворъ, подошелъ къ коню и плачется. «Вотъ, говорить, какую мнѣ задачу Ягишна задала, разобрать невѣсть». Конь ему и говоритъ: «Поди, поставь своихъ братьевъ всѣхъ въ рядъ, какъ и старуха выставила, и смотри въ окошко; тамъ есть дыра; влетитъ въ нее муха и сидеть на лицо старшей дочери, та сброситъ ее платкомъ, тутъ возьми и подведи къ старшему брату и остальныхъ разведи. Пришелъ Иванъ, выставилъ своихъ братьевъ противъ Ягишныхъ дочерей и смотреть въ окно; влетѣла муха и сѣла на лицо къ одной дочери; она утерла ее платкомъ; Иванъ взялъ ее и подвелъ къ старшему, разобралъ и другихъ, и себѣ взялъ меньшую. «Ну, говорить Ягишна, я хитра, а ты еще хитрѣе. Умѣлъ разобрать, такъ умѣй и ночь спать, а не съумѣешь, такъ быть твоей головѣ на тычкѣ!» Пришла ночь, положила Ягишна каждаго въ особый теремъ. Иванъ опять пошелъ къ коню, плачется ему, что вотъ такъ и такъ. Конь ему и говоритъ: «Возьми да переболокися, невѣстимо-то платье на себя надѣнь, а свое-то ей отдай, да самъ ложися къ стѣнкѣ и братьямъ такъ скажи». Пошелъ Иванъ, сказалъ братьямъ, какъ надо сдѣлать. Стали ложиться спать, Иванъ и говоритъ невѣсть: «Давай, переболокися, ты мое надѣнь, а свое-то платье мнѣ давай!» «Нѣтъ, у насъ такъ не водится, зачѣмъ мы станемъ переболокаться?» Ну, мое дѣло женихово: у насъ такъ дѣлается, не разговаривай!—Нечего дѣлать, переболокися и братья также сдѣлали, сами къ стѣнкѣ легли. Вотъ въ полночь пришла Ягишна къ одному, пошшупала съ краю, отрубила голову, и такъ всѣхъ семь дочерей зарубила! Наутро братья встаютъ, надо, говорятъ, бѣжать отсюда,—сѣли на коней, перепрыгнули черезъ ворота, только Иванъ задѣлъ за *симочку*, вотъ и зазвенѣли колокольцы, гуси закричали, собаки залаяли, всѣ звѣри подвинулись, заревѣли, кинулась баба-яга догонять. Братья доѣхали до огненной рѣки, махнули ширинкой, переѣхали; добѣжала баба-яга, а рѣка слялась и попасть ей нельзя. Стоитъ она на томъ берегу, ругается: «Ахъ, мошенники! погубили моихъ дочерей». Ъхали они, ѣхали, пріѣхали въ друго царство, повели ихъ къ царю, царь взялъ всѣхъ ихъ въ работники къ себѣ, а Ивана сдѣлалъ наперсникомъ возлюбленнымъ, шибко ужъ онъ ему поглянулся. Живутъ. Вотъ братья и осердились. «Надо, говорятъ, извести меньшого брата; онъ наперсникъ, а мы что? въ простыхъ работникахъ живемъ». Вотъ и говорятъ царю: «Ваше царско величество! не въ нашемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ есть на теремѣ у Ягишны золотая маковка». Такъ какъ ее достать? «Да нашъ братъ, наперсникъ вашъ, достанетъ; онъ умный человѣкъ, можетъ это сдѣлать». Призвалъ царь Ивана и говоритъ: Ну, наперсникъ мой возлюбленный, хочу я наложить на тебя службу. Есть на теремѣ у бабы-яги золотая маковка, доставъ ты мнѣ ее. «Хорошо, ваше величество, умереть такъ умереть, а сослужить службу надо». Пошелъ къ своему доброму коню, жалуется, вотъ какую, говорить, службу царь на меня наложилъ. «Не печалься, садись, поѣдемъ!» Сѣлъ Иванъ и поѣхалъ; добѣхалъ до огненной рѣки, махнулъ ширинкой, переѣхалъ и прямо къ терему. Держись, говорить

ему конь, крѣпче! я надъ теремомъ скочу, ты и схвати маковку. Махнулъ конь, сорвалъ Иванъ маковку, а Ягишна храпитъ, только теремъ съ угла на уголъ ходитъ. Поѣхалъ назадъ, ни за одну симочку не задѣлъ. Пріѣхалъ къ царю, привезъ ему маковку, и того пуще царь возлюбилъ его. Осердился братья, охота имъ извести его, а не могутъ. Опять и говорятъ царю: «Есть у этой Ягишны гусли-мысли, сами пляшутъ, сами пѣсни играютъ». Да какъ ихъ достать? «Да вашъ наперсникъ это можетъ сдѣлать». Призвалъ царь Ивана и говоритъ: «Ну, наперсничекъ мой любезный! сослужи ты мнѣ еще службу, достань у этой Ягишны гусли-мысли». Задумался, запечалился, службу сослужить надо, умру ли, живъ ли останусь. Опять пошелъ къ коню, жалуется ему, что вотъ какъ службу царь наложилъ. «Не печалься, садись, поѣдемъ!» Поѣхали, до огненной рѣки доѣхали; махнулъ ширинкой, рѣка разступилась; переѣхалъ, махнулъ опять, рѣка сошла. Пріѣзжаетъ въ теремъ, Ягишна спитъ—храпитъ, только теремъ съ угла на уголъ ходитъ. Зашелъ онъ къ ней въ горницу, она храпитъ на постели и гусли-мысли промежъ ногъ. Дернулъ ихъ Иванъ, сдернулъ Ягишну съ кровати, дернулъ другой разъ, до порога удернулъ, дернулъ въ третій разъ, за порогъ выдернулъ, а Ягишна все храпитъ, не слышитъ; взялъ онъ гусли-мысли, сѣлъ на коня и поѣхалъ, прыгнулъ черезъ ворота, за одну симочку задѣлъ, вотъ и поднялись всѣ, гуси закричали, собаки залаяли, звѣри заревѣли, колокольцы зазвенѣли, Ягишна побѣжала догонять. Доѣхалъ до огненной рѣки, махнулъ ширинкой, а она ужъ тутъ; разступилась рѣка, онъ скорѣ махнулъ другоридъ, рѣка сошла. Самъ онъ успѣлъ переѣхать, а коня-то сожогъ. Ягишна на томъ берегу ругается, а Иванъ пошелъ домой и плачетъ, что коня погубилъ. Идетъ ему навстрѣчу старикъ съ костылемъ. Давай, говоритъ, мѣняйся гуслими на костыль? «Вотъ дурака напелъ! гусли-мысли сами пляшутъ, сами пѣсни поютъ, а костыль-то что?». А костыль-то кого хошь догонитъ и отниметъ, чего прикажешь. «А, ладно, думаетъ Иванъ, отниму я у него потомъ гусли». Взялъ, смѣнялся и идетъ. Идетъ, плачетъ. «Какъ я говорить, къ царю явлюсь? сказнить онъ меня! смѣнялъ на костыль.—старикъ-отъ, можетъ, обманулъ меня». Костыль ему изъ-за пазухи говорить: О чемъ запечалился? «Да вотъ надо гусли отнять у старика». И-ихъ, костыль заковылялъ, догналъ старика, отнялъ гусли, принесъ Ивану. Вотъ идетъ онъ, попадается другой старикъ, везетъ сумку. «Давай, говоритъ, мѣняйся сумкой на гусли»? Да какъ же, нашелъ дурака, съ чѣмъ я къ царю явлюсь? Гусли, по крайней мѣрѣ, когда ни захошь, сами играютъ и сами пляшутъ, а сумка-то на что мнѣ. «А въ сумкѣ сидитъ тридцать три молодца, тридцать три удалца; что ни прикажи, все сразу сдѣлаютъ». Подумалъ, подумалъ Иванъ, смѣнялъ. Идетъ и горюетъ, боится къ царю явиться. Костыль опять и говоритъ: О чемъ горюешь? «Да вотъ смѣнялъ гусли на сумку, теперь царь меня сказнить». Тутъ костыль заковылялъ, догналъ старика, отнялъ гусли, отдалъ Ивану. Идетъ онъ, попадается ему старикъ съ бичомъ. «Давай, говоритъ, гуслими на бичъ мѣняйся»? Ну да какъ же, стану я мѣнять гусли на

бичикъ. Они мнѣ попляшутъ и поиграютъ сами, а бичикъ что? «А бичикъ-то вотъ что: разъ стегни—мясо наростетъ, два стегни—кожа наростетъ, три стегни—оживить!» Подумалъ Иванъ, дай смѣняю, говорить, хоть коня оживлю. Смѣнялся, идетъ и печалится о гусяхъ. Костыль опять выскочилъ, заковылялъ, отнялъ у старика гусли, принесъ Ивану. Вотъ Иванъ положилъ гусли, костыль и сумку подъ кустомъ, а самъ пошелъ къ огненной рѣкѣ съ бичикомъ. Разъ стегнулъ—у коня кости соткнулись, два стегнулъ—мясо, кожа narosli, третій стегнулъ—конь-отъ ожилъ. Долго, говорить, я спалъ, скоро сталъ! «Вѣкъ бы тебѣ, говорить, спать, кабы не я». Обрадовался тутъ Иванъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ домой; взялъ изъ-подъ куста костыль, сумку и гусли и везетъ. Подъѣзжаетъ къ царю ночью, вынулъ сумку. Ну, говорить, молодцы, выстройте мнѣ въ ночь дворецъ, чтобы больше царскаго былъ и сдѣлайте хрустальный подъѣздъ, чтобы можно было царю вѣхаться. Вотъ и принялись тѣ за работу, затюкали. Къ утру поспѣлъ дворецъ больше царскаго, а Иванъ, крестьянскій сынъ, сидитъ въ немъ, нейдетъ къ царю. Проснулся царь, смотреть въ окошко. Что такое дѣлается, откуда взялся этакій дворецъ; посылаетъ своихъ слугъ справиться, какая невѣжа смѣла безъ спросу поселиться на царскомъ лугу? Слуги пошли, рассказываютъ, что царь къ себѣ требуетъ. Не идетъ Иванъ. «Скажите, говорить, царю, если хочетъ, пусть самъ идетъ». Слуги вернулись къ царю: не идетъ, говорятъ; пусть царь самъ, если хочетъ, придетъ. Нечего дѣлать, велѣлъ царь осѣдлать себѣ лошадь, поѣхалъ. Приѣхалъ на хрустальный подъѣздъ, тутъ его Иванъ и встрѣтилъ. Царь обрадовался, узналъ про все и выдалъ за него свою дочь, а братьевъ его прогналъ отъ себя, и царство все, со всѣмъ, что въ немъ было, отдалъ Ивану, крестьянскому сыну, и сталъ тотъ царствовать.

37. Иванъ, крестьянскій сынъ.

(Потѣшка на корабль-самоплавъ за царской дочерью, увезенной змѣей).

Жилъ былъ старикъ со старухой, у нихъ былъ только одинъ сынъ. Ничего они не сѣяли, пашни не пахали; только тѣмъ и занимались, что дрова рубили. Передъ смертью старикъ благословляетъ сына и не велитъ ему ничѣмъ больше заниматься, какъ только дрова рубить. Похоронили его, на другое утро старуха и говоритъ сыну: «Ну, помни завѣтъ отцовскій, поѣзжай въ лѣсъ дрова рубить». Сынъ срядился, поѣхалъ. Приѣхалъ въ лѣсъ, тюкнулъ первую березу, а на нее и сѣла птичка и такъ-то славно поетъ, что Иванъ заслушался, бросилъ и дрова рубить, легъ подъ березу, да тутъ и уснулъ,—проспалъ до вечера. Пробудился; надо ѣхать домой. Мать его и спрашивать: «Ну, сынъ милый, много-ли дровъ нарубилъ?» А ничего не нарубилъ, тюкнулъ первую березу, прилетѣла птичка и такъ хорошо запѣла, что я легъ да уснулъ.

«Ну, смотри! доведетъ тебя птичка до безголовья». Поѣхалъ на другое утро въ лѣсъ, опять не успѣлъ срубить березы, прилетѣла та же птичка и поетъ. Давай Иванъ ее ловить; та съ березы на березу, весь день пробѣгала за ней, ничего дровъ не нарубилъ. Приѣхалъ домой, мать спрашивать его, много-ли дровъ нарубилъ. Весь день, говоритъ, гонялся за птичкой. «Ну, доведетъ она тебя, парень, до безголовья». На третій день приѣхалъ Иванъ въ лѣсъ и наставилъ кругомъ на всѣхъ березахъ силышковъ и зачалъ рубить. Прилетѣла птичка и попалась. Вотъ Иванъ ее поймалъ, принесъ домой, не сказывать никому, посадилъ ее въ клетку и никому не велитъ въ комнату ходить. На утро эта птичка зашвистала, затрепала на весь городъ. Всѣ исполошались, что такое? кто это такой поетъ? у кого птица? Стали доискиваться и узнали, что она у Ивана на окнѣ. Мать ему опять говоритъ: Доведетъ тебя эта птица до безголовья. «Ну, ничего, мамочка». Между тѣмъ донесли царю, что вотъ у такого-то есть птица, поетъ на весь городъ. Царь велѣлъ принести птицу и хозяина призвать. Принесъ онъ ее во дворецъ. «Ну, чѣмъ же тебя, Иванъ, крестьянскій сынъ, наградить»? Да ничего, ваше велико императорство, мнѣ не надо, только дозвоьте власть надъ мѣщанами! «Изводи, братецъ». Вотъ и пошелъ Иванъ, кого въ усь, кого въ рыло пнетъ. Стали думать мѣщане, какъ бы его извести. Пошли къ царю и говорятъ: «Ваше царско величество! Вотъ вы дали надъ нами власть Ивану, крестьянскому сыну, онъ вами покоряется, собой похваляется, могу, говоритъ, сдѣлать корабль самоплавъ-самолетъ, что по суху летитъ, по морю бѣжитъ». Призвалъ царь Ивана и говоритъ: «Вотъ ты мной покоряешься, собой похваляешься, что можешь сдѣлать корабль самоплавъ-самолетъ. Такъ если сдѣлашь—награжу, а не сдѣлашь—сказню». Задумался, закручинился Иванъ, крестьянскій сынъ, повѣсилъ голову на правую сторону, потупилъ очи въ полъ кирпиченъ, пришелъ домой, жалуется матери. «Вотъ говорила тебѣ, что доведетъ птица до безголовья. Ну, поди ты къ царю и скажи, что надо тебѣ три топора, которые устояли бы противъ уклада, булата, мѣди и противъ всего». Пошелъ Иванъ къ царю, говоритъ, такъ и такъ, надо мнѣ три топора. Велѣлъ царь сдѣлать. Принесъ ихъ Иванъ домой. «Ну, говоритъ старуха, поди же ты теперь въ лѣсъ, воткни топоры въ три дерева, разстели бѣль полотняный шатеръ и лягъ спать. Къ вечеру будетъ корабль готовъ; войди на него и громкимъ голосомъ гаркни: корабль самоплавъ-самолетъ, по суху лети, по морю бѣги, неси меня, куда мнѣ думно, куда нужно, на царскіе зелены луга». Пошелъ Иванъ въ лѣсъ, воткнулъ топоры въ три дерева, самъ растянулъ шатеръ, легъ и уснулъ. Вотъ откуда взялись плотники, начали рубить, къ вечеру корабль поспѣлъ. Проснулся Иванъ, зашелъ на корабль, растянулъ шатеръ и громкимъ богатырскимъ голосомъ гаркнулъ: «Корабль самоплавъ-самолетъ, по суху лети, по морю бѣги, неси меня, куда мнѣ думно, куда нужно, на царскіе зелены луга!» Принесъ его корабль на царски луга, онъ легъ въ шатръ и уснулъ. Царь смотритъ въ окно въ подозрну трубу: Что такое? какая неvěжа безъ спросу смѣла поселиться на его лугахъ? Посылаетъ узнать.

Иванъ опять гаркнулъ на корабль и прямо ко крыльцу подѣхалъ, выходитъ. «Вотъ, говорятъ, ваше величество, корабль самоплавъ-самолетъ!» Ну, чѣмъ же мнѣ тебя наградить? «Ничего мнѣ не надо, а только дайте мнѣ власть надъ боярами». Хорошо, говоритъ царь. И вотъ зачалъ Иванъ надъ боярами тѣшиться; идетъ тамъ какой-нибудь по улицѣ, онъ его нистъ, другого толканетъ. Осердились бояра, не знаютъ какъ-бы отбиться отъ него, пошли къ царю. «Ваше величество, говорятъ. Вотъ Иванъ, крестьянскій сынъ, вами покоряется, самъ похвалится, говоритъ, что можетъ достать вашу дочь, которую двѣнадцати лѣтъ унесъ къ себѣ трехглавый змѣй». Призываетъ царь Ивана. «Ты, говорятъ, похваляешься, что можешь дочь мою достать, которую вотъ двадцать лѣтъ какъ унесъ къ себѣ змѣй. Если ты ее достанешь, награжу я тебя и при старости на царство посажу, а не достанешь—голову снесу!» Задумался, запечатлился Иванъ, крестьянскій сынъ, повѣсилъ голову на правую сторону, потупилъ очи въ полъ кирпиченъ, приходитъ домой, жалуется матери. «Говорила я тебѣ, доведетъ тебя птичка до безголовья; вотъ и довела. Ну, поди ты къ царю, и проси у него корабль самоплавъ; на немъ побѣзжай; дастъ царь, такъ ладно, а нѣтъ, такъ и головы не будетъ». Еще ему мать наказала взять всякихъ напитковъ и кушанья, и сонныхъ капель, ихъ бы оъ положилъ въ вино царской дочери, зазвалъ къ себѣ на корабль, и какъ уснетъ, увезти. Пошелъ Иванъ къ царю, проситъ дозволить ему взять корабль. «Хорошо, братецъ, возьми». Сѣлъ Иванъ на корабль, громкимъ молодецкимъ голосомъ крикнулъ: «Корабль самоплавъ-самолетъ, неси меня, куда мнѣ думно, куда нужно, въ тридесято царство, къ змѣю трехглавому, который унесъ нарему дочь!» Корабль взялся, полетѣлъ. Приѣзжаютъ они, стоитъ прекрасный теремъ, золотой оградой обнесенъ, на каждый тынникъ фрукты всякіе сидятъ, а какъ до какого дотронешься—колокольцы забрякаютъ, колокола зазвонятъ. Входитъ Иванъ въ теремъ, а царская дочь: «Фу, русскаго духу слухомъ было не слышать, видомъ не видать, а теперь русскимъ духомъ запахло!» Вошелъ Иванъ, царская дочь его угощаетъ тѣмъ и другимъ, а змѣя дома нѣтъ, на охоту улетѣлъ. Сталъ Иванъ назадъ собираться и приглашать къ себѣ на корабль. Та пришла. Сталъ онъ ее угощать всякими напитками и подливать спящихъ капель; она и уснула; онъ опять гаркнулъ на корабль и тотъ его доставилъ прямо къ царскому подѣзду. Царь обрадовался, вышелъ встрѣчать дочь. Обѣщалъ ее выдать за него замужъ и его посадить на царство. Царска дочь, какъ жила у змѣя, и сдѣлалась она волхидкой, «Пойду, говоритъ, замужъ за тебя, только сослужи мнѣ еще службу, а не сослужишь—голову синю». Достань мнѣ, говоритъ, со дна синя моря-океана подвѣнечное платье и подвѣнечное кольцо. Закручинился Иванъ, пошелъ опять къ матери. «Говорила тебѣ, что птица доведетъ до безголовья! вотъ и довела. Ну, поди же ты на базаръ и купи первыя три вещи, какія попадутся». Пошелъ Иванъ на базаръ; ведетъ мужикъ собаку, онъ собаку купилъ; потомъ продаютъ гусей—гуся купилъ; продаетъ баба утокъ, онъ утку купилъ. Несетъ покупки домой. Мать ему и наказы-

вать: «Поди ты на море и выпусти сперва утку и гуся иждидайся; когда они нырнуть и вынесутъ платье и кольцо, тогда выпусти собаку. Онъ пошелъ на море и сдѣлалъ, какъ мать сказывала. Утка вынесла подвѣнечное платье, гусь кольцо; онъ выпустилъ собаку, та подхватила платье и кольцо; и принесъ онъ ихъ царской дочери: женился на ней. Та, какъ была хитрая волхидка, велѣла поставить на дворѣ чанъ, изрубилъ своего мужа въ мелкіе куски, въ чанъ сбросала и велѣла кипятить. Поставила къ тому чану двѣнадцать человѣкъ и дала имъ капель, чтобы съ двѣнадцати часовъ каждый черезъ часъ капнулъ въ этотъ чанъ по каплѣ. Когда 12 человѣкъ капнули по каплѣ, ожилъ Иванъ, крестьянскій сынъ, и сталъ такимъ красавцемъ и молодцомъ, что зрѣлъ царь на него, очей не сводилъ. Отецъ, царь-отъ, видитъ, какой красивый сталъ молодецъ его зять, просить дочь и его сдѣлать такимъ же. «Да какъ же, тятенька, на васъ у меня руки не поднимутся. Прикажете кому-нибудь вамъ голову срубить, тогда я могу васъ сдѣлать такимъ же. Онъ велѣлъ слугамъ отрубить голову; голову отрубили; она его изрѣзала въ куски, сбросала въ чанъ,—тамъ и оставайся,—а сама съ Иваномъ, крестьянскимъ сыномъ, стала царствовать и народомъ править.

38. Иванъ—дуракъ.

(*Чертова флейта*).

Жили, были старикъ со старухой; у нихъ было три сына, два умныхъ и третій Ванька дуракъ. Посѣяна была у нихъ на избѣ (на рассадникѣ) рѣпа и сталъ ту рѣпу кто-то воровать. Сговариваются братья идти караулить, на первую ночь пошелъ старшій; сидѣлъ и не могъ утерпѣть, задремалъ и уснулъ. Проснулся, а рѣпъ не мало украдено. На другую ночь пошелъ средній караулить и тоже проспалъ. А Ванька сидитъ на печкѣ, на кулакъ сопли мотаетъ. Пустите меня, говорить, покараулить ночку? «Да куда тебя, дурака!» Нѣтъ пойду. «Ну, ладно!» Отпустили. Вышелъ Ванька, давай плясать, до полночи проплясалъ, потомъ легъ, только нечистый—то и приближалъ, давай рѣпу рвать, Ванька тутъ его и схватилъ. Взялись они, давай барахтаться. Ты кто? Ванька спрашивать. «Я нечистый, а ты?» Я тоже нечистая сила. «Пойдемъ, говорить, ко мнѣ!» Взяли они рѣпу собрали, пошли по плясамъ, по заводямъ. «Ты мнѣ что за рѣпу-то дашь», Ванька спрашивать. Чортъ и далъ ему флечку, что на разные голоса играетъ. Спряталъ ее Ванька, пришелъ домой, залѣзъ на печку, сидитъ. «Ты куда-жо рѣпу-то дѣвалъ, дуракъ, кричитъ на него отецъ, всю прокараулилъ!» Да вымѣнялъ, говорить, у чорта на флейку. «Ну, ладно». Ходила у нихъ по двору свинья съ тремя поросятами, Ванька и просится идти пасти ихъ. Куда ты, дуракъ, пойдешь, растеряешь всѣхъ свиней. «Нѣтъ, не растеряю». Погналъ въ поле, насетъ, вынулъ флейку, давай играть. Вотъ свинья и

три поросенка заплясали, завыхаживали. А царь изъ окна увидѣлъ это и дивуется. Что такое? свинья съ поросятами пляшутъ! Царская дочь увидѣла. «Надо, говорить, достать ихъ». Послали слугъ привести ли, купить ли хоть одного поросенка. Тѣ пришли; Ванька заигралъ и пошли плясать слуги и свиньи. «Что, говорить, вамъ надо»? А послали насъ купить одного поросенка. «Ну, кому надо, тотъ пускай придетъ покупать». Воротились слуги, доложили такъ и такъ. Царска дочь приказала запретъ карету, поѣхала сама. Пріѣзжать, а Ванька опять на флейкѣ заигралъ; заплясали лошади, кучеръ, карета и сама царска дочь; наплясались такъ, что едва духъ переводятъ. Пересталъ играть Иванъ, царска дочь и просить продать поросенка. Нѣтъ, онъ не продажный, завѣтный. А много ли завѣту? Заголился по кодѣно и проплясалъ три раза вокругъ свиней. Заголилась царска дочь, проплясала. «Ну, теперь возьмите поросенка!» Привезли они его домой, поставили на полъ, не пляшетъ; изгадилъ весь полъ, не пляшетъ. Надо, видно, ему и другого купить, тогда веселѣе имъ двоимъ-то будетъ. А Ванька пригналъ домой свинью съ двумя поросятами. Отецъ и спрашивать: «Куда ты поросенка-то дѣвалъ»? Пропалъ. «Вотъ дуракъ, такъ дуракъ и есть». На другой день Ванька опять сряжается свиней пасти. Отецъ не дастъ; ну, онъ, однако, угналъ ихъ на поле, заигралъ на флейкѣ, зачали они плясать, а царь съ дочерью и смотреть на него. Посылаютъ слугъ купить другога поросенка; опять не продаетъ. Поѣхала сама царска дочь. Ванька началъ наигрывать такъ, что все вокругъ его заплясало. «Что, говорить, вамъ нужно»? Продай намъ другога поросенка. «Завѣтный! Вотъ заголился по поясъ, да пройдишь вокругъ меня три раза, тогда возьми». Царска дочь, нечего дѣлать, заголилась, прошла. «Ну, теперь возьмите!» Повезли поросенка. Пустили ихъ обоихъ другъ къ другу, ну они рылами тычутся. «Вотъ, вотъ, говорить, запляшутъ!» А они все тычутся да бѣгаютъ, нагадили двое-то такъ, что страмъ. Надо, видно, ужъ и того поросенка со свиньей купить, оттого они и не пляшутъ. Ванька пришелъ домой, пригналъ свинью съ однимъ поросенкомъ. «Куда ты, дуракъ, другога-то поросенка дѣвалъ»? Пропалъ, говорить. Поругали его, да чего съ дурака возьмешь. На третій день опять хочетъ Ванька свинью гнать. И—и, напустился на него отецъ. «Ты ужъ, говорить, двухъ поросятъ потерялъ,—трѣгяго хочешь». Но ничего сговорить не могъ; угналъ опять на поле, сѣлъ и заигралъ. Свинья пляшетъ, поросенокъ за ней. Увидала царска дочь, посылать слугъ купить послѣдняго поросенка и со свиньей выѣсть. Слуги ни съ чѣмъ воротились назадъ. «Пускай, говорить, сами ѣдутъ, коли купить хотятъ». Пріѣхала царска дочь. Ванька играть; заплясали опять кони, и кучеръ, и царска дочь. Продай, говорить, мнѣ свинью съ поросенкомъ! «Хорошо. Разболочись ты и три раза руки подними вотъ эдакъ надъ головой». Дѣлать нечего, раздѣлась царска дочь, подняла руки, а у ней подъ лѣвой мышкой одинъ волосокъ серебряный, а подъ правой—золотой. «Ну, теперь возьмите!» Привезли свинью; ну, они тычутся всѣ норками*), только и

*) Норки—ноздри. Ред.

есть. Ванька пришелъ домой безъ свиней. Отецъ его спрашиваетъ: Куда ты свиней подѣвалъ, разбойникъ? «Пропали». Давай они его ругать. А ему чего? залѣзъ на печку, мотаетъ сопля на кулакъ, молчить.

Въ ту пору подходило время царску дочь замужъ выдавать. Царь всемъ и объявляетъ: «За того, говорить, отдамъ, кто у моеи дочери примѣты отгадать». Созвали со всего царства народу страсть. Ну тамъ, кто чего тамъ говорить; ну, не знаешь, такъ чего отгадашь. Спрашивать царь Ваньку. Тотъ говорить, такъ и такъ, ваше велико императорство, подъ правой рукой золотой волосокъ, подъ лѣвой—серебряный. «Ну молодецъ, говорить, благодарю, отгадалъ». Провѣдали сенаторы и министры, что тамъ какой-то отгадалъ, пріѣхали къ нему на серебряной каретѣ, на которой только разъ въ году царь выѣзжаетъ. Возьми, говорятъ, чего хочешь, только отступись! «Хорошо, только отдайте мнѣ эту карету и лошадей съ кучерами, и одежду, и все». Отдали ему. Вотъ опять царь всехъ оповѣщать, кто отгадать примѣты у дочери, за того и замужъ отдастъ. Никто не отгадалъ, одинъ Ванька. Царь его благодарить. Пріѣзжаютъ къ Ванькѣ на золотой каретѣ опять тѣ же сенаторы, просятъ отступиться. «Отдайте мнѣ, говорить, карету, лошадей и лопать*) всю!» Отдали ему; Ванька нанялъ себѣ большую квартиру въ городѣ и живетъ. Третій разъ оповѣстилъ царь; одинъ Ванька отгадалъ (примѣты царской дочери). Стали свадьбу сряжать, сыграли: живетъ съ царской дочерью Иванъ. «Надо, говорить царь, карету золотую запретъ, гдѣ она?» Да вотъ тамъ и тамъ, у такого-то. Послалъ царь къ нему за каретой министровъ своихъ и сенаторовъ. Пришли они къ Ванькѣ. Надо, говорить, карету. «Хорошо, дамъ, только пойдите со мной прогуляться!» Завелъ онъ ихъ въ лѣсъ, въ боярышникъ, вынулъ флечку и началъ наигрывать. Вотъ сенаторы и заплясали въ боярышникъ, изорвались все, испаранались, кровь бѣжить съ нихъ, сами въ лохмотьяхъ. Пришли къ царю, жалуются, что избилъ ихъ зять царскій, вотъ все въ кровѣ. «А—а! такъ вотъ онъ какой! надо его казнить». Повели Ваньку на эшафотъ. Онъ пришелъ; народу собралось множество, самъ царь тутъ; солдатъ поставили: сенаторы и всякіе чины. Позвольте мнѣ, говорить Ванька, съ женой проститься передъ смертью? «Изволь!» говорить царь. Послала за женой, а та ужъ знала. Простилась она съ нимъ и подала ему флечку. «Позвольте же мнѣ въ послѣдній разъ на флейкѣ поиграть?» Сенаторы испугались. «Намъ, говорить, не удержаться». Заигралъ онъ и пошелъ весь народъ плясать, солдаты пляшутъ, сенаторы, самъ царь тоже, а онъ играть. Натѣшились такъ, что царь его простилъ и сталъ онъ жить да поживать.

39. Безручна.

Жилъ старикъ со старухой, у нихъ было только одинъ сынъ и одна дочь. Стали умирать старики, благословляютъ дѣтей и наказываютъ

*) Лопать—одежда. *Ред.*

сыну, чтобы онъ не женился никогда, а дочери, чтобы она замужъ не ходила. Умерли старики, остались братъ съ сестрой, живутъ. Вздумалъ братъ жениться; благословился у сестры и женился,—нарушилъ родительское благословеніе. Живутъ и всякій разъ, какъ надо ему куда отправляться, идетъ онъ къ сестрѣ благословляться. Жена думаетъ: «Что это въ самомъ дѣлѣ онъ все къ сестрѣ да къ сестрѣ? больше онъ ее любить, чѣмъ меня, что ли? Постой же!» говоритъ. Утромъ также уѣхалъ братъ куда-то, благословился у сестры. Жена взяла да и задавила у него охотнаго кобеля. Вечеромъ онъ пріѣзжать, жена и говоритъ ему: Вотъ твоя мила сестрица чего надѣлала, кобеля охотнаго задавила. «Ну чтожъ! кобеля не оживить, сестру не убить». На друго утро опять братъ благословляется у сестры—уѣхалъ. Жена безъ него взяла—задавила самолучшаго выѣднаго коня, котораго мужъ больше всѣхъ любилъ. Вечеромъ, какъ только онъ пріѣхалъ, та ему и жалуется: Посмотри-ка, сестрица-то твоего любимаго коня задавила. «Ну чтожъ! коня не оживить, сестру не убить». Ахъ, озлилась жена пуще того: «Ну ужъ, изведу же я тебя!» А братъ утромъ опять поѣхалъ и благословился у сестры. Жена взяла да задавила своего сына, грудного ребенка. Вечеромъ пріѣхалъ мужъ, она ему жалуется: Посмотри, говоритъ, что твоя-то сестрица, у которой ты благословляешься, надѣлала, задавила ребенка-то! «Ну чтожъ! мертваго не оживить, сестру не убить». Къ утру велитъ женѣ напечь подорожниковъ, простился съ женой. «Ну, говоритъ, сестра, поѣдемъ въ гости». А жена и пуще того злится. Вотъ пріѣхали они въ лѣсъ, къ синему морю; взялъ братъ отрубилъ одну руку сестры, отрубилъ другу, отрубилъ обѣ ноги по колѣно, оставилъ ей подорожниковъ, самъ уѣхалъ домой, женѣ ничего не говоритъ. Между тѣмъ одинъ сынъ богатыхъ родителей ходилъ за охотой и набрелъ на эту дѣвицу въ лѣсу, что лежитъ безъ рукъ, безъ ногъ. А она была такая красавица, что зрѣлъ бы на нее, смотрѣлъ, очей не сносилъ. Влюбился въ нее этотъ молодчикъ такъ, что говоритъ, жениться хочу. Взялъ ее и повелъ домой. Родителямъ говоритъ такъ и такъ, хочу вотъ на этой дѣвицѣ жениться. Родителямъ! «Что ты это? на безрукой, безногой, да жениться? пѣтъ, какъ это можно?» Благословите—женюсь, не благословите—женюсь. «Ну, Богъ благословить!» Женился, живутъ. Прошло сколько времени, поѣхалъ онъ опять на охоту, родители безъ него и вздумали свезти ее назадъ въ лѣсъ и положить на старое мѣсто. «Куда намъ, говоритъ, съ экой-то?» А она ужъ очреватѣла и въ лѣсу родила сына, во лбу солнце красное, въ затылкѣ мѣсяцъ ясный, на вискахъ частыя звѣзды, по локоть руки въ серебрѣ, по колѣно ноги въ золотѣ. Родила, лежитъ и видитъ, на другомъ берегу идетъ старикъ старый и спрашивать: «Если нечистая сила—отшатнись, если доброй человѣкъ—молитву сотвори». Она молитву сотворила. Спускайся теперь, говоритъ, въ воду. Она стала спускаться, а у нее и руки приросли по локоть и ноги по колѣно. Завернула взяла своего ребенка въ тряпницу, положила за пазуху, идетъ домой къ брату. Пришла ужъ поздно, стучится подъ окномъ, не пустятъ ли добры люди переночевать. Хорошо,

если знашь какі побывальщины. «Да, пожалуй, скажу какую». Пустили, зашла въ избу. «Ну, рассказывай!» (Она рассказываетъ всю свою жизнь сначала и до послѣдняго момента, т. е. вся сказка вновь повторяется). Стали догадываться брать и жена, что про нихъ рѣчь идетъ. Жена и говоритъ: Не хороша побывальщинка! другую бы какъ сказала. «Ну, слушай до конца, на серединѣ не перебивай!» Какъ дошла до того мѣста, гдѣ женился на безрукой крестьянской-то сынъ, тотъ и догадался, и онъ тутъ же сидѣлъ, выѣстъ съ ея братомъ на охоту ѣздили. Она какъ досказала до конца, вынула ребенка изъ-за пазухи, развернула тряпицы, и онъ весь и засіялъ. Жена-та какъ стояла, такъ и пала, и тутъ же померла. «Ну, говоритъ крестьянской сынъ, побѣдемъ, милая жена, къ отцу—матери. Пріѣхали они туда; онъ повѣсилъ ихъ на ворота и разстрѣлялъ.

40. Падчерица.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, у нихъ была одна дочь. Померла старуха, женился старикъ на другой. Не влюбилась мачиха свою падчерицу, велитъ старику вести ее, куда хочетъ. Нечего дѣлать, запретъ старикъ лошадь, ѣдутъ оба да и плачутъ; пріѣхали въ лѣсъ. «Ну, говоритъ, мила дочь, нечего дѣлать, оставайся здѣсь». Осталась она одна въ лѣсу, идетъ по чащамъ, по тущобамъ, вся оборвалась; вышла и вдругъ видитъ, стоитъ теремъ, зрѣлъ бы, смотрѣлъ, очей не сносилъ. Зашла въ него,—никого нѣту. лежать на полу рубахи всѣ въ крови. Взяла она ихъ выстирала, высушила, выкатала и сложила на столъ, сама сѣла за печку. Вотъ вечеромъ пріѣзжаютъ семь братьевъ. «Что такое, братцы? Кто-то у насъ есть». Говорятъ: «Выходи, добрый человекъ! если старше насъ, будь родна мамонька, если младше насъ, будь родна сестрица». Она вышла изъ-за печки-то и говоритъ: «Нельзя мнѣ выйти отсюда, вся я въ отрепьяхъ». Подали они ей рубашку, платье, одѣлась она, вышла къ нимъ. «Ну, мила сестра, давай поздороваемся!» Поѣли они, легли спать, а ей наказываютъ, чтобы она ихъ завтра разбудила, какъ только кровь въ котлѣ закипитъ. Утромъ закипѣла; она ихъ разбудила. «Ну, говорятъ, мы побѣдемъ съ семиголовымъ змѣемъ сражаться, золотую гору дѣлать, а ты въ этотъ амбаръ и въ этотъ ходи, а вотъ въ тотъ не ходи». Срядились, уѣхали, осталась одна. Пришелъ къ ней нищій, проситъ подъ окномъ милостинку. Она спрашиваетъ его, откуда онъ, не знаетъ ли тятиньку. «Какъ, говоритъ, не знаю». Нагребла она злата—серебра. «Снеси, говоритъ, тятѣ, а мачихѣ не сказывай!» Послала съ нимъ рубашку и всякаго добра,—и его надѣлила. Вечеромъ пріѣзжаютъ братья, ложатся спать, опять наказываютъ разбудить ихъ, какъ кровь въ котлѣ закипитъ. Разбудила ихъ утромъ, срядились—уѣхали. Нищій опять приходитъ. А мачиха дома спрашивать, гдѣ старикъ взялъ золото. Онъ рассказалъ ей, какъ послала дочь и что она въ богатомъ дому живетъ. Мачиха взяла изгребну*) рубашу и посылать ее съ

*) Изъ грубаго холста. Ред.

нищимъ къ надчерицѣ и велитъ сказать, что это отецъ ей послалъ. Разспрашивать она его про тятиньку, посылаетъ ему злата—серебра. Тотъ принесъ рубаху и отдалъ ей. Вотъ, говоритъ, тебѣ тятя послалъ! «Ну, ладно, думаетъ, все же тятинька послалъ рубаху». Ушелъ нищій. «Что, думаетъ она, не велитъ въ этотъ амбаръ ходить? Дай-ко посмотрю, что тамъ у нихъ». Отворила двери, а тамъ все бочки съ виномъ стоятъ запечатаны. Заперла дверь, пришла домой. Приѣхали братья вечеромъ, наказываютъ сестрѣ: «Ну, сестра! видно намъ завтра живымъ не вернутся! разбуди насъ, какъ кровь въ котлѣ закипитъ»; сами легли спать. Она пошла, отворила настежь двери въ амбаръ, распечатала бочки, ушла домой. Что, думаетъ, будетъ? А кровь въ котлѣ такъ и кипитъ. Она братьевъ не будитъ, взяла саблю и пошла въ амбаръ. Змѣй семиглавый прилетѣлъ туда, выпилъ всѣ сорокъ бочекъ вина и пьяный не можетъ подняться. Вотъ она одну голову отрубила, другу, третью, всѣ семь головъ отрубила, въ кучу склала и самого всего изрубила; пришла въ теремъ, а кровь уже совсѣмъ выкипѣла. Будитъ братьевъ: «Вставайте, говоритъ, уже пора!» Тѣ соскочили, смотрятъ, кровь докипать. Ахъ, что ты надѣлала, не разбудила насъ раньше, теперь не быть намъ живымъ, погибли мы, и тебя, мила сестрица, погубили; придетъ семиголовый змѣй, всѣхъ насъ съѣстъ! «Ну, не тужите, идите-ко въ амбаръ-отъ, посмотрите». Пришли въ амбаръ, ~~смотрятъ~~,—змѣй лежитъ изрубленный. Обрадовались они, благодарятъ сестру; поѣхали на золоту гору, воятъ, воятъ золото, вывезти не могутъ; сестру въ золото одѣли. Уѣхали опять за золотомъ, а сестра и думаетъ: «Дай надѣну тятинькину рубаху». Надѣла ее, да и умерла. Приѣхали братья, ~~смотрятъ~~, мертва лежитъ сестра. Давай надъ ней плакать. Плачутъ, плачутъ, не могутъ насмотрѣться. Сдѣлали золотой гробъ, положили ее и повѣсили на золотыхъ цѣпяхъ надъ теремомъ,—прийдутъ туда и очей не могутъ свести; плакали надъ ней, да такъ и обмерли. Ыздилъ Иванъ Царевичъ на охоту, подѣхалъ къ терему; смотритъ, что такое надъ нимъ такъ блеститъ. Зашелъ туда, а въ гробу лежитъ красавица неописанная, очей нельзя отвести. На другой день приѣхалъ и на третій тоже и задумалъ взять этотъ гробъ и увезти къ себѣ домой. Поставилъ его подъ кровать; ночью вынетъ ее, на постель положить. такъ все и спитъ, а насмотрѣться не можетъ,—влюбился. Отецъ, мать замѣчаютъ, что сталъ задумываться у нихъ сынъ, прежде обѣдалъ и чай пилъ вмѣстѣ и разговорчивъ былъ, а теперь задумывается. А онъ имъ не велитъ къ себѣ въ комнату ходить. Разъ онъ уѣхалъ опять на охоту, мать и зашла въ комнату къ нему, всѣмъ осмотрѣла, заглянула подъ кровать, вдругъ, что то блеснуло. Стала разбирать, а тутъ гробъ золотой и въ немъ лежитъ красавица такая, что и очей отвести нельзя. Позвала царя и тотъ тоже очей отвести не можетъ. «Надо ее раздѣть да обмытъ, говорятъ, да подъ святые положить». Сняли съ нее мертву рубаху, а она и ожила. Обрадовались, спрятали ее. Приѣхалъ сынъ, подъ кровать смотритъ, нѣту его красавицы. «Куда вы, говоритъ, ее дѣвали? вѣдь я не велѣлъ въ мою комнату ходить». Мы не знаемъ, что у тебя тамъ было. «Это

вы спрятали! отдайте мнѣ ее!»! А она и вышла къ нему. Онъ обрадовался, узнать, отчего она померла и захотѣлъ на ней жениться. Хорошо, я выйду за тебя замужъ, только ты сперва оживи семь моихъ братьевъ что въ теремѣ лежатъ. Пошелъ Иванъ Царевичъ, убилъ клячу, шкуру ободралъ, надѣлъ на себя и легъ въ полѣ. Летить ворона съ воронятами, вороненокъ кричить: «харчъ! харчъ!»! а ворона ему «обманъ! обманъ!»! Съѣлъ вороненокъ на клячу дохлу, а Иванъ Царевичъ и поймалъ его. «Отпусти меня», говоритъ. Если принесешь мнѣ живой воды, отпущу. «Принесу, только отпусти». Отпустилъ вороненка, тотъ принесъ ему воды. Онъ его разорвалъ, вспыснулъ водой—тотъ не ожилъ. «А, обманулъ, говоритъ; ну другого поймаю». Съѣлъ другой вороненокъ, онъ его поймалъ и также наказываетъ ему воды живой принести. Тотъ принесъ, онъ его разорвалъ, спрыснулъ водой, вороненокъ ожилъ. Пошелъ Иванъ Царевичъ въ теремъ, семь братьевъ лежатъ, обмерли отъ слезъ надъ сестрой. Спрыснулъ онъ водой того, другого и всѣ оживи. Ахъ, говорить, долго спали, скоро встали! «Вѣкъ бы вамъ спать, кабы не я». Тутъ онъ разсказалъ имъ все и просить у нихъ сестру благословить замужъ выйти за него. Братья благословили, Иванъ Царевичъ женился, сталъ жить да поживать.

41. Глинышекъ.

Жилъ старикъ со старухой, не было у нихъ дѣтей. Вотъ и говорить старикъ: «Давай, старуха, глину мѣсить, да вымѣсимъ глинышка»! Сдѣлали глинышка, растеть парень не по днямъ, а по часамъ. «Сдѣлай мнѣ, говоритъ, тятя, лодочку». Да куда ты, милый сынъ, поѣдешь? вѣдь утонешь. «На вотъ, не утону. Сдѣлай тятя». Сдѣлалъ старикъ лодочку, поѣхалъ глинышекъ по рѣчкѣ и приплылъ онъ къ Ягишнѣ. Увидала она глинышка и хочетъ заманить къ себѣ. «Напеки, говоритъ старшей дочери, блиновъ да позови глинышка». Напекла дочь блиновъ, вынесла на берегъ. «Глинышекъ, глинышекъ! подплыви на крутой бережочекъ, на масляный блинчочекъ». Сталъ подплывать глинышекъ, а самъ говоритъ: «Глазъ спи, другой спи; глазъ спи, другой спи; глазъ спи, другой спи»! Та и уснула. Онъ подплылъ, блины съѣлъ, хлопнулъ весломъ старшую дочь, самъ отпехнулся. Та проснулась, «Ахъ ты, мошенникъ! блины съѣлъ». Пошла матери жаловаться. «Не могла, говорить, заманить». Вотъ Ягишна посылаетъ вторую дочь (повторяется та же исторія). Наконецъ, посылаетъ и третью дочь (повторяется то же самое). «Ну, говоритъ, теперь я сама пойду». Напекла блиновъ, вынесла на берегъ, а глинышекъ плаваетъ по рѣчкѣ. «Глинышекъ, глинышекъ! выдь на крутой бережочекъ, на масляный блинчочекъ»! Глинышекъ подплывать, а самъ твердить: Глазъ спи, другой спи! глазъ спи, другой спи! глазъ спи, другой спи! Ягишна прикинулась, будто спитъ. Глинышекъ подплылъ, сталъ блины ѣсть, тутъ она его и схватила. «А-а, теперь попался, мошенникъ»! Принесла домой, наказываетъ старшей дочери изжарить глинышка и ей на столъ поставить. Натопила старша дочь

печку. «Ну, говоритъ глинышку, садись на лопату!» Тотъ легъ на лопату, ноги расшеперилъ, руки раскарячилъ и никакъ она не можетъ его туда впехнуть. Ты, говоритъ, ручки къ сердцу, ножки къ . . . къ, прижми. «Да какъ? я не умѣю; ты покажи мнѣ сама». Та легла на лопату, ручки, ножки сложила, онъ ее въ печку и бросилъ. Изжарилъ, поставилъ на столъ; самъ спрятался за печку. Пришла Ягишна. «А! изготавила дочь мнѣ глинышка, сама куда-то, видно, ушла». Съѣла Ягишна, кости оглодала и на полати сбросала, сама полѣзла, катается на костяхъ. «Покататься мнѣ, поваляться мнѣ на Жихарковыхъ косточкахъ!» А онъ ей изъ-за печки-то: Покатайся-ко, поваляйся на дочернихъ косточкахъ. «Ахъ онъ, мошенникъ! Онъ мою дочь изжарилъ! Погоди! Велить средней дочери изжарить глинышка (разсказъ повторяется). Наконецъ, велить младшей дочери изжарить глинышка (разсказъ въ третій разъ повторяется). «Ну, теперь я сама примусь!» Натопила печь Ягишна жарко, положила глинышка на лопату; онъ опять ноги расшеперилъ, руки раскарячилъ. Да ты не такъ! «Я не умѣю; поучи меня, какъ!» Легла Ягишна на лопату, руки, ноги сложила; онъ ее бросилъ въ печку, сожогъ. Обернувшись теремъ яичкомъ, положилъ въ карманъ, пріѣхалъ домой и стали они жить, поживать.

42. Шутъ Яшка.

Былъ балабайщикъ, сидитъ на завалинкѣ, играть на завалинкѣ въ балабайку; къ нему подходитъ попъ. Сшути мнѣ шутку, говоритъ. «Да до обѣдни грѣхъ, батъко». Тотъ настаиваетъ, онъ его обматерилъ. Попъ пошелъ служить обѣдню; отслужилъ да въ волость съ жалобой на Яшку, а Яшка, какъ былъ шутъ, надѣлъ на себя дубасъ, пришелъ въ избу и сѣлъ подъ окно, плачетъ. Прибѣгаютъ десятники. «Дома шутъ Яшка?» А онъ и говоритъ: Нѣту. «Да гдѣ онъ?» По міру уѣхалъ. «А ты кто ему?» Я сестра. «Какъ тебя звать?» Да я величаюсь по ему — Анна Шутовна. «Ступай въ волость!» Въ волости она сказала, что по міру уѣхалъ. Батъко сталъ наряжать ее въ стряпки. «Умѣешь стряпать?» Не умѣю. «Полы мыть умѣешь?» Умѣю. «Рубашки мыть умѣешь?» Умѣю. «Наймись ко мнѣ?» Нанялась за полтора цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Живетъ, а поповски дочери таки не путны были, промежъ себя вечеромъ говорятъ, кто у кого просилъ, и стряпка тутъ же съ нима, за женщину ее принимаютъ. Вотъ она и говоритъ: «Пойдемте у зари шыры просить». Ну и ходили по три зари. Стряпка спрашивать: «Ну что, у кого есть? у меня ужъ вотъ сколько!» и показывается имъ, а они и говорятъ, что у нихъ ничего нѣтъ. «Надо, говоритъ, чего дѣлать?» Да то и сдѣлалъ, что всѣ три поповски дочери забрюхатѣли. Въ деревнѣ недалеко жилъ бѣдный мужикъ, узналъ про то и задумалъ женить сына. Отдастъ теперь де попъ-отъ, куда ихъ экихъ-то. Засылатъ сватовъ, тѣ посовѣтовались; котора, говорятъ, просить въ колечко, ту и взять; всѣ мимо, одна стряпка просила въ колечко. «Вотъ эту, говорятъ, отдавай!

Ну, повели въ церковь, свѣнчали, везутъ домой. Положили на подклѣтъ, а она и говоритъ: «Я чего-то до вѣтру хочу. Ты дай мнѣ, говоритъ мужу то, твою-ту одежду, сапоги, перчатки, чтобы никто не узналъ, да спусти меня на полотенцѣ за окошко; когда я дерну, ты и тащи». Вотъ Яшка спустился изъ окна, поймалъ въ пригонѣ барана, привезалъ къ веревкѣ и дернулъ. а самъ ушелъ, раздѣлся и сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А ужъ свѣтать стало; гости думаютъ, что они долго нейдутъ съ подклѣти. Мужъ выходить, плачетъ, говоритъ, что оборотили его жену овцой, онъ ее бросилъ въ печку и сожегъ. Вотъ стали жаловаться попу, рассказали Яшкѣ, тотъ пришелъ. Батько налилъ ему стаканъ вина, налилъ другой. «Да что меня поишь? гдѣ моя сестра»? Налилъ батько третій стаканъ. Ты мнѣ сестру-то давай! «На тебѣ сто рублей» говорить попъ. Не надо мнѣ твоихъ двухсотъ. «Ну, на тебѣ триста». Яшка взялъ триста рублей, ушелъ домой. Захворала у пона кобыла, такъ что и вывезти ее приказалъ работникамъ попъ. Яшка пришелъ. «Продайте, говоритъ, ее мнѣ!» Ну, подалъ тамъ имъ шкаликъ, свезли къ ему кобылу. Давай онъ ее печенымъ хлѣбомъ кормить, да что; стала кобыла. Вотъ онъ взялъ въ . . . -ту ей и напѣхалъ золотыхъ; поставилъ. Пріѣхали къ ему разбойники, онъ и съ имя знакомство водилъ. «Вотъ, говоритъ, у меня кобыла кака, золотомъ сереть». Вывелъ кобылу, хлопнулъ ее по боку, а изъ . . . -то три золотыхъ и выпали. Продай, говорятъ, намъ ее? «Что вы? она мнѣ золота, сколько надо дастъ, а я вамъ продамъ ее». Возьми сто. «Нѣтъ, что вы»? Другой даетъ двѣсти, третій триста. Взялъ деньги, положилъ въ карманъ. Поѣхали разбойники домой, да на шестой верстѣ запнулась кобыла за колоду, тутъ и подохла. «Ахъ, говорятъ, обманулъ Яшка. Убить его надо!» Вернулись. А Яшка посмотрѣлъ въ ворожейныхъ книгахъ, видитъ—ѣдутъ. Взялъ подъ поломъ поставилъ къ порогу комелекъ и жаръ провелъ въ порогъ, а на него поставилъ горшокъ съ водой—вода кипитъ, а дыму и ничего не видать. Ждетъ. Пріѣхали пять братьевъ, шесть разбойниковъ, кричатъ подъ окномъ: Шутъ Яшка дома? «Дома». Намъ его надо, пусть сюда выйдетъ. «Да заходите въ избу, погрѣйтесь! чаю напьетесь». Зашли разбойники да передъ порогомъ всѣ и опѣшили. «Какъ такъ, говорятъ; стоятъ на порогѣ, а вода въ немъ кипитъ»? А Яшка, знай подливаетъ холодную воду. «Продай намъ этотъ горшокъ». Нѣтъ, что вы! да я куда поѣду, поставлю его на пенекъ, онъ и скипитъ. «Продай, возьми сто рублей!» Другой даетъ двѣсти рублей, третій триста. Взялъ Яшка деньги, положилъ въ карманъ. Разбойники повезли горшокъ. Пріѣхали домой, жены стали ставить самоваръ, заторопились. «Не надо, говорятъ, вашъ самоваръ, свой есть; гдѣ поставимъ—закинитъ». Поставили горшокъ на порогъ—не кипитъ. Опять обманулъ шутъ Яшка. «Поѣдемъ теперь, убьемъ его, ребята»? Отправились девять братьевъ. Яшка видитъ, что дѣло плохо, взялъ, закололъ быка, вынулъ изъ него пузырь, наточилъ его полонъ крови и подвязалъ женѣ подъ пазуху, а на стѣну повѣсилъ плетку и говоритъ женѣ: «Смотри! какъ пріѣдутъ такъ и начини ругать и страмить гостей всяко и меня тутъ-же». Вотъ ладно.

Пріѣзжаютъ девять братьевъ. Шутъ Яшка дома? спрашиваютъ подъ окномъ. «Дома». Намъ тебя надо. «Да заходите въ избу-то». Зашли. Яшка велитъ женѣ ставить самоваръ. А та и давай: стану я ставить самоваръ для всякихъ мошенниковъ! да и ты такой же, съ мошенниками связался! «Ахъ, какъ такъ»? Яшка соскочилъ, схватилъ ножикъ, рѣзнулъ ее подъ пазуху: кровь полилась по полу, жена пала, лежитъ, хрипитъ, одно слово, что умирать. Яшка снялъ со стѣны плетку, ударилъ жену да и приговаривать: «Плетка живулька, оживи мою женку! плетка живулька, оживи мою женку!» да и въ третій разъ. Жена вдругъ соскочила, какъ ничего не бывало, давай ставить самоваръ. Разбойники смотрять—диву даются, что это такое. «Продай, говорить. Яшка, плетку»? Нѣтъ, господа! вы видите, я сердце изнесу и плеткой опять оживлю. Да ну, продай! тотъ даетъ сто рублей, другой двѣсти, а девятой девять сотъ рублей. Положилъ Яшка-девѣги, уѣхали разбойники. Пріѣзжаютъ домой, давай кричать на женъ: тѣ не слушаютъ. Эхъ, схватилъ одинъ ножъ, хватилъ свою жену прямо въ сердце, та пала и не дышетъ. Давай онъ ее драть плеткой; драгъ, драгъ, драгъ, не встала. Такъ всѣ девять человѣкъ зарѣзали своихъ женъ, не оживила плетка. «Ну теперь поѣдемъ, убьемъ Яшку!» побросали своихъ женъ въ подполье, поѣхали теперь ужъ двѣнадцать братьевъ разбойниковъ. Яшка видитъ, что приходитъ его конецъ, ѣдутъ двѣнадцать человѣкъ его убить, говоритъ женѣ: «Ты скажи, что я умеръ, если спросятъ». Самъ вышелъ изъ дому, выкопалъ яму, сверху заложилъ ее скальемъ*) и сдѣлалъ маленькую дырочку въ немъ. Сѣлъ въ яму, разложилъ огонь и калитъ желѣзный пруть. Пріѣхали разбойники, спрашиваютъ: «Дома Яшка»? Жена плачетъ. «Умеръ», говоритъ. Надо, говорятъ, разыскать его могилу. «Хоть на нее!» Спрашиваютъ жену, та показывать и говорить, что поны не согласилась хоронить на кладбищѣ. Разбойники подошли, видятъ на могилѣ дымокъ идетъ. Вотъ первый раздѣлся, только сѣлъ, а Яшка черезъ дыру-то каленымъ прутомъ въ Тотъ соскочилъ, ничего не говорить. Также другого, третьяго,—до двѣнадцатаго дошло; тотъ заревѣлъ, соскочилъ, рассказывать, что Яшка его ткнулъ. Тутъ они другъ другу про себя рассказали. «Живъ, видно, Яшка, сукнивъ сынъ, надо его выкопать и убить!» Выкопали Яшку, зашили въ рогожанный мѣшокъ и повезли на рѣку топить. Пріѣхали, а пролубъ замерзла. Какъ быть? долбили, долбили палкой—надо пешню. Оставили Яшку у пролуби, поѣхали за пешней. Только уѣхали, подѣзжать вязниковецъ на тройкѣ лошадей, пригонять скота поить. Шутъ Яшка услыхалъ: «Ахъ, братъ, говорить, какъ жарко мнѣ здѣсь сидѣть! А мнѣ, говорить вязниковецъ, въ полушубкѣ-то холодно. «Давай мѣняться!» Смѣялись. Вязниковецъ сѣлъ въ мѣшокъ, а Яшка надѣлъ полушубокъ, завязалъ крѣпко мѣшокъ. Отошелъ въ сторону, смотреть, что будетъ. Пріѣхали разбойники, выдолбили пролубъ. Вязниковецъ кричитъ: Ну, развязывайте, мнѣ жарко стало. «Ладно», говорятъ. Схватили мѣшокъ, бултыхъ въ воду, только и видѣли. Яшка сѣлъ на тройку вязников-

*) Скалье—„береста“.

первыхъ коней, одна бура, друга баура, третья ворона и ѣдетъ навстрѣчу разбойникамъ. Тѣ смотрятъ, дивуются, какъ это онъ изъ пролуби выѣзъ. Яшка подѣхалъ къ нимъ, тѣ его и спрашиваютъ, какъ онъ очутился на тройкѣ и изъ пролуби выѣзъ. «Вы слышали, говорить, какъ я кричалъ: буры да коуры, вотъ сѣлъ на нихъ, да въ другу пролубъ и выкатилъ. Тройка сѣрыхъ тамъ еще осталась. Ахъ, хороша! надо будетъ захватить ее! пойду-ко я? И давай, будто, раздѣваться, сапоги снимать да что. А разбойники одинъ за другимъ бултыхъ да бултыхъ въ воду, чтобы себѣ коней достать получше. Яшкѣ то и надо, взять ихъ двѣнадцать лошадей, извязать всѣхъ за себя, ѣдетъ на тройкѣ домой. Ну, жена, говорить, вотъ теперь мы заживемъ.

v.

С К А З К И,

записанныя А. В. Адриановымъ

отъ В. А. Палкина, уроженца Бійскаго у. Том-
ской губ.

ИЗВѢСТІЯ

Василій Андреевич Палкинъ—уроженецъ Бійскаго уѣзда и дѣятельностью занимается въ предѣлахъ этого уѣзда и Монголіи. Ранѣе онъ служилъ довереннымъ у Котельниковыхъ и посылался ими въ Монголію, а теперь онъ ведетъ самостоятельное торговое дѣло. В. А. Палкинъ былъ взятъ экспедиціей Г. Н. Потанина въ 1879 г. въ Монголію, въ качествѣ переводчика. *Ред.*

1879 г. Коп.

43. Мошкова дочь.

У одного царя съ царичей совсѣмъ не было дѣтей, а ужь стари они становились и печалятся, что останется царство безъ наследника. Стали молиться и просить Бога, чтобъ онъ послалъ имъ сына. Прошло нѣсколько времени и родился у нихъ сынъ; растеть не по днѣмъ, а по часамъ и такой сильный, что отецъ сталъ бояться, какъ бы онъ не отнялъ у него престолъ. И задумалъ его куда-нибудь отъ себя отправить подальше; сказалъ сыну, тотъ не ѣдетъ. «Мнѣ и здѣсь, говорить, корошо». На такой случай отецъ задалъ ему задачу—вырубить огромную рощу. Отправился богатырь къ самому нервному кузнецу, сталъ заказывать огромнѣйшій топоръ; отказался тотъ. «Не могу, говорить, сдѣлать». Царскій сынъ ежегъ у него кузницу и такъ же вступилъ съ другими кузнецами. Потомъ пошелъ къ одному старичонку, который только и работалъ, что шилъ. Старикъ сказалъ, что такой топоръ сдѣлать можно. «Только, надо мнѣ, говорить, помощника. Я старъ и не могу работать тѣмъ молотомъ, что прежде ковалъ. Поднялъ молотъ царскій сынъ—тяжелъ! Стали ковать топоръ. Сковали. Бросилъ его царскій сынъ на утесъ, топоръ надомалелъ. «Надо, старикъ, другой ковать». Сковали и другой; опять онъ бросилъ его на утесъ, топоръ только согнулся. Третій сковали и опять онъ бросилъ его на утесъ и расказъ скалу пополамъ. «Вотъ это, говорить, ладно». Принялся царскій сынъ рощу рубить, дубья такъ и летаютъ, другъ друга гонять впередъ и ломаютъ. Вырубилъ всю и началъ ихъ въ жучу собирать; хватить обухомъ по одному, тотъ летитъ и другой гонитъ впередъ. Къ вечеру покончилъ все дѣло; отецъ не вугался. «Ну, теперь я пойду путешествовать», говорить царскій сынъ. Пошелъ и добрался до рѣки. Какъ перейти? А вотъ тамъ берегу сидѣлъ Усыня-богатырь, перекинулъ черезъ рѣку свой усь и говорить: «Переходи. Иванъ-маревичъ; я тоже вотъ такой-то богатырь и видѣть твою силу, какъ ты рощу рубилъ». Иванъ-богатырь не пошелъ по усу, а отмахнулъ топоромъ отъ утеса; камень запрудилъ рѣку, онъ и перешелъ. Просится къ нему Усыня въ меньшіе братья; тотъ взялъ его и пошли они дальше. Идутъ и видятъ, что впередъ дубья летаютъ. Что такое? Одинъ дубъ летитъ прямо на Ивана-богатыря; тотъ взялъ, ударилъ его обухомъ, дубъ назадъ полетѣлъ. А это Дубыня-богатырь сидѣлъ на дубу и другіе съ корнемъ выдергивалъ. Просится и онъ къ Ивану-маревичу въ меньшіе братья: «Видѣть твою силу, когда ты рощу, говорить, рубилъ». Разли они съ собой Дубыню и попли. Сколько ко шли, подходятъ къ замку, зашли въ него; вѣтъ никого и порѣшили остаться здѣсь на зиму жить. Усыню-богатыря оставили домовничать, а Иванъ съ Дубыней попли въ дѣсь за дровами. Убыня остался одинъ и увидѣлъ, что баня топится, ведра сами воду таскаютъ. Что такое? и увидѣлъ, что въ баню прилетѣли соромъ дѣвицы и моются. Одна изъ нихъ кричитъ: «Ханьки, маньки! подайте мнѣ воды!» Усыня взялъ, всю баню обмочилъ своимъ усомъ и ждетъ. Тѣ вымылись, одна стукнетъ въ дверь, другая и всѣ—не могутъ отпереть. Наконецъ, вѣтъ дѣвица, что

Жена научила его подпоясть Коцея и ударить яйцомъ. Дѣйствительно, разъ Коцей прилетѣлъ къ нимъ въ гости. Иванъ его угощаетъ и напояетъ его пьянымъ; потомъ вынулъ яйцо, да какъ хлопнетъ имъ Коцея по лбу, тотъ такъ и палъ мертвымъ. Узналъ Сатана, что у него Иванъ-богатырь убилъ его сына Коцея и призвалъ его къ себѣ. «Ну, теперь ты самъ мнѣ не замѣнишь сына, я тебя убью. Сдѣлай ты мнѣ три работы, тогда я тебя прощу, а не сдѣлаешь, смерть тебѣ. Выстрой ты мнѣ хрустальный мостъ отъ своего дома до моего въ одну ночь и чтобъ на мосту разные огни горѣли въ фонаряхъ». Пришелъ онъ домой печальный. Жена его спрашиваетъ, что съ нимъ. Онъ ей разсказать, какую задачу Сатана ему задаль. «Ну, не тужи, это работишка только, а работа-то вся впереди. Ты ложись спать, къ утру все будетъ готово». Иванъ-богатырь легъ, а жена его ночью собрала всѣхъ чертей и отдала имъ приказъ выстроить хрустальный мостъ съ фонарями. Тѣ принялись за работу и къ утру кончили. Иванъ проснулся, ходитъ по мосту, только постукивается кой-гдѣ. Пришелъ къ Сатанѣ и сказалъ, что готово. Тотъ ему задаль другую задачу—выстроить отъ его дома до своего садъ, чтобъ въ немъ были всѣ птицы, какія есть на свѣтѣ, и пруды со всякой рыбой. Третья задача—выстроить въ одну ночь церковь съ попами, дяками. Такъ же точно, какъ и въ первую ночь, обѣ эти задачи были сдѣланы. «Ну, хорошо! сказалъ Сатана. Теперь вотъ еще что; укроти ты мнѣ жеребенка». Иванъ пришелъ домой, смѣется. «Какую задачу Сатана, говорить, задаль—жеребенка укротить». А жена и говоритъ: «Вотъ это работа-то и есть. Жеребенкомъ-то онъ самъ сдѣлается и убьетъ тебя». Ничего, говорить Иванъ-богатырь, я пошелъ къ Сатанѣ. Спрашиваетъ, гдѣ этотъ жеребенокъ. Тотъ его послалъ въ конюшню. Пришелъ онъ; дѣйствительно, стоитъ жеребенокъ ретивый такой. Только сѣлъ онъ на него, тотъ и давай его носить. Бьетъ, скачетъ, страсть; а Иванъ-богатырь его по бокамъ дуетъ: какъ кулакомъ разъ, такъ и ребра пополамъ, да такъ его избилъ, что кости у жеребенка, какъ въ мышкѣ; «два двгается, ничего не можетъ сдѣлать, присмирѣлъ». «Ну, теперь будетъ», говорить Иванъ, сѣлъ съ жеребенка и пошелъ сказать Сатанѣ, что усмирилъ, а тотъ лежитъ въ постели, весь обвязанъ, едва пошевеливается. Пришелъ Иванъ домой, разсказалъ про жеребенка женѣ, а та и говоритъ: «Надо намъ отсюда убѣжать; теперь отъ Сатаны житья не будетъ». А къ женѣ его каждую ночь прилетала навѣдываться жена Сатаны. Собрались, взяли свое имущество и отправились. Жена Ивана оставила на постели три слюнки и говоритъ имъ: «Слюнки, слюнки! отвѣчайте за меня». Убѣжали. Ночью прилетѣла къ трубѣ Сатанишна и спрашиваетъ: «Спяти ли, внучка»? Одна слюнка стала высыхать. «Спяти», говорить, бабушка». До трехъ разъ слюнки отвѣчали ей. Потомъ та пождала и спросила въ четвертый разъ. Отвѣта нѣтъ. Залетѣла та въ трубу и увидѣла, что никого нѣтъ, догадалась, что убѣжали. Сейчасъ сказала Сатанѣ, тотъ и послалъ за ними въ погоню чертей и велѣлъ имъ брать на дорогѣ, что только имъ попадетъ. А они услыхали за собой погоню и сдѣлали все имущество цѣпями, а сами превратились въ по-

сохшіе стебельки. Черти прибѣжали на это мѣсто, давай цвѣты рвать, а сухіе стебельки оставили. «На, что ихъ»? думаютъ. Принесли цвѣты Сатанѣ; тѣ разбирали, разбирали ихъ, нѣтъ никого. Въ другой разъ послали погоню; опять тѣ услышали и сдѣлались—одинъ церковью, а другая—попомъ. Черти прибѣжали къ церкви, спрашиваютъ попа: Не пробѣгалъ ли кто тутъ? «Нѣтъ, отвѣчаетъ попъ. Тридцать лѣтъ живу здѣсь, никого не видалъ». Тѣ видятъ, церковь обросла мохомъ, воротились назадъ. Въ третій разъ въ погоню отправился Сатана съ женой. Жена Ивана-царевича слышала погоню и сдѣлала мужа озеромъ, а сама уткой и плаваетъ; на то же озеро прилетѣли еще двѣ утки, а ата все ныряетъ и потомъ изловчилась, поймала одну и зарѣзала: ножъ былъ припасенъ. Это и былъ Сатана. Другую утку поймала и тоже зарѣзала. Ну, теперь бояться нечего! Они опять превратились въ людей и пошли къ отцу Ивана-богатыря. Дорогой жена ему сказала: «У тебя дома родились три сестры. Младшую не цѣлуй, а то худо будетъ. А тебя буду здѣсь дожидаться». И сдѣлалась бѣлымъ камнемъ. Пришелъ онъ домой; точно, родились у него три сестры. Онъ съ двумя старшими поцѣловался, а младшую не цѣлуетъ. Отецъ съ матерью пристаивъ къ нему, почему не хочетъ сестру поцѣловать и уговорили. Какъ только онъ поцѣловалъ ее, такъ все и позабылъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ и что онъ женатъ. Спрашиваютъ его—ничего не могъ припомнить. Отецъ ему предложилъ жениться, онъ согласился. Назначили свадьбу. Въ этотъ день, какъ вѣнчаться, прилетѣла на окно голубка и воркуетъ: «Позабылъ Иванъ, царскій сынъ, свою жену!» Тутъ онъ вспомнилъ, что женатъ, объявилъ это отцу и все, что было съ нимъ, рассказалъ. Потомъ привелъ жену свою и стали они жить, да добро наживать.

44. Подарил вихрь.

Жилъ старикъ со старухой вдвоемъ, жили бѣдно. Старуха была сварливая, часто била мужа и командовала имъ. Разъ и посылаетъ его принести чашку муки откуда-то; тотъ понесъ, да вихорь дорогой у него и развѣялъ всю муку. Пришелъ старикъ, жалуется. Старуха давай его бить, чѣмъ попало. «Ступай, говорить, сейчасъ къ вихрю, проси у него муки, а безъ нее и домой не ходи». Пошелъ старикъ, дорогой ему попадается вихорь; онъ ему жалуется, что старуха его прогнала за мукой. Ну, ступай вотъ въ лѣсъ; тамъ стоитъ изба, а въ ней живутъ мои братья: вѣтеръ, буря да морозъ. Дожидайся тамъ меня». Пришелъ старикъ въ избу, загѣзъ на печь, надѣлъ шубы, ждетъ. Прилетѣлъ и вихорь. Дали они старику коробочку и говорятъ, что она дастъ все, что ни попроситъ. Пришелъ старикъ домой, старуха видитъ, что онъ безъ муки и кинулась было на него; онъ и подаль ей коробочку. Попросили они у коробочки скромный обѣдъ; дала имъ; пообѣдали. А старуха вино любила; просить вина; коробочка и вина дала. Потомъ старуха проситъ у коробочки хорошій домъ. Выстроился домъ, живутъ старики роскошно,

разныя вина пьютъ, хорошія блюда ѣдятъ, а остатки все за окошко вывадываютъ. Завели гостей, пируютъ. Былъ у нихъ разъ на обѣдъ купецъ, просить такого, другого вина и замѣтить, что старуха все къ коробочкѣ обращается. Поднявъ ее и укравъ коробочку, послалъ ее съ прикащикомъ къ мастеру, чтобъ такую же сдѣлать. Живо принесли новую коробку такую же, и подмѣнили. На утро старуха встала, голова болитъ, опохмѣлиться захотѣла, просить: «Коробочка, коробочка! дай мнѣ вина!» Не тутъ-то было; ничего отъ коробочки не могла добиться. Кивулась опять на старика бить его: «Ступай, проси у вихря чашку муки!» Старикъ пошелъ и на дорогѣ повстрѣчалъ вихря. Тотъ, какъ и прежде, послалъ его дожидаться къ братьямъ. На этотъ разъ дали ему боченокъ, только скажи, говорятъ, выйдутъ молодцы и все, что прикажешь, сдѣлаютъ. Принесъ старикъ боченокъ домой, старуха выхватила его, думаетъ, какъ коробочка, онъ все даетъ. Ничего не далъ. Старуха напустилась на старика, хотѣла бить, а тотъ: «ну-ка трое изъ боченка, бейте мою жену!» Выскочили три молодца и давай дуть старуху. Та плачетъ: «батьюшка, никогда не буду, только отпусти». Отпустилъ онъ ее, молодцы ушли назадъ. Пошелъ старикъ по улицѣ и встрѣтилъ этого купца съ прикащикомъ. «Ты зачѣмъ, говорить, укравъ у меня коробочку?» Тотъ, напустился на него. А старикъ: «Ну-ка, ребята, изъ бочки по трое на каждого!» Выскочили архаровцы, страсть какіе, и давай душить купца съ прикащиками. Тотъ взмолился: «батьюшка, отдамъ, только не дай душѣ безъ покаянія умереть!» Отпустилъ ихъ старикъ. Купецъ и послалъ прикащика взять тамъ гдѣ-то въ ящикѣ узелокъ. Принесли и отдали коробочку. Съ тѣхъ поръ старикъ со старухой стали жить мирно и хорошо; всего было вдоволь.

45. Маранда царевна.

У одного царя было два сына; младшій былъ сильный богатырь, а старшій не сильный. Жили они дружно и любили другъ друга. Вдумали они путешествовать, отпросились у отца и отправились. Дорогой имъ попался мостъ, который караулилъ, никого не пропускалъ, змѣй трехглавый. Остались они тутъ ночевать и младшій пошелъ на мостъ караулить. Ночью прилетѣлъ змѣй; онъ его убилъ палицей, а у него раньше еще была сдѣлана палица желѣзная въ пятьсотъ пудовъ. На другую ночь пошелъ старшій братъ въ караулъ; младшій, однако, спать не сталъ, а пошелъ погода и самъ на мостъ и видитъ, что братъ крѣпко спитъ. Сталъ онъ дожидаться; пролетѣлъ шестиглавый змѣй; онъ сразился съ нимъ, убилъ. На третью ночь такимъ же образомъ онъ убилъ девятиглаваго змѣя. Прошли они по мосту. И захотѣлось старшему брату сильно пить, а какъ разъ на дорогѣ стоитъ колодезь. Младшій братъ не совѣтуетъ пить и какъ хватить по колодезю палицей, ничего не стало, только остались туловище да голова. Идуть дальше, опять старшему брату ѣсть захотѣлось. Стоитъ яблоня; младшій братъ не велитъ ѣсть

и ударилъ по ней палицей—остались туловище да голова. Такъ дальше шли; увидѣли кровать и захотѣлось старшему отдохнуть, а младшій ударилъ палицей—остались туловище да голова. Это все были жены змѣевъ. Пошли дальше, увидѣли подземелье. Старшій просить брата спуститься въ него. Младшій его сталъ отговаривать, не ходить, а тотъ все на своемъ стоитъ. Ну и пошли. Дорогой попадаетея имъ человѣкъ и просить взять его съ собой. «Я, говорить, отъ собакъ гораздъ». Взяли. Попадаетея другой такимъ же образомъ—«отъ желѣза гораздъ», третій—«ѣсть гораздъ», четвертый—«угадывать гораздъ», пятый—«отъ жару гораздъ» и шестой—«отъ огня гораздъ». Пошли они дальше; вдругъ кинулись на нихъ стаи собакъ. Тотъ, что былъ отъ собакъ гораздъ, живо ихъ разогналъ. Подходить къ замку, ворота заперты большущимъ желѣзнымъ замкомъ. Что былъ отъ желѣза гораздъ, только притронулся къ замку, изломалъ его. Вошли они туда и узнали, что здѣсь живетъ черный царь и красавица Маранда Прекрасная у него въ плѣну. Старшему брату захотѣлось на ней жениться, а младшій согласился помогать; послали царю сказать, чтобъ выдалъ Маранду замужъ. Тотъ говорить: хорошо, но съ условіемъ, если вы съѣдите изъ сорока печей по семи хлѣбовъ и выпьете сорокъ бочекъ вина или воды. Тотъ, что ѣсть-то былъ гораздъ: «Ничего, говорить, съѣмъ!» Наготовили у царя хлѣбовъ и питья и поставили на столъ; тѣ сѣли. Ъдокъ живо сталъ убирать и пить и все скоро покончилъ и говорить: «Мало! голоденъ я остался!» Стали надъ царемъ подсмѣиваться. Тотъ говорить: «Это хорошо, а вотъ еще что: выведу я вамъ двадцать дѣвицъ, всѣ, какъ одна, и по лицу и по одеждѣ; если угадате, которая изъ нихъ Маранда царевна, тогда отдамъ вамъ ее. Этотъ, что угадывать былъ гораздъ, и сказалъ имъ: «Я сдѣлаюсь мухой и которой дѣвицѣ сяду на носъ, та и есть Маранда. Вотъ ладно, взяли двадцать дѣвицъ, всѣ, какъ одна: этотъ угадчикъ и сдѣлался мухой и началъ летать и потомъ сѣлъ къ одной дѣвицѣ на носъ. Такъ они и угадали ее. Царю нечего дѣлать, долженъ отдать царевну замужъ. «Надо, говорить, передъ свадьбой вамъ въ банѣ помыться». Наполнили баню страсть какъ жарко; царь думалъ ихъ тамъ задушить. Что отъ жару былъ гораздъ: «Ничего, говорить; возьмитесь всѣ и идите за мной». Онъ пошелъ впередъ, жару не стало. Помылись они тамъ и ругаютъ царя, что холодной баней вздумалъ ихъ угодать. Никакъ не удалось ихъ рѣшить царю, сыграли свадьбу и на ночь отвели имъ домъ; въ немъ всѣ помѣстились. Только ночью и слышать—дымомъ запахло, соскочили всѣ, осмотрѣлись и увидѣли, что домъ зажжонъ со всѣхъ сторонъ. Тотъ, что отъ огня былъ гораздъ: «Ничего, ребята: пользайте всѣ вотъ въ эту сумку!» Загѣзли всѣ и сидятъ въ безопасности. Домъ сгорѣлъ до тла. Царь и послалъ человѣка развѣять пепелъ и золу. Пришелъ тотъ, поворошилъ и нашелъ сумку. Отъ огня гораздъ и кричитъ изъ нея: «Пошелъ прочь!» Тотъ испугался, доложилъ царю, что тамъ живые люди остались. Царь его казнилъ. И такъ онъ посылалъ еще двухъ человѣкъ и казнилъ ихъ. Наконецъ, пошелъ самъ, наткнулся также на эту сумку

Младшій братъ богатырь взялъ свою палицу и убилъ чернаго царя. Тутъ они вышли изъ сумки, добрались до своего царства и стали тамъ жить.

46. Елена прекрасная.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь, женатый на другой женѣ, а отъ первой у него осталась дочь, красавица такая, что не описать. Мачиха завидовала ея красотѣ и все хотѣла извести. Спрашиваетъ ворожею, есть-ли кто красивѣе ея; ворожея и сказала, что падчерица Елена. Та позвала слугъ и велѣла имъ убить падчерицу и принести отъ нее мизинецъ.—удохотворить, что убита. Тѣмъ жалко убивать, они отрѣзали ей мизинчикъ, а самое отпустили идти, куда хочетъ. Пошла Елена прекрасная и зашла въ дремучій лѣсъ; видить, стоитъ домъ. Зашла въ него, никого нѣтъ; все разбросано; отворила кладовую, и тамъ платья множество и все въ крови. Она начала прибирать, все перешила, пересчитала и уложила. Слышитъ, кто идетъ,—она и спряталась. Пришли двѣнадцать братьевъ разбойниковъ. Смотрятъ—что такое, кто это все прибралъ у нихъ, пересчиталъ; и говорятъ: «Если пожилая женщина—будь матушкой; если молодая дѣвица—будь нашей сестрой». Елена вышла. Ну, они и приняли ее, какъ сестру. Живутъ. А мачиха вздумала опять ворожить и выворожила ей ворожея, что красивѣе ее Елена, она же не убита и живетъ вотъ тутъ-то въ лѣсу. Какъ бы ее извести? И просить ворожею снести колечко ей и сказать, что отецъ узналъ, что она жива и посылаетъ ей въ подарокъ колечко. Получила Елена подарокъ, обрадовалась, а она отца шибко любила и надѣла колечко; какъ надѣла, такъ и обмерла. Братья явились и удивляются, что такое случилось съ ней; стали доискиваться и увидѣли колечко. Откуда оно взялось,—раньше не было. Взяли да и сняли его. Она сейчасъ и ожила, рассказала имъ, кто его принесъ, про мачиху. Братья заказали ей не брать больше никакихъ подарковъ; сами пошли на разбой. А мачиха опять ворожить, есть ли кто красивѣе ея. Ворожея сказала, что Елена, что кольцо съ нее братья разбойники сняли. Она послала ей платье, та надѣла и обмерла. Братья сняли платье—ожила. Въ третій разъ послала мачиха булавку. Забыла Елена про совѣтъ братьевъ не брать подарковъ и заколола въ волосы. Братья опять нашли ее жертвой и какъ ни добивались, ничего не могли найти, съ горя всѣ перестрѣлялись, а ее еще передъ этимъ положили въ гробъ. Прошло сколько времени, наткнулся на этотъ домъ какой-то царскій сынъ, зашелъ въ него и увидѣлъ гробъ. Красота такъ поразила его, что онъ оторваться не можетъ, все смотритъ. Взялъ да и увезъ этотъ гробъ къ себѣ домой, поставилъ ее въ особую комнату и любитъся. Дома стали замѣчать, что онъ такой печальный и нашли гробъ. Достали также ворожею, спросили у нее, какъ оживить: та рассказала, что у

нея булавка въ волосахъ. Нашли булавку и только вынулъ, Елена и ожила. Всѣ обрадовались, царскій сынъ на ней женился и стали они жить да поживать.

47. Птичій и звѣриный языкъ.

У одного крестьянина былъ сынъ. Получилъ онъ порядочное образование, кончилъ гдѣ-то курсъ и воротился домой. Отецъ его за соху, хотѣлъ было по хозяйству приучить,—не тутъ-то было, отбивается отъ рукъ. «Хочу, говорить, купцомъ быть». Ушелъ и нанялся къ одному купцу въ прикащики. Жилъ у того сколько-то времени и разъ ходилъ по саду, сорвалъ хорошенькій цвѣточекъ и жалко ему бросить его, взялъ да и съѣлъ. Какъ только съѣлъ онъ его и сталъ понимать всѣ языки, птичій, звѣриный и всякій. Слышитъ, на деревѣ птички разговариваютъ про него, что хорошій онъ парень, только надо бы ему наняться вотъ къ такому-то купцу, тамъ бы онъ счастье нашелъ. Этого такъ и сдѣлать; разыскалъ того купца, спрашиваетъ прикащиковъ, не нуженъ ли имъ еще человекъ; тѣ сказали: не надо. Онъ самого купца пошелъ спросить, тотъ его нанялъ. Скоро довелось имъ ѣхать куда-то съ товаромъ. Дорогой въ одной рѣчкѣ они и подмочили, выставили на берегъ сушить. а день былъ ясный и теплый. Слышитъ онъ опять—птички разговариваютъ, что вымочить у купца весь товаръ хуже, чѣмъ въ рѣчкѣ, польется скоро страшный дождь. вѣтеръ подуетъ. Вотъ этого прикащикъ и говоритъ купцу, что надо товаръ убрать, а то пойдетъ ливень, вымочить все. Всѣ на него огрызались, не охота таскать товаръ. «Ясно, говорятъ, откуда дождю быть». Онъ стоитъ на своемъ. Ну, купецъ велѣлъ таскать товаръ. И точно, едва успѣли убрать, накатились тучи и полилъ такой дождь, что страсть. Купецъ доволенъ, что ему такой славный прикащикъ попался. Прошло нѣсколько времени, прикащикъ слышитъ—собаки разговариваютъ, что у купца въ домѣ не ладно, старшій довѣренный жилъ съ купчихой и укралъ у нее изъ спальной шкатулку съ деньгами, черезъ что купецъ долженъ будетъ обанкротиться; купчиха де ждетъ теперь на балконѣ съ ножомъ въ рукахъ, и какъ увидитъ, что мужъ ѣдетъ, такъ и зарѣжется. Прикащикъ выслушалъ все это и пересказалъ купцу. Тотъ дивится, какъ онъ могъ это узнать, однако, поѣхалъ домой съ осторожностью, впередъ послалъ людей. Тѣ подобрались на балконъ, купчиха, действительно, стоитъ съ ножомъ, подкрались и схватили ее за руки. Мужъ пріѣхалъ, сказалъ, что знаетъ все, утѣшаетъ ее: «другую такую найдемъ, дѣлать нечего». Съли чай пить, а этого довѣренный и всѣ прикащики выпросили себѣ разсѣсть и отошли отъ купца. За часомъ этого прикащикъ помочилъ кусокъ и бросилъ купчихиною собаченкѣ. Другіе кинулись, вырвали кусокъ. Не за что, говорятъ, тебѣ давать; не сумѣла уберечь хозяйское добро. Разговариваютъ собаки, что шкатулка-то спрятана въ стойлѣ подъ плаху, а тамъ стоитъ новокупленный жеребецъ, къ которому толь-

ко одинъ работникъ и ходить. Постъ чаю прикащикъ говорить: Возьмите нешто, да пойдете къ жеребцу,—убить его надо: онъ несчастіе принесетъ. Хозяева говорятъ: «Зачѣмъ это дѣлать; теперь все ихъ и богатство въ этомъ конѣ, да и заплаченъ онъ полторы тысячи рублей». Однако, взяли пешую, пошли въ стойло. Онъ поднялъ пешней половицу, а шкатулка-то тамъ и стоитъ. Сосчитали—все дѣло. Обрадовались, что прикащикъ воротить имъ богатство и честь, не довелъ до банкротства, и порѣшили вора ловить, за шкатулкой же онъ придетъ. Ночью караулять; только и слышать, кто-то въ подворотню лѣзетъ, потомъ прямо въ эту конюшню. Тутъ и поймали довѣреннаго съ прикащиками; они еще раньше сговорились. Ну, ихъ въ тюрьму, а за этого прикащика купецъ выдалъ свою дочь; самъ онъ уже миллионеръ и съ затемъ торгуютъ на славу. Жена и стала у него допытываться, какъ онъ все это узнаетъ, какими средствами. Тотъ не говоритъ, все откладывать да откладывалъ и раздосадовалъ жену такъ, что та рѣшилась его убить. Приготовила подъ подушку ножикъ и хочетъ ночью его зарѣзать. Онъ вышелъ на улицу, курицы кудахтаютъ передъ кормомъ и разговариваютъ межъ собой: «Славный бы былъ этотъ прикащикъ, зять-то нашего хозяина, да вотъ только жена у него нехорошая, зарѣзать его хочетъ ночью и ножикъ принасла подъ подушкой». Пѣтухъ прибѣжалъ, слушаетъ: «Вотъ если бы онъ также съ женой управлялся, какъ я съ вами»,—и давай ихъ вертѣть. «Вотъ какъ! Вотъ какъ! у меня васъ сорокъ, да я справляюсь, а онъ съ одной не можетъ управиться!» Тотъ выслушалъ это все. Ночью онъ не спитъ, притворился, а та думаетъ, уснулъ, и встаетъ, а онъ принаслъ плетъ. «А—а, ты вотъ что задумала!» Соскочилъ драсть ее; та отпирается, а онъ подвелъ ее къ постели, поднялъ подушку. «А это зачѣмъ?» Ну, та созналась, плачетъ, проситъ простить. «Никогда, говоритъ, больше и спрашивать не буду, какъ ты все узнаешь, и во всемъ буду слушаться. Съ тѣхъ поръ они зажили хорошо.

48. Три Ивана, названіе братья.

(Роса).

Служили въ разныхъ полкахъ три солдата, все Иваны Ивановичи Ивановы; да и характерами сошлись, только лѣта не одни. Сошлись они, узнали другъ друга, побратались. Наскучило имъ служить, сговорились бѣжать въ другое царство, наняться въ солдаты. Вотъ ладно, убѣжали. Идутъ лѣсомъ, видать—стоитъ домъ; зашли въ него, никого нѣтъ. Нашли тамъ вино, карты и рады, дуются въ карты и вино потягиваютъ. Приходятъ въ домъ три сестры красавицы. Солдаты сейчасъ къ нимъ подлазились и живутъ съ ними, какъ съ женами, а поучиваться негдѣ. И тутъ имъ показалось скучно, собрались идти къ чужому царю. Жены плачутъ и даютъ имъ на дорогу по сумѣ, наклали туда бѣлья, припасовъ разныхъ и проводили ихъ. Подходятъ солдаты къ городу, гдѣ царь

жить и видеть, что вокруг наставлены колья, на каждом по человеческой головѣ насажено, только на трехъ не было. Охъ, думаютъ, вѣрно нашимъ головамъ тутъ быть. Однако, пошелъ въ городъ, занимаются служить; принjali ихъ съ радостью. Старшій братъ шарилъ у себя въ сумкѣ и нашелъ кисетъ, хорошенкый, вышитый весъ; потрясъ его—пустой; взялъ, да съ досады и бросилъ. Вдругъ въ немъ зазвенѣло. Онъ поднялъ, давай трясти, и натрясъ полную шапку золотыхъ. Это ладно! думаетъ. Взялъ одинъ золотой, а остальные высыпалъ въ кисетъ; ихъ не стало. Пошелъ въ кабакъ, вырилъ тамъ. Слышитъ, разговариваютъ, что со всякимъ царевна играетъ въ карты подъ тѣмъ условіемъ, что кого обыграетъ, того казнить, а кто ее обыграетъ, за того замужъ выйдетъ. Солдатъ думаетъ: ладно; когда-то обыграетъ еще, а пока слава будетъ, что онъ съ царской дочерью въ карты играетъ. Пошелъ онъ къ ней; играютъ въ карты. Не можетъ та выиграть золота у солдата; долго играла и удивляется, что маленькій кошелекъ, а все въ немъ есть. Позвала ворожею, спрашиваетъ у нее совѣта. Та поворожила и говоритъ, что «тебѣ его никогда не обыграть; у него неистощимый кошелекъ». Такъ какъ же быть? «А царю его виню; солдаты это любятъ, а потому, когда онъ уснетъ, мѣшокъ и вынь у него». Царевна такъ и сдѣлала; солдатъ уснулъ, она вытащила кисетикъ. Проснулся солдатъ, смотритъ—въ тюрьмѣ сидитъ, черезъ три дня казнить будутъ. Дѣло плохо. Просится на улицу сходить; выпустили его; онъ перепрыгнулъ черезъ стѣну и убѣжалъ; догнать не могли. Прибѣжалъ въ казарму, роется у брата въ сумкѣ и нашелъ шкатулочку. «Что, думаетъ, такое; а что-нибудь да есть». Отдѣръ ее—пустая! А его всадъ ищутъ, не находятъ и мимо него бѣгаютъ, не видятъ. Онъ и догадался, что эта шкатулка пакетикъ-невидимка. Хорошо, пойду, думаетъ, къ царской дочери. Пришелъ къ ней въ комнату, никто его не видитъ, а она передъ зеркаломъ чешетъ волосы. Онъ подошелъ къ ней, хлопъ ее по ще-кѣ,—упала. Встала,—онъ опять по другой. «Подай мой кошелекъ», кричить. Та сейчасъ выбѣжала изъ комнаты къ ворожѣ. Ворожея и сказала, что его никто не видитъ, что у него въ рукахъ пакетикъ-невидимка. «Надо крестикъ начертать; начертать мѣшокъ на окнахъ и на дверяхъ, да людей въ комнату больше, а ты маши крестикомъ, и какъ попадешь въ шкатулку, то и выпадешь изъ рукъ». Набрали слугъ въ комнату, всадъ крестомъ начертали, царевна машетъ крестикъ, а солдатъ извернется, нѣтъ-нѣтъ да и хлопнетъ ее по затылку. Разъ она попала въ шкатулочку, та выпала изъ рукъ и солдата поймали.—посадили въ тюрьму, на другой день казнить. Солдатъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и просился до вѣтру. Его выпустили и приставили двухъ караульных. Онъ имъ и говорить: «Смотрите, это что? Тѣ зазвались, онъ махнулъ черезъ стѣну; убѣжалъ, не могли догнать». Солдатъ прямо въ казарму и роется въ сумкѣ у третьяго брата. Нашелъ шкатулочку. «Для чего, думаетъ, она?» Дунулъ въ нее и подвали изъ нея солдаты и генералы. «Что, прикажете, ваше величество?» Вотъ это хорошо! Началъ онъ въ нее дуть и подвали оттуда войска—страсть. Посылаетъ къ царю сказать, чтобъ вы-

давалъ за него дочь. Тому ничего, думать, согласился. Назначили день свадьбы, напихали приданого, а царевна не охота выходить замужъ, не советѣтъ красивѣ былъ солдатъ. Спрашиваетъ у ворожеи, какъ извести жениха. Ворожея ей даде два одинаковыхъ яблочка. «Одно, говоритъ, сама съѣшь, а другое, съ примѣтой, ему подай; онъ уснетъ, тогда ты и выведи дудочку». Передъ свадьбой царевна и говоритъ: «Скушай, женишокъ милый, хоть яблочко, я тоже съѣмъ». Тотъ взялъ. Оба ѣдятъ. Овъ, какъ съѣлъ, и уснулъ; дудочку и отобрала царевна. Проснулся, смотритъ, опять въ тюрьмѣ. Ну, теперь какъ спастись, — убѣжать только. Просится на дворъ, его вывели двѣнадцать человекъ. Онъ притворился, что снимаетъ штаны, да какъ закричитъ: «пожаръ! пожаръ!»! Тѣ заглянулись; а онъ проскочилъ одному межъ ногъ и удралъ, — догнать не могли. Убѣжалъ въ лѣсъ; идетъ и захотѣлось ему ѣсть. Смотритъ, яблоки красные расгустъ; онъ сорвалъ одно и съѣлъ и сдѣлался оленемъ; съѣлъ другое — рога приросли. «Вотъ, думаетъ, бѣда; убьютъ меня охотники теперь». Идетъ дальше; попадаются бѣлые яблоки; онъ только съѣлъ одно, рога отпали и сталъ онъ красавцемъ. Набралъ тѣхъ и другихъ яблоковъ, воротился опять въ городъ, тамъ нарядился старикомъ и объявилъ, что знаетъ средство молодить. Какую-то старую кучиху потчивалъ однимъ яблочкомъ и та помолодѣла. Царская дочь узнала про это и хочется ей быть покрасивѣе; посылаетъ за этимъ старикомъ купить у него яблоковъ. Тотъ продалъ нѣсколько красныхъ, за каждое взявъ по тысячу и сказалъ, что съ ней сначала будетъ превращеніе: она сдѣлается оленемъ, а потомъ станетъ красавицей. Хорошо, а онъ между тѣмъ сбросилъ съ себя стариковское платье. Царевна стоитъ передъ зеркаломъ, скушала яблочко и вся шерстью обросла; съѣла другое, выросли рога чуть не до потолка. Третье съѣла, перемѣны нѣтъ. Вотъ она ждетъ, скоро ли станетъ красавицей. Отецъ пришелъ къ ней въ комнату, видитъ, олень стоитъ; узнать онъ, что это дочь его. Сколько ни ждали, все ничего нѣтъ. А тутъ появился слухъ, что въ городъ пріѣхалъ докторъ, который разрѣшаетъ всякія колдовства. Сейчасъ къ нему. Овъ велѣлъ выстроить подалѣе отъ города большую баню и туда привести царскую дочь и оставить съ нимъ на мѣсяць, чтобъ больше никого не было. Живо выстроили баню, затаскали туда закусокъ и вина и оставили съ царевной вдвоемъ. Тотъ далъ ей одно бѣлое яблочко, рога отпали и она стала красавицей. Живетъ тутъ докторъ съ ней, все рассказавъ про себя, что онъ тотъ же солдатъ и велитъ ей возвратитъ кошелекъ, шкатулку и дудочку: «А то опять, говоритъ, сдѣлаю оленемъ!»! Та послала за узелкомъ; принесли; отдала она все это вещи. Ну, тутъ ужъ онъ ничего не боялся и царю сказалъ, что хочетъ на ней жениться. Царь выдалъ за него свою дочь и потомъ передалъ все царство. Двухъ своихъ названныхъ братьевъ сдѣлалъ генералами и разсказалъ имъ про свои похождения.

49. Голь-голета.

Жилъ былъ одинъ бѣдный крестьянинъ; у него былъ сынъ. Просить тотъ у отца отдѣлить ему наслѣдство. Тотъ далъ ему плоховатую лошаденку, какая была, и сорокъ копѣекъ денегъ. Сынъ купилъ на эти деньги картонъ, сшилъ огромную шляпу и написалъ на ней: «Могучій богатырь Голь-голета съ одного размаху десять богатырей побиваху, а мелкой сошки счету нѣтъ». Это по десяти паутовъ съ размаху побивать и комаровъ безъ счету. Бѣдетъ онъ по полю на своей клячкѣ; и былъ у него еще раннее ножикъ складешекъ. Навстрѣчу ему попадаетъ богатырь Илья Муромецъ; прочиталъ надписи, испугался. Подъѣхалъ къ Голету, просится въ меньшіе братья; тотъ и показываетъ ему на горшокъ шей, привязанный у лошади. «Вотъ похлебай, такъ и побратаемся!» Такимъ же образомъ онъ побратался съ двумя встрѣченными (другими) богатырями. Бѣдутъ они въ одно царство. Голета и посылаетъ царю сказать, чтобъ тотъ отдалъ за него свою дочь. Царь выслалъ богатыря сразиться. Илья Муромецъ подѣхалъ, отрубилъ богатырю голову и везетъ на конѣ, а Голета приготовилъ ему аттестатъ за храбрость. Радъ ему Илья Муромецъ; радъ, что получилъ аттестатъ отъ такого богатыря. Другимъ хочется получить по такому же. Царь выслалъ другого и третьяго; оба меньшіе братья Голеты отрубили у нихъ головы и получили по аттестату. Наконецъ, отыскался еще четвертый самый сильный богатырь; закопанъ гдѣ-то былъ. Выкопали его, попросилъ пить; подали ему двухведерную чашу вина. «Дайте, говорить, еще!» Подали пятиведерную и потомъ еще семиведерную. Поѣхалъ онъ сражаться съ Голетой, а опьянѣлъ ужъ. Встрѣтились, махнулъ богатырь тяжелымъ мечемъ; Голета какъ-то отвернулся, тотъ промахнулся, всадилъ по рукоятку мечъ въ землю, лошадь рванулась и выдернула его изъ сѣдла. Голета соскочилъ, сѣлъ на него верхомъ, давалъ шею пилить своимъ ножикомъ, насилу отпилъ голову. Всѣ богатыри трофей победы везутъ на конѣ коня, а Голета не могъ голову поднять, кой-какъ только привязалъ къ лошадиному хвосту и претъ въ свою палатку. Тѣ богатыри встрѣчаютъ его съ удивленіемъ. Видѣли, говорить, какъ они съѣхались, выскочили изъ сѣделъ и потомъ вступили въ рукопашную. Царю дѣлать нечего, отдалъ онъ свою дочь замужъ и Голета сталъ его зятемъ и поселился тутъ же. Три его богатыря, меньшіе братья, уѣхали.

Пожили сколько времени Голета съ женой, вдругъ поѣхъ это царство подступать другой царь съ войскомъ, требуетъ выдачи за себя замужъ царской дочери и знать не хочетъ, что та уже выдана. Царь говоритъ своему зятю, чтобъ защищать онъ его царство; далъ ему и войско. Сталъ Голета сражаться, подвели ему богатырскаго коня огромнаго, надѣли на него латы и весь уборъ. Едва сѣлъ на эту лошадь, латы пригнули его къ сѣдлу, а стремяна низко да и большія, такъ онъ ноги въ ремни засунулъ. Выѣхалъ въ поле, конь и помчалъ его, такъ что онъ и сдержатъ не можетъ. Да онъ и латы сбросилъ съ себя, все равно де умирать, что въ нихъ, что безъ нихъ. Замчалъ его конь въ лѣсъ и

два дуба вершинами попали въ стремяна; вырвалъ ихъ съ корнемъ. Конь видитъ, что стоитъ войско, мчится прямо на него и этими дубами давай крошить: дубы во всѣ стороны машутъ, войско валится; все разбилъ. Конь и остановился. Голета слѣзъ кой-какъ съ коня, не можетъ дубы выдернуть, давай своимъ ножомъ ихъ рубить. да къ вечеру кой-какъ ужъ отрубилъ вершины. Пріѣхалъ домой, тамъ удивляются, какъ онъ махалъ по войску—въ обѣихъ рукахъ дубы, и спрашиваютъ. гдѣ онъ такъ долго пробылъ послѣ того, какъ разбилъ войско. А я, говорить, все гнался за однимъ богатыремъ, хотѣлъ у него сердце вырвать, да не могъ догнать.

50. Петръ I — воръ.

Всему научился Петръ I, только воровать не умѣлъ и поѣхалъ онъ съ этою цѣлью въ другое государство, панялся тамъ въ помощники къ одному хорошему вору. Тотъ вышелъ съ нимъ на большую дорогу, —идутъ. Видятъ, впереди ихъ ѣдетъ повозка, одинъ купецъ тамъ сидитъ, а сзади привязанъ быкъ на веревкѣ. «Вотъ хорошо бы его ограбить», говорятъ Петръ. «Надо убить, иначе какъ ограбишь», отвѣчаетъ разбойникъ. Петръ убить не соглашается. Взялъ обгадилъ одинъ сапогъ, а они у него новые были, снялъ и бросилъ на дорогѣ. Купецъ подѣхалъ, увидѣлъ сапогъ, однако, ѣдетъ дальше. Петръ снялъ другой и также бросилъ. Купецъ увидѣлъ этотъ сапогъ; совѣтъ новые. «Дай, думаетъ, подберу,—сапоги новые». Слѣзъ съ повозки, побѣжалъ за другимъ сапогомъ, а въ это время Петръ зарѣзалъ быка, ободралъ его и велѣлъ разбойнику тащить мясо въ лѣсъ, щи варить. «Только, говоритъ, тебѣ его не ѣдать, развѣ шей похлѣбаешь». Тотъ не вѣритъ, потащилъ мясо. Петръ надѣлъ бычью голову, залѣзъ въ болото подлѣ дороги и сидитъ. Купецъ пришелъ и видитъ, что быкъ увязъ. Какъ бытъ, вытащить надо, а тотъ только головой повертываетъ. Раздѣлся купецъ, полѣзъ за быкомъ, сталъ его тянуть. Петръ-то и накинулъ на него шкуру и увязилъ его тутъ, самъ добѣжалъ до повозки, заскочилъ и давай кричать: «Не я одинъ былъ!» Разбойникъ услышалъ это, испугался, не успѣлъ хорошенько и шей похлебать, убѣжалъ: Петръ между тѣмъ подѣхалъ, поѣлъ мяса, сѣлъ въ повозку и живо пріѣхалъ домой, все припряталъ, залѣзъ на полаты, спать. Скоро пришелъ разбойникъ, жалуется женѣ. что вотъ такъ и такъ, а какой проворный работникъ былъ. «Да вонъ онъ на полатахъ лежитъ!» Тотъ подивился, узналъ, какъ дѣло было. Черезъ нѣсколько времени задумали они у купца кладовую обокрасть. Петръ полѣзъ въ нее и выкралъ двѣнадцать шубъ снотовыхъ, да одну соболью. Стали дѣлить. Какъ съ тринадцатой быть? Петръ спорить, что ему слѣдуетъ, онъ лаялъ; разбойникъ не соглашается. «Хорошо, говоритъ Петръ, ты стань у этого купца подъ окномъ, а я пойду спрошу, кому ее слѣдуетъ отдать». Притворился пьянымъ, зашелъ къ купцу и разска-

зывается, что вотъ два вора украли у купца двѣнадцать шубъ ентовыхъ да одну соболью и не могутъ раздѣлить. Кому отдать соболью? Тѣ говорятъ тому, кто лаялъ. Разбойникъ слышалъ это и долженъ былъ уступить.

Потомъ они вздумали казначейство ограбить. Какъ часовыхъ провести? Петръ притворился опять пьянымъ, набралъ полштофовъ съ виномъ, идетъ мимо часового и, будто невзначай, обронилъ полштофы, идетъ дальше. А часовой смѣтилъ это, подобралъ полштофы и потягиваетъ изъ нихъ, и уснулъ. А съ другой стороны Петръ съ учителемъ разобрали у казначейства стѣну, вытащили изъ сундуковъ кучу золота и серебра, а стѣну опять заложили. На другой день въ казначействѣ была ревизія, узнали, что деньги украдены, а стѣна плохо закладена. Допросили часового, тотъ признался, что пилъ вотъ такую-то водку. Созвалъ царь всѣхъ извѣстныхъ воровъ посоветоваться, какъ вора поймать. Самый знаменитый воръ Барма говоритъ, что это хорошій воръ обдѣлалъ; ему бы такъ ловко не сдѣлать. «Надо, говоритъ, поставить у стѣны бочку со смолой». Ну, поставили. А этому разбойнику еще захотѣлось сходить въ казначейство. Петръ отговаривалъ его, но тотъ все таки поѣхалъ. Теперь ужъ самъ воръ полѣзъ въ казначейство, да въ бочку и попалъ. Петръ увидалъ ловушку. Какъ быть? по нему, дескать, и меня найдутъ. Засунулъ въ бочку руку, уцупалъ его, отрубилъ голову. Самъ осторожно перелезъ черезъ бочку, украсть еще изъ казначейства и съ головой уѣхалъ домой. Жена разбойника объяснилъ, какъ ее мужъ попался и предупреждаетъ ту, чтобъ не плакала, когда трупъ повезутъ по городу, а на такой случай посоветовалъ ей взять въ одну руку тарелку съ киселемъ, а въ другую съ молокомъ, выйти съ ними, разбить и плакать, причитая: «Не жалко мнѣ блюда киселя, жалко кринки молока! Не жалко кринки молока, жалко блюда киселя!» На другой день повезли трупъ по городу, жена вышла съ киселемъ; кто-то толкнулъ ее и вышибъ изъ рукъ кисель и молоко; плачетъ баба, причитаетъ. Трупъ этотъ потомъ повѣсили на дерево и приставили сто человекъ караулу изъ солдатъ. Петръ задумалъ украсть трупъ. Нарядился старикомъ, накупилъ татарскихъ халатовъ, вина бритвъ, склалъ все въ телѣгу, у которой подпиралъ оси. Доѣхалъ до караульныхъ, оси подломились. Жалуется тѣмъ, просить побыть ихъ при телѣгѣ, пока онъ сбѣгаетъ за осями. Тѣ, когда ушелъ Петръ, давай рваться, нашли водку и все до пьяна напились; уснули. Петръ пришелъ, обрилъ имъ головы и нарядилъ въ халаты, а самъ съ трупомъ уѣхалъ. На утро царю доложили, что татары подступили подъ городъ. Царь выслалъ войско и тутъ узнали, что все это одинъ обманъ.

Воръ Барма присоветовалъ царю устроить для пьяницъ вечеръ. Выкатили сорокъ бочекъ вина, разбросали кой-гдѣ по угламъ золотыхъ въ той надеждѣ, что пьяница пить будетъ, а воръ подберетъ золото. Петръ явился на вечеръ, подошвы намазалъ варомъ и ходить; золотые прилипаютъ къ ногамъ, онъ ихъ и подобралъ такъ. Слуги смотря, никто не наклонился, а золота нѣтъ. Стали у сонныхъ пьяницъ по кар-

манамъ шарить. Нашли у Петра. Для прищѣты отрѣзали у него почву*). А онъ притворился пьянымъ, и слышалъ и видѣлъ все; взялъ да у всѣхъ почвы и отрѣзалъ. Стали ихъ выпускать и осматривать, ни у кого почвы на одномъ сапогѣ нѣтъ. На другой разъ опять вечеръ устроили и на этотъ разъ Барма посоветовалъ царю пожертвовать дочерью, посадить ее въ особую комнату, чтобъ на ея красоту могли любоваться; воръ, дескать, полѣзетъ къ ней и тутъ она его заклеимтъ своимъ клеймомъ; дѣйствительно, пьяницы напились, а Петръ забрался въ комнату къ царевнѣ, она его и заклеимила; однако, онъ лишилъ ее невинности и сталъ грозить убить ее, если не отдастъ клейма. Та отдала; имъ онъ пошелъ и всѣхъ пьяницъ заклеимила. Вырвался и на этотъ разъ онъ. Въ третій разъ опять сдѣлали такой-же вечеръ съ царевной и въ ея комнату устроили западню. Дѣйствительно, Петръ опять забрался къ ней и провалился подъ полъ. Давай кричать: «Сюда, ребята, водки много!» Пьяницы кинулись туда и провалились. Наконецъ, рѣшили посадить царевну въ монастырь. Разъ почью Петръ и пошелъ къ ней. Дорогой схватилъ человѣка, забросилъ на плечи, идетъ по монастырю; монахъ спрашиваетъ: кто идетъ? «Чортъ, пона несетъ». Испугался монахъ, убѣжалъ, а Петръ почевалъ у царевны. На другую ночь тоже. На третью самъ Барма пошелъ караулить. Петръ опять съ человѣкомъ на плечѣ идетъ ночью. «Кто идетъ?» спрашиваетъ. Чортъ, пона несетъ. «Ну, ступай дальше!» Петръ пришелъ, а Барма заперъ всѣ двери и на утро его поймали у царевны, посадили въ тюрьму и назначили день казни. Петръ въ тюрьмѣ сговорилъ мальчишку сходить на квартиру и принести узелокъ его, далъ ему золотой. Тотъ принесъ, а въ узелкѣ было его царское платье; когда онъ одѣлся, въ немъ признали русскаго царя, а этотъ-то царь перепугался, потому что былъ отъ него въ зависимости. Пожелалъ выдать за него дочь. «Вы, говорить, лишили ее невинности». Петръ сослался, что заклеименныхъ много было, не онъ первый у нея былъ. Такъ онъ и уѣхалъ въ свое царство.

51. Николай Чудотворецъ.

Жили два брата, одинъ богатый, другой бѣдный. У бѣднаго семья была большая, ѣсть нечего. Вотъ онъ и приходитъ просить у богатаго брата муки; тотъ отказалъ. Бѣдный братъ взялъ образъ Николая Чудотворца и понесъ его богатому брату въ закладъ. Братъ не вѣритъ, спрашиваетъ: кто поручится? Образъ и отвѣтилъ: «Я поручусь». Удивился тотъ этому, взялъ образъ и отдалъ за него мѣшокъ муки. Проходитъ годъ, другой и третій, не отдаетъ ему братъ долга. «Какой обманщикъ, говорить. А еще сказалъ, что поручится». Взялъ онъ образъ, наломалъ прутьевъ и понесъ его въ поле драть. Дорогой ему попадается купецъ, спрашиваетъ, куда онъ понесъ образъ. Тотъ ему объяснилъ. Купецъ на

*) Подожву сапога.

это и просить продать ему Николая Чудотворца; отдать за него два мѣшка муки и унести домой. Мать похвалила его; образъ поставили.

Въ это время пора ему было отправиться со своими караблями въ другое царство; трое дядей его уже уѣхали съ товаромъ, не дождались. Сталъ онъ нанимать прикащика, нашелъ одного; мать прикащику подарила яичко, чтобъ онъ вдвоемъ съ сыномъ его съѣлъ. Тотъ разрѣзалъ яйцо и половину побольше взялъ себѣ, а поменьше подаль хозяину. Мать не велѣла этого брать. «Онъ о себѣ, говорить, больше хлопочетъ, чѣмъ о хозяйнѣ». Такъ онъ искалъ прикащика, пока не нашелъ такого, который большую половину яйца подаль хозяину, а поменьше себѣ взялъ. Собрались и поѣхали. Плывуть по морю мимо одного острова, на которомъ увидѣли старика. Приѣхали въ то царство, бойко торгуютъ, не успѣваютъ деньги считать. У царя дочь была, которую онъ въ дѣтствѣ проклиналъ, она умерла и давно ужъ лежала въ церкви въ гробу. Каждую ночь ходили къ ней по-очереди люди псалтырь читать и всѣхъ она съѣдала. Выпала очередь на одного изъ дядьевъ купческаго сына. Какъ тутъ быть, умирать не охота, а не идти нельзя. Онъ и проситъ племянника отдежурить за него. Тотъ прежде пошелъ посоветоваться съ дѣдушкой. Ему онъ посоветовалъ взять съ дядьевъ два корабля товаровъ, далъ ему книгу и уголекъ и не велѣлъ въ церкви оглядываться. Племянникъ такъ и сдѣлалъ, ночью читаетъ передъ наложемъ псалтырь, а вокругъ себя очертилъ уголькомъ кругъ. Только въ полночь царевна вышла изъ гроба, давай скрежетать зубами. «А-а, попался ты мнѣ теперь!» Но никакъ въ зачерченный кругъ не могла попасть. Билась, билась, прошло ея время, тутъ и пала у круга. Племянникъ все читаетъ, утромъ взялъ ее, положилъ въ гробъ, самъ ушелъ домой. Всѣ удивляются, народъ и царь, что онъ живъ остался. Дядя отдалъ ему два корабля; товаръ живо расхватили, деньги такъ кучей и сыплются ему. На другую ночь очередь выпала на другого дядю, на третью на третьяго; племянникъ бралъ съ нихъ по два корабля и дежурилъ благополучно. Наконецъ, на четвертую ночь ему пришлось дежурить за себя. Тутъ старичокъ далъ ему три прута желѣзныхъ, три мѣдныхъ и три стальныхъ. «Заставь, говорить, ее прочитать Отче нашъ и какъ только запнется, дери прутьями». Пошелъ купческій сынъ на ночь въ церковь, очертилъ кругъ и читаетъ. Царевна въ полночь выскочила изъ гроба и начала бѣшенствовать страшнѣе, чѣмъ въ прежнія три ночи; въ рукахъ у нея появлялись крючья; ими она чуть не доставала того изъ круга; чертей было множество кругомъ; гвалтъ страшный. Потомъ она остановилась у круга, обезилѣла, но не пала. Купческій сынъ заставилъ ее читать «Отче нашъ»; только начала—и запнулась, и давай онъ драть ее желѣзными прутьями. Выдралъ, опять читать заставилъ; до половины прочитала, запнулась; опять онъ началъ драть ее мѣдными прутьями. Потомъ снова заставилъ читать; не дочитала до конца, запнулась; выдралъ ее стальными прутьями. Тогда она вѣрно прочитала. Утро ужъ настало, тамъ за дверями спрашиваютъ: живъ ли онъ, и слышать два голоса, удивляются. Что это значить? Отворили двери и видятъ, что купческій

сынъ и царевна вдвоемъ. Доложили царю, тотъ обрадовался, выдать за него замужъ царевну. Товаръ уже былъ проданъ, надо домой ѣхать. Старикъ ему и говорить, чтобы ночью купеческій сынъ съ женой грѣла не дѣлалъ, пока тотъ ему этого не разрѣшитъ. Поѣхали на корабляхъ и доѣзжаютъ до того острова. «Ну, говоритъ старикъ, теперь намъ надо барыши раздѣлить». Стали дѣлить миллионы пополамъ, и жену тоже надо пополамъ. Опечалился парень, да нечего дѣлать, таковъ уговоръ былъ раньше, согласился. Старикъ взялъ саблю и разсѣкъ ее пополамъ: и полъзали изъ нее, изъ чрева, разные гады и змѣи; это все черти были. Вычистилъ ее старикъ, спрыснулъ водой—тѣло срослось и царевна ожила. «Вотъ теперь тебѣ настоящая, говоритъ, жена; живи съ ней и всѣ деньги возьми—мнѣ не надо ихъ». Взялъ онъ только три копѣйки и вдругъ исчезъ; ничего не стало. Жаль такого старичка купеческому сыну, полюбилъ онъ его, какъ родного, да нечего дѣлать, поѣхалъ домой. Матери дома рассказалъ про него и про себя, жалѣетъ. А мать и говорить: Ты что не вспомнишь про Николая Чудотворца? свѣчку бы ему прежде поставилъ». Тотъ догадался, пошелъ къ образу, а передъ нимъ уже горитъ трехконѣчная свѣчка. Стали спрашивать, кто поставилъ,—ему де рублевую надо,—никто не ставилъ. Тутъ-то онъ догадался, что старикъ-то и былъ Николай Чудотворецъ и на тѣ три копѣйки самъ себя поставилъ свѣчку. Свѣчку оставили горѣть, а сами съ нажитымъ добромъ стали жить да поживать.

52. Иванъ—купеческій сынъ.

Одинъ купецъ отправился съ сыномъ по своимъ дѣламъ. Дорогой ему захотѣлось пить; онъ подѣхалъ къ морю, наклонился и сталъ пить; въ это время его чортъ и ухватилъ за бороду; какъ ни рвался купецъ, не отпустить. «Отдай мнѣ, говоритъ, то, что у тебя дома есть, чего ты не знаешь». Купецъ согласился. Тогда чортъ ему и сказалъ, что у него дочь родилась. Онъ и послалъ сына домой съ приказаніемъ заручить эту дочь, все равно, дескать, чорту продана, пути изъ нея не будетъ. Сынъ пришелъ домой, увидѣлъ сестру, хорошенькая такая, жалко ему стало; матери сказалъ, та плачетъ. Рѣшили они не убивать ее, а отправить жить куда-то въ лѣсъ. Выстроили тамъ домъ, живутъ вдвоемъ. Только повадился летать туда змѣй; хлопнется о земь и станетъ молодцомъ. Сталъ этотъ змѣй уговаривать дѣвицу извести брата; та не соглашалась. Какъ же, говоритъ, убью его, онъ приказанія отца не исполнилъ, пожалѣлъ меня. «Пошли, говоритъ змѣй, за волчьимъ молокомъ, тамъ они его съѣдятъ, а сама притворись больной». Зашелъ братъ въ домъ; сестра лежитъ больна. «Голова, говоритъ, у меня болитъ что-то, а во снѣ я видѣла, что отъ волчьего молока пройдетъ; принеси, братецъ!» Тотъ отправился въ лѣсъ и нашелъ множество волковъ; у одной волчицы только было сорокъ волчатъ. Кинулись они на него, а волчица ихъ удерживать: «Этого, говоритъ, молодецъ за дѣломъ пришелъ». Тотъ раз-

сказалъ ей про свою сестру, взялъ отъ волчицы молока и пошелъ домой. Сороковой волченочъ отпросился у матери идти съ купеческимъ сыномъ; та отпустила его. Принесъ братъ молоко и принесъ волченка съ собою, а у него еще раньше была собака. Удивилась сестра, что онъ живъ остался, а сама все хворать. Змѣй опять научилъ ее послать его за медвѣжьимъ молокомъ (разсказъ повторяется), потомъ за львинымъ (разсказъ повторяется). Наконецъ, змѣй велѣлъ ей послать брата на чугунную мельницу принести желѣзной муки; понюхать ее и станешь здоровъ. Пошелъ братъ; впереди бѣгутъ собака, волченочъ, медвѣженочъ и львеночъ. Увидѣли мельницу, звѣри забѣжали впередъ; дверь за ними захлопнулась, они и остались въ ней; скребутся и рвутъ зубами, ничего сдѣлать не могутъ. Тутъ братъ и догадался, что сестра его извести хочетъ. Подумалъ, однако, что звѣрей надо выручить, набралъ камней, давай колотить въ двери; долго онъ возился тутъ, однако, выломалъ двери, звѣрей выпустилъ и мучки желѣзной принесъ. Удивляется сестра, какъ онъ живъ остался, говорить объ этомъ змѣю. «Ну, теперь, говорить, я его самъ съѣмъ; у меня не вырвется!» Сказалъ ему змѣй о своемъ намѣреніи, но прежде чѣмъ исполнить его, велѣлъ истопить баню и вымыться. Запечалился Иванъ, купеческій сынъ, баню топить—не топить, и воду таскаетъ—не таскаетъ. Звѣри спрашиваютъ его, что онъ закручинился; онъ имъ сказалъ; они отпросились сбѣгать каждый къ себѣ спросить у матери совѣта. Прибѣжали звѣри и разсказываютъ, какой совѣтъ подали имъ матери. «Когда, говорить, ты вымоешься, змѣй залѣзетъ въ баню, пасть широко раскроетъ и велитъ тебѣ самому туда лѣзти, въ это время ты возьми песку въ руки и брось ему въ глаза, а мы со всѣхъ сторонъ баню зажжемъ» Когда баня истопилась и тотъ вымылся, змѣй, какъ сказали звѣри, залѣзъ въ баню и растворилъ пасть. «Ну, говорить, полѣзай!» А тотъ далъ знакъ звѣрямъ зажигать баню, а самъ изъ обѣихъ горстей бросилъ ему песокъ въ глаза. Змѣй завертѣлся, не видитъ ничего и потомъ сгорѣлъ совсѣмъ; пепель его Иванъ развѣялъ. Сказываетъ сестрѣ, что сжогъ змѣя; та опечалилась. Видитъ братъ, что сестра его хотѣла извести, а жалко ему убивать ее. Взялъ онъ, приковалъ ее къ дубу и поставилъ три бочки, одну съ водой, другую съ припасами, а третью пустую. Когда, говорить, ты выпьешь воду, съѣшь все и наплачешь пустую бочку слезъ, тогда я тебя прощу. Самъ пошелъ въ другое царство, гдѣ людямъ житья не было отъ змѣя; ему нужно было человѣческія жертвы приносить; онъ людей ѣлъ. На этотъ разъ выпала очередь на царскую дочь. Жалко всѣмъ ее стало; рѣшились всѣ вмѣстѣ погубить змѣя. Царевна была приведена ужъ на то мѣсто, гдѣ змѣй людей ѣлъ, и съ ней тутъ же одинъ человѣкъ былъ. Иванъ, купеческій сынъ, подѣхалъ къ этому мѣсту и увидѣлъ, что изъ озера вылазитъ змѣй, выхватилъ саблю, отмахнулъ ему голову и бросилъ ее въ яму, а ее завалилъ огромнѣйшей желѣзной плитой. Человѣкъ, который былъ съ царевной, научилъ ту, чтобы она сказала, онъ-де змѣя убилъ; та согласилась. Приѣхали они въ свое царство, этотъ человѣкъ сказалъ, что онъ змѣя убилъ и царевна подтвер-

дла. Царь задумалъ свадьбу играть, выдать замужъ свою дочь за этого человека. Пока шли сборы да приготовления къ свадьбѣ, пріѣхалъ въ то царство Иванъ, купеческій сынъ, и узналъ, что тутъ царя обманули. Пошелъ самъ во дворецъ и объявилъ, что онъ змѣя убилъ. Ему не вѣрять. «Ну, пусть, говорить, покажетъ, гдѣ голова у змѣя». Тотъ человекъ подвелъ къ плитѣ и съ мѣста ее сдвинуть не можетъ. Узнали тутъ правду и выдалъ царь свою дочь за купеческаго сына. Живутъ молодые, только жена и узнала отъ мужа, что у него есть сестра, прикованная къ дубу. Просить его привести ее и обѣщать любить, какъ свою сестру; тотъ согласился, отправился къ дубу, видитъ, припасы почти съѣла, а слезъ не бывало. Расковалъ онъ ее, а она къ тому мѣсту сейчасъ, гдѣ сгорѣлъ змѣй, вырыла тамъ его коготь и спрятала къ себѣ въ карманъ. Привезъ тотъ сестру домой, а она этотъ коготь незамѣтно и положила ему подъ подушку. Легъ онъ отдохнуть на постель и уснулъ, а коготь и началъ его давить, пѣна у рта показалась. Жена увидѣла, испугалась, думаетъ—умреть ей мужъ. Собака подбѣжала, лизнула пѣны и издохла; та же участь постигла волченка и медвѣженка. Лѣвеночъ лизнулъ этой пѣны, но успѣлъ сдернуть его съ постели. Тутъ онъ и сталъ отходить и поправился. Написалъ отцу о поступкѣ сестры, которую заточилъ въ какой-то замокъ. Отецъ пожалѣлъ, что тотъ не послушалъ его совѣта, не убилъ сестру. Переѣхалъ самъ къ нему со всей семьей и стали вмѣстѣ жить.

53. Крестьянскій сынъ.

(По колено нош въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ у царя былъ сынъ, которому отецъ далъ завѣтъ жениться послѣ его смерти. Умеръ царь, поѣхалъ царскій сынъ искать себѣ невесту. Пріѣзжаетъ въ одно государство къ тремъ сестрамъ. Старшая говоритъ: «Если меня возьмешь, принесу тебѣ въ приданое скатерть самобранную; когда что захочешь, все на ней найдешь». Средняя сестра пообѣщала коверъ-самолетъ, а младшая говоритъ: Я тебѣ принесу трехъ сыновъ, всѣ какъ одинъ, по колено ножки въ серебрѣ, по локотки руки въ золотѣ, въ затылкѣ ясной мѣсяцъ, по вискамъ частыя звѣзды, во лбу красное солнце. Женился царскій сынъ на младшей сестрѣ. Живутъ; пришла время родить, поѣхалъ царскій сынъ за бабкой. На дорогѣ его встрѣчаетъ баба-яга, а та ужъ знала, зачѣмъ онъ ѣдетъ и давно ей хотѣлось выдать за него свою дочь. «Куда ты покатился»? Да вотъ, нужно мнѣ, говорить, бабку. «Такъ меня возьми; я первая бабка въ городѣ». Повелъ онъ ее къ себѣ. Царская жена родила ребенка по колено ножки въ серебрѣ, по локотки руки въ золотѣ, въ затылкѣ ясной мѣсяцъ, по вискамъ частыя звѣзды, во лбу красное солнце. Баба-яга его отпустила въ чистое поле, а къ ней подложила котенка и говорить царю: «Вотъ кого тебѣ жена прине-

сла, посмотри-ко». Царь опечалился, но ничего, перенесъ. На другой годъ той опять родить надо и опять царь по дорогѣ встрѣчаетъ бабу-ягу, а та ужъ припасла щенка и также подложила его. Царь опечалился и думаетъ, что хотъ на третій годъ жена ему принесетъ ребенка по колаѣно ножки въ серебрѣ, по локотки руки въ золотѣ. На третій годъ родить надо (тутъ разсказъ повторяется). Только баба-яга подложила крестьянскаго ребенка и говоритъ царю: «Посмотри, какъ жена то тебя обманула, ужъ на третій годъ только родила, да и то крестьянскаго ребеночка». Царь разсердился, приказалъ жену съ ребенкомъ засмолить въ бочку и пустить ее по синему морю, а самъ женился на дочери бабы-яги. Плысть мать съ сыномъ въ бочкѣ, только слышать, что бочка остановилась. «Мамонька, я потянусь»? Потянись, говоритъ. Тотъ потянулся и оба дна выскочили изъ бочки. Тутъ они увидѣли, что ихъ прибило къ берегу, который весь былъ заваленъ обломками отъ кораблей. Изъ дерева они выстроили себѣ огромнѣйшій домъ и тутъ же находили пищу. Проѣзжаютъ разъ мимо этого острова корабли. Выпросился крестьянскій сынъ съ ними; узналъ онъ, что ѣдутъ къ царю. Дорогой онъ ихъ учить, чтобы какъ прійдутъ къ царю и станутъ разсказывать про этотъ домъ на островѣ, его оставили бы за дверями. Тѣ такъ и сдѣлали, пришли къ царю и разсказываютъ, что вотъ на такомъ то островѣ, гдѣ прежде ничего не было, кто-то выстроилъ домъ—не домъ и дворцомъ назвать нельзя. Поѣду, говоритъ царь, посмотрѣть. А баба-яга сейчасть и тутъ. «Что, говоритъ, это смотрѣть. А вотъ я знаю въ такомъ-то мѣстѣ, разсказала въ какомъ, стоитъ быкъ, въ песокъ толченый, въ боку ножъ востренный». Царь сейчасть посылаетъ людей привести этого быка, а крестьянскій сынъ стоялъ за дверьми, слышалъ все, сейчасть уѣхалъ, нашелъ этого быка и привелъ къ себѣ на островъ. Въ другой разъ опять также плыли корабли мимо острова, увидали огромнѣйшій домъ и быка, дивятся—откуда взялись? А крестьянскій сынъ и просится съ ними. Взяли. Дорогой онъ имъ опять сказалъ, какъ и что. Тѣ пріѣхали къ царю (онъ за дверями) и разсказали про домъ и быка. «Поѣду, говоритъ царь, посмотрѣть». Баба-яга его отговариваетъ. «Я тебѣ, говоритъ, еще не то покажу. Вотъ въ такомъ-то мѣстѣ стоятъ ворота, на нихъ птицы райски, звѣри заморски, сзади сказки сказываютъ, спереди пѣсни поютъ». Послалъ царь за ними людей, ничего тѣ не нашли, а крестьянскій сынъ слышалъ разговоръ за дверями, пошелъ въ сказанное мѣсто и увезъ къ себѣ эти ворота, поставилъ ихъ передъ домомъ. Въ третій разъ ѣдутъ корабли, дивятся опять на домъ, на быка и на ворота. Крестьянскій сынъ выпросился съ ними (повторяется разсказъ о царѣ, который слушаетъ докладъ о диковинахъ). Опять яга его отговариваетъ. «Я тебѣ покажу, говоритъ, трехъ сыновей, у которыхъ по колаѣно ножки въ серебрѣ, по локотки руки въ золотѣ, въ затылкѣ ясный мѣсяцъ, по вискамъ частыя звѣзды, на лбу красное солнце, а живутъ они вотъ тамъ-то въ медвѣжьей норѣ. Царь и думаетъ: не мои ли ужъ это дѣти? Послалъ, куда сказала баба-яга людей. Крестьянскій сынъ побѣжалъ туда, сдѣлалъ лодочку и подплылъ къ берегу, видитъ одного брат-

ца, тотъ въ нору, этотъ за нимъ, обнюхали они другъ друга и узнали себя. «Ну, говорить, скоро долженъ прійти медвѣдь; онъ по мѣсяцамъ прогуливаетъ за добычей; теперь ему время явиться». Спрятали его. Скоро, дѣйствительно, явился медвѣдь, спрашивать: что русскимъ духомъ пахнетъ? Тѣ въ слезы. «Ты самъ, говорить, вездѣ шатался, да русскаго духу набрался, а теперь на насъ сваливаешь». Медвѣдь ихъ уговаривать, даетъ имъ добычу, наваленныхъ телятъ да что. Уснулъ медвѣдь, а три братца и крестьянскій сынъ вышли, сѣли въ лодочку и поѣхали. Медвѣдь проснулся, услышалъ, сталъ догонять, но не могъ, далеко они уплыли. Пріѣхали домой, тутъ всѣ обрадовались, узнали свою мать. На четвертый разъ плывутъ корабли, увидали всѣ чудеса на островѣ, удивляются: какъ раньше ничего не было, а теперь появилось. Пріѣхали къ царю, рассказываютъ, что вотъ на такомъ-то островѣ есть огромный домъ, передъ нимъ стоятъ ворота, на нихъ птицы райскія, звѣри заморскіе сзади сказки сказываютъ, спереди ибси ноютъ, быкъ, въ песокъ толченый. въ боку ножъ вострый и трое дѣтей, по колѣно вожжи въ серебрѣ, по локотки руки въ золотѣ, въ затылкѣ ясный мѣсяцъ, по вискамъ часты звѣзды, на лбу красно солнце. Царь порѣшилъ ѣхать, догадался, что баба-яга его все обманывала. Поѣхалъ и все, про что ему купцы рассказывали, увидѣлъ. Бабу-ягу и дочь приказалъ разстрѣлять кислой простокишей на воротахъ, а самъ сталъ жить съ прежней женой.

54. Сивка, бурка, вѣщая маурна.

Жилъ старикъ; у него было три сына, два умныхъ, а третій дуракъ. Передъ смертью отецъ имъ завѣщалъ, чтобы каждый изъ нихъ ночевалъ на могилѣ одну ночь. Умеръ старикъ, надо идти на могилу старшему сыну, а бонсея, я сталъ сговаривать дурака, далъ ему мѣрку гороху да сито рѣвы. Пришла ночь, тотъ взялъ палку, пошелъ на могилу. Палку засунулъ къ лопу въ подворотню, собакъ дразнилъ; тамъ они ее изгрызли. Пришелъ на могилу, спитъ. Въ полночь вышелъ изъ могилы отецъ, спрашиваетъ: «Кто здѣсь»? Ванька проснулся, узналъ отца. «Я, говорить, твой меньшой сынъ. «Ну, говорить старикъ, когда старшій сынъ не хотѣлъ придти, то ничего и не получать». Свиснулъ онъ: «Сивка, бурка, вѣщая каурка!» Тутъ явился конь богатырскій, изъ роту пламя пышетъ, изъ ноздрей искры сыплются, изъ головешки летятъ. «Служи моему сыну вѣрой и правдой, какъ мнѣ служилъ!» Съ тѣмъ и отпустилъ коня, самъ въ могилу ушелъ. Ванька до утра проспалъ, а потомъ пошелъ домой, захватилъ съ собой и палку. Ну, что, спрашиваютъ братья. «Да что, говорить, братья, онъ меня чуть не съѣлъ, вотъ посмотрите, всю палку изгрызъ. Братья пуще того напугались. Очередь среднему идти на могилу; онъ упрашиваетъ Ваньку, далъ ему двѣ мѣрки гороху и рѣвы. Ночью пошелъ на могилу, спитъ. Вышелъ въ полночь отецъ. Кто здѣсь? спрашивать. «Да я, твой сынъ Иванъ; братья

боятся идти къ тебѣ, меня посылають». Отецъ подарилъ ему дудочку, подъ которую всѣ пляшутъ, и свивью, золотыя щетинки, самъ ушелъ въ могилу. На третью ночь Иванъ пошелъ за себя: тогда отецъ подарилъ ему лань златорогую. Ну что, Ванька, каково ночевалъ? не съѣлъ тебя отецъ? «А я, братья, съ нимъ въ обняику спалъ». Въ ту пору въ ихнемъ царствѣ царь задумалъ дочь замужъ отдавать и велѣлъ всѣхъ собрать ко двору, чтобъ царская дочь выбрала сама, за кого хочетъ идти. Объявлено было, что за того она пойдетъ, кто перескочитъ черезъ барьеръ и вырветъ изъ рукъ ширинку. Старшіе два брата собираются, а Ванька прослышалъ это, говоритъ: «Братья! дайте мнѣ хоть старую кобыленку, я поѣду зайцевъ ловить». Тѣ дали ему клячу и отправились всѣ. Ванька выѣхалъ въ чистое поле, содралъ съ кобылы шкуру, повѣсилъ на тычину. «Сороки, вороны, поминайте, говоритъ, тятинькину душѣ!» А самъ свиснулъ: «Сивка, бурка, вѣщая каурка!» Конь сейчасъ къ нему явился. Ванька въ правое ухо залѣзъ, въ лѣвое вылѣзъ молодцомъ и красавцемъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ; разсѣкаетъ его отъ шерсти до мяса, отъ мяса до кости. Конь разсержается и какъ прыгнетъ черезъ барьеръ, выше его перепрыгнулъ и ускакалъ. Всѣ: ахъ, ахъ! какой такой богатырь? куда дѣвался? А Ванька опять въ лѣвое ухо залѣзъ, въ правое вылѣзъ такимъ же сонлякомъ; коня отпустилъ, самъ набилъ зайцевъ, пришелъ домой, залѣзъ на печь, давай играть въ баклушки. Братья между собой толкуютъ, удивляются. какой такой богатырь былъ тамъ. Братья, не я ли это былъ? «Ну, гдѣ тебѣ дураку! сиди, мотай сопли на кузакъ». На другой день царь опять назначилъ такой же съѣздъ. потому что никто не перепрыгнулъ, а былъ одинъ богатырь, такъ и тотъ ускакалъ. На другой день тоже. На третій разъ Ванька вырвалъ ширинку изъ рукъ, царская дочь заклеила его лобъ своимъ клеймомъ и поцѣловала его. Онъ также опять вылѣзъ изъ праваго уха замарашкой, коня отпустилъ, а лобъ завязалъ тряпичей, пришелъ домой, жалуется, что поймалъ зайца, да тотъ его лягнулъ въ лобъ и зашибъ; сѣлъ на печь, играетъ въ баклушки. А по всему царству разосланы были люди искать, не отыщется ли кто съ царскими клеймами. Дошла очередь, зашли эти люди къ тремъ братьямъ; ну, видятъ, что ни у кого нѣтъ. «А этотъ, что тамъ сидитъ, лобъ завязалъ»? про дурака спрашиваютъ. А этотъ, говорятъ, у насъ дурачекъ. «Нельзя, вѣрно всѣхъ осмотрѣть». Ну, шутки ради, давай его съ печи тащить; дуракъ не дается. Ну, все таки сорвали тряпицу, видятъ—клеймо. Повели его къ царю; хотя, не хотя обѣнчалась царская дочь съ сонлякомъ.

Назначена была разъ охота, гулянье: всѣ поѣхали, и архирей одинъ тутъ же. Ванька, теперь ужъ царскій зять, убилъ сороку на боярышномъ кустѣ и посылаетъ архирея достать. Только тотъ залѣзъ въ кустъ, а Иванъ вынулъ дудочку и давай играть; архирей заплесалъ, все на себѣ прирвалъ, весь исцарапался. Жалуется послѣ царю; тотъ приказалъ больше такихъ штукъ не дѣлать, а все таки захотѣлъ посмотреть, что за дудочка. Собрались всѣ у царя во дворецѣ. Архирей проситъ, чтобъ его веревками привязали. Какъ заиграетъ Ванька, всѣ за-

плясали, и самъ царь, и архирей, какъ могъ, бьется, хотя и связанный. Ну, посмѣялись этому—и только.

На царскомъ лугу, всѣ видятъ, пасутся сивка, бурка, вѣщая каурка, свинья золотыя щетинки и лань златорогая. Царь велитъ тремъ своимъ зятьямъ поймать ихъ и обѣщать полцарства отдать. Тѣ сколько ни бились, ничего подѣлать не могли. Четвертый зять, Иванъ, вышелъ въ поле, свиснулъ коня, въ правое ухо влѣзъ, а въ лѣвое вылѣзъ, сталъ, какъ прежде, молодцомъ. Царскіе зятья не узнали его, просятъ поймать сивку, бурку, вѣщую каурку, свинью золотыя щетинки и лань златорогую. Тотъ говорить: «Отдайте мнѣ по пальцу съ правой руки и ремень да пряжку изъ спины». Тѣ согласились; взялъ онъ у нихъ по ремню и по пальцу, одному отдалъ коня, другому свинью, третьему лань. Зятья привели ихъ къ царю во дворъ и докладываютъ, что привели, да во дворѣ-то и не могутъ ихъ поймать. Не вѣрится царю, какъ они ихъ могли поймать въ полѣ, когда не могутъ поймать во дворѣ. Четвертый зять и говоритъ царю, какъ имъ достаты конь, свинья и лань и показалъ ему пальцы отрубленные, а у нихъ руки въ перчаткахъ. Царь узналъ обманъ и велѣлъ этихъ зятевъ казнить, а четвертому, Ивану, отдалъ все царство свое.

VI.

С К А З К И,

записанныя Г. Н. Потанинымъ

отъ В. А. Палкина.

100

55. Русая Руса. тридцати братьевъ сестра.

У одного царя былъ небольшой сынъ; въ колыбели онъ былъ большой крикунъ, за что былъ прозванъ Неугомонъ-царевичемъ. Нянька, чтобы его утѣшить, приговаривала: «Баюшки-баю! вырастешь большой, за тебя замужъ возьмемъ Русую Русу, тридцати братьевъ сестру» и онъ замолкалъ. Когда выросъ, поѣхалъ отыскивать Русую Русу; родители отговаривали его и не отпускали, но онъ сказалъ, что ему нужно людей посмотреть и себя показать. Приѣхалъ онъ во дворецъ, гдѣ она жила: она его встрѣтила, потому что знала, что это ея суженый, угостила и потомъ повела показывать свое богатство: къ первому чулану серебро, во второмъ золото, въ третьемъ драгоценные камни; потомъ повела въ садъ, гдѣ росли всякія фруктовые деревья и пѣли райскія птицы. Она говоритъ: «Мнѣ нельзя за тебя выйти замужъ безъ спроса у моихъ братьевъ; нужно ихъ пригласить на свадьбу; ты погости здѣсь». И отдала ему ключи отъ кладовыхъ, только въ одну кладовую не отдала ключа, которая была запечатана коровьимъ навозомъ. И улетѣла. Онъ ходилъ, любовался; потерявъ его брало посмотреть въ запертую кладовую. Она улетѣла на тридцать дней. Онъ, однако, дня не могъ дожидаться, отворилъ и видитъ, сидитъ съдой старикъ, кипитъ въ смоли, каждая жилка заперта на замочекъ; ключикъ лежалъ на окнѣ. Старикъ застопалъ и запросилъ, чтобы хоть одну жилочку ему отворилъ. «Не знаю, за что я, дряхлый человекъ, такъ мучаюсь». Неугомонъ-царевичъ сжалился, отперъ одну жилочку: старикъ обратился въ Калcea безсмертнаго и полетѣлъ. Неугомонъ-царевичъ день прождалъ, другой прождалъ, взглянулъ на зеркальце, которое ему оставила Русая Руса, улетающая: оно почернѣло; это значило, что съ ней случилась бѣда. Приѣхали братья ея; они ему объяснили, что ее унесъ выпущенный имъ Кошей безсмертныи. «Тебѣ трудно будетъ ее достать», говорятъ. Какъ ни страшили они его, онъ пошелъ искать ее. Пришелъ къ Кошею, она обрадовалась ему; онъ взялъ ее и поѣхалъ съ нею обратно. Кошей въ это время гулялъ въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ; остановилъ своего коня, ударилъ коня и сказалъ: «Вѣщій конь! скажи, все ли въ моемъ домѣ живо и здорово»? Конь сказалъ: «Все живо и здорово, только Русая Руса увезена». Кто ее увезъ? «Неугомонъ-царевичъ». Кошей поѣхалъ домой и сказалъ: «Семерыя дѣти! принесите мнѣ семерыя вилы, поднимите мои тяжелыя брови! Посмотрю я, далеко ли ѣдетъ Неугомонъ-царевичъ». Семерыя дѣти подняли ему брови и онъ сказалъ: «Нечего торопиться! пашите пашню, сѣйте хлѣбъ, жните, молотите, мелите муку, пекуте хлѣбы; тогда я поѣду». Когда посѣяли хлѣбъ, сжали, смолотили, смолотили и напекли хлѣбы, Кошей поѣхалъ догонять; догналъ Неугомонъ-царевича, отобралъ Русую Русу и не велѣлъ болѣе красть ее. «Не то жестоко накажу, а теперь не наказываю за то, что освободилъ меня».

Неугомонъ-царевичъ во второй разъ приѣхалъ къ Кошею и увезъ Русую Русу. Кошей тоже былъ въ полѣ въ это время: онъ спросилъ у коня: «Вѣщій конь! скажи, все ли въ моемъ домѣ живо и здорово?»

Конь сказалъ, что Неугомонъ-царевичъ опять увезъ Русую Русу. Кошеч прѣѣхалъ домой, говорить: «Семерья дѣти! возьмите семерья вилы, поднимите мои тяжелыя брови! Посмотрю я, далеко ли ѣдетъ Неугомонъ-царевичъ». Семерья дѣти вилами подняли ему брови, посмотрѣлъ онъ и говорить: «Смелите муки, испеките хлѣбы, я поѣду догонять. Догналъ онъ Неугомонъ-царевича, постегалъ его плетью и не велѣлъ возвращаться. «А то за одну ногу дерну, за другую и разорву!» И увезъ Русую Русу.

Неугомонъ-царевичъ въ третій разъ увезъ Русую Русу. Кошеч опять былъ въ полѣ, опять спросилъ коня: «Вѣщій конь! скажи, все ли въ моемъ домѣ живо и здорово?» Конь сказалъ, что Русая Руса увезена. Кошеч вернулся домой; говорить: «Семерья дѣти! возьмите семерья вилы, поднимите мои тяжелыя брови!» Когда семерья дѣти подняли ему брови, посмотрѣлъ онъ и сказалъ: «Испеките хлѣбы, я поѣду догонять». Догналъ Неугомонъ-царевича, разорвалъ его и бросилъ, а Русую Русу увезъ.

Когда Неугомонъ-царевичъ прощался съ братьями Русой Русы, онъ оставилъ имъ ожерелье; когда братья увидѣли, что оно почернѣло, одинъ изъ братьевъ поѣхалъ искать Неугомонъ-царевича. Онъ нашелъ его разорваннаго и спрятался за его тѣломъ; воронья множество налетѣло; онъ поймалъ одного вороненка; ворона закричала: Отпусти! отпусти! Онъ велѣлъ ей принести живой и мертвой воды, привязалъ подъ крылья пузырьки и наказалъ: «Прилетишь къ мертвому морю, наклонись лѣвымъ крыломъ, прилетишь къ живому морю, полетишь черезъ него, наклонись правымъ крыломъ. Ворона принесла воды. Онъ сбрызнулъ тѣло Неугомонъ-царевича мертвой водой, оно срослось; сбрызнулъ живой водой, Неугомонъ-царевичъ всталъ и сказалъ: «Долго спалъ, да скоро всталъ». Братья Русой Русы стали уговаривать Неугомонъ-царевича не доставать ее, но царевичъ не согласился; тогда братья стали учить его, что сдѣлать. Нужно было пойти къ вдовѣ одного богатыря пронасти у ней три дня лошадей и получить за это никакого другого коня, кромѣ паршиваго жеребенка. Пошелъ Неугомонъ-царевичъ; дорогой его паутъ ужасилъ въ лобъ; хотѣлъ онъ его убить, но тотъ взмолился: «Не бей меня. дай наниться! на время я тебѣ пригожусь». Онъ отпустилъ его. Потомъ онъ встрѣтилъ волка, хотѣлъ убить его; волкъ взмолился и говорить, что онъ на время ему пригодится. Поймалъ Неугомонъ-царевичъ щуку, щука взмолилась, говорить, что она ему на время пригодится. Неугомонъ-царевичъ отпустилъ и волка, и щуку. Пришелъ къ вдовѣ богатыря: у ней сидятъ прикованные на цѣпи богатыри, которые прежде насилъ у нея лошадей и не могли укараулить. Они говорятъ ему: «И ты будешь съ нами». Та послала его караулить тридцать три кобылы. Онъ выгналъ ихъ въ поле, кобылы улеглись на землѣ; Неугомонъ-царевичъ подумалъ: что караулить такой смирный скотъ,—и легъ спать. Проснулся, кобылы нѣтъ; онъ загоревалъ. Вдругъ видитъ, кобылы бѣгутъ къ нему; ихъ гонятъ пауты, а впереди ихъ летитъ тотъ, который укуслилъ его въ лобъ. Неугомонъ-царевичъ пригналъ кобылъ ко вдовѣ; это были три ея дочери и тридцать черныхъ дѣвицъ. Вдова стала ругать дочерей, что

онъ не могли убѣжать отъ Неугомонъ-царевича и казнила старшую дочь. На слѣдующій день, велѣла за старшую быть средней. На слѣдующій день Неугомонъ-царевичъ опять выгналъ кобылъ въ поле и опять не утерпѣлъ, заснулъ. Кобылы опять убѣжали. Проснулся, кобылы бѣгутъ; ихъ гонять волки, а впереди волковъ тотъ, котораго онъ раздумалъ убить. Вдова казнила среднюю дочь. На третій день Неугомонъ-царевичъ выгналъ кобылъ въ поле и опять заснулъ. Проснулся, кобылы нѣтъ, убѣжали. Тутъ щука, которую онъ отпустилъ живою, сдѣлала большую воду, кони всплыли и могли выйти на берегъ только тамъ, гдѣ ждалъ ихъ проснувшійся Неугомонъ-царевичъ. Вдова казнила и третью дочь. Потомъ она даетъ ему позволеніе, выбрать изъ хорошихъ коней, но онъ проситъ себѣ паршиваго жеребенка; то былъ старшій братъ Кошцева коня. Вдова говоритъ ему: «Буда же ты уѣдешь на такомъ жеребенкѣ? вонъми хорошаго коня!» Неугомонъ-царевичъ говоритъ: «Моя служба была неблазная, я все спалъ, будетъ мнѣ и этого!» Взять жеребенка на плечи и повестъ. Пронесъ одинъ день; вечеромъ жеребенокъ говоритъ: «Отпусти меня къ матери на молоко; я стану сильнѣе; а завтра утромъ, когда буду бѣжать мимо тебя, попадай въ меня шапкой». Назавтра конь бѣжитъ; Неугомонъ-царевичъ попалъ ему шапкой въ шею. На другой день Неугомонъ-царевичъ провезъ его—уже не несъ на себѣ. На вторую ночь конь опять отпросился на молочко; назавтра Неугомонъ-царевичъ попалъ коню въ бокъ; на этотъ день онъ проѣхалъ на немъ. Вечеромъ опять конь просится на молочко. Утромъ Неугомонъ-царевичъ видитъ только пыль, которая по полю несется, узнать не могъ, что это конь бѣжитъ; все таки догадался, кинулъ шапкой и попалъ въ конецъ хвоста; конь остановился. Конь привезъ его къ котлу съ сильной водой и говоритъ: «пей!» Онъ выпилъ. «Ну, что чувствуешь?» Чувствую, что сильнѣе меня богатыря нѣтъ. «Еще пей!» Неугомонъ-царевичъ еще выпилъ. «Ну, теперь что?» Теперь я могу землю съ небомъ въ одно мѣсто стянуть. «Еще пей половину!» Неугомонъ-царевичъ выпилъ половину. «Ну, а теперь?» Убыло силы въ половину, отвѣчаетъ Неугомонъ-царевичъ. «Ну, этого довольно! и теперь тебя сильнѣе богатыря нѣтъ на землѣ, а если бы оставить ту силу, земля тебя не стала бы носить». Потомъ конь говоритъ: «Теперь я побѣгу къ вдовѣ богатыря, принесу богатырскіе доспѣхи, обману ее». Побѣжалъ конь и говоритъ ей: «Гдѣ Неугомонъ-царевичу ѣздить на мнѣ; онъ упалъ и убитъ. Надѣнь на меня доспѣхи твоего мужа: я побѣгаю въ нихъ, а то вѣдь придется мнѣ опять сдѣлаться худымъ жеребенкомъ». Та дала ему и онъ вернулся къ Неугомонъ-царевичу. Надѣлъ доспѣхи Неугомонъ-царевичъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ Кошечу. Дорогой конь совѣтуетъ ему разложить огонь въ полѣ. Неугомонъ-царевичъ разложилъ огонь, пріѣхалъ къ дому Кошечъ-безсмертнаго, взялъ Русую Русу и увезъ ее. Вернулся Кошечъ съ поля домой, не нашелъ Русой Русы, поѣхалъ догонять. Когда конь подъ Неугомонъ-царевичемъ сталъ подъѣзжать къ разложенному въ полѣ огню, онъ поднялся высоко надъ нимъ. Кошечъ сталъ заставлятъ и своего коня, чтобы и онъ также высоко поднялся, но тотъ ска-

заль, что ему не подняться такъ высоко, потому что подъ Неугомонъ-царевичемъ его старшій братъ. Однако, Кощей велить ему подниматься. Въ это время Неугомонъ-царевичъ напалъ на него; его конь также сталъ бить Кощея копытомъ. Кощей упалъ и прямо въ огонь, и сгорѣлъ.

56. Лѣнь и отеть.

Прежде не одна была лѣнь, а еще была отеть. Однажды сидѣли они подъ яблонью. Лѣнь говоритъ: «Какъ хорошо было бы, если бъ яблоки сами валились въ ротъ». А Отеть ей: «Ахъ ты Лѣнь, ты Лѣнь! какъ тебѣ и говорить-то не лѣнь! когда придетъ время, свалится». Потомъ они сидѣли подъ стогомъ сѣна; шли палы. Лѣнь-то и говоритъ: «Уйдемъ, а то мы сгоримъ!» А Отеть ей: «Ахъ ты Лѣнь, ты Лѣнь! какъ тебѣ и говорить-то не лѣнь! вѣдь у стога-то есть хозяйникъ; придетъ, потушитъ огонь, если ему сѣна жалко». Лѣнь убѣжала, а Отеть сгорѣла.

57. Молочный братъ Христа.

Божья мать шла съ ребенкомъ, степью; разбойники схватили ее и отвели въ плѣнъ. У разбойника былъ ребенокъ, все ревѣлъ и плакалъ до того, что почернѣлъ какъ уголь. Мать ребенка и спрашиваетъ Богородицу: «Отчего твой ребенокъ такой спокойный, смирный, а мой все ревѣть? Покорми своимъ молокомъ моего ребенка!» Богородица покормила и ребенокъ успокоился. Впоследствии разбойникъ умеръ; мальчикъ выросъ и сталъ атаманомъ въ шайкѣ, но капля молока Божьей Матери его удерживала отъ великихъ преступленій. Это онъ-то потомъ и очутился на крестѣ рядомъ съ Христомъ и попросилъ его помянуть въ царствѣ небесномъ.

58. Илья Муромецъ.

Егоръ Святогоръ носилъ суму, въ которой была половина земли. Онъ цѣловалъ Илью Муромцу, чтобъ онъ не подавалъ руки слѣпому богатырю, а раскаленную палку. Илья такъ и сдѣлалъ. Слепой богатырь сжалъ палку, желѣзо выжалось между пальцами; слѣпой говоритъ: «Какая мягкая рука! и должно быть сильный богатырь передо мной стоитъ, не крикнулъ отъ боли».

VII.

С К А З К И,

записанныя и собранныя А. В. Жи-
линской

въ Курганскомъ у. Тобольской губ.

Антонина Васильевна Жилинская, урожденная, Адрианова, родилась и дѣтство провела въ с. Бѣлозерскоѣ Курганскаго у. Здѣсь же она вышла замужъ за польскаго повстанца и всю остальную жизнь провела въ с. Боровскомъ, въ 9 верст. отъ мѣста своей родины, гдѣ ея мужъ занимался сельскимъ хозяйствомъ.

По просьбѣ своего брата, Алекс. Вас. Адрианова, который хотѣлъ воспользоваться ея близостью къ народу, она удѣляла часть своихъ досуговъ на собираніе сказокъ, пѣсенъ и др. матеріала, использованнаго въ настоящемъ изданіи. Болѣзнь, а вѣкъ смерть г-жи Жилинской прервала эту работу.

59. Кузнечикъ.

(По колено ноги въ золотъ, по локоть руки въ серебръ).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ которомъ мы живемъ, на займкѣ Пустынной, пошелъ царь съ сыномъ по Пустынному гулять. Дошелъ до избушки, въ которой жилъ старикъ. У старика было три дочери. Первая дочь, большая, говорить: «Что-бы меня Иванъ-царевичъ замужъ взялъ, я бы ему сшила хорошія рубашки». Другая дочь говорить: «Бабы меня взялъ, я бы ему хорошую лопать*) сшила». Третья дочь говорить: «Какъ-бы меня взялъ, я бы ему принесла трехъ сынковъ по колѣнъ ножки въ золотъ, по локоть ручки въ серебръ, во лбу красно солнце, во затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды». Тогда спрашиваетъ Иванъ царевичъ своего отца, которую взять изъ трехъ. Отецъ сказалъ: «Бери младшую. Она хочетъ тебѣ принести трехъ хорошихъ сыновей». Сталъ царевичъ сватать меньшую дочь; старикъ отдалъ ее. Сдѣлали свадьбу, стали жить.

Скоро сказка сказывается, много время минуется. Они и съ годъ ужъ прожили. Забеременѣла его жена; пришло время родить; послали дѣвку за бабушкой. Сидитъ на дорогѣ Яга, Яганишна. спрашиваетъ: «Куда ты, мое дитятко, пошла?» У Ивана-царевича жена хочетъ родить; надо бабушку. «Я и бабушка, я и варварушка; я и поправлю умѣю, и поварварить умѣю». Попросила дѣвка эту бабушку идти, привела къ Ивану царевичу, къ женѣ. Родился у Ивана-царевича сынъ—сдѣлался свѣтъ; по колѣнъ ножки въ золотъ, по локоть ручки въ серебръ, во лбу красно солнце, въ затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды. Истопила бабушка баню, понесла его мыть, взяла съ собою щенка; сѣла на порогъ, ваяла вѣникъ, и вынула изъ него прутикъ, и начала маленькаго сына бить и приговаривать: «Обвернись сѣрымъ волкомъ, побѣдай въ чисто поле полѣсничать!» И взяла щенка, котораго принесла съ собой, надѣла на него рубашки, завернула въ пеленочки, принесла къ Ивану-царевичу и сказала: «Вотъ ваша жена какого ребеночка принесла!» Посмотрѣлъ Иванъ-царевичъ сына своего, осердился и пошелъ къ отцу жаловаться на жену, что обѣщала такихъ сыновей, а принесла щенка. Отецъ съ матерью и съ сыномъ осердились, стали собирать сенодъ, что сдѣлать съ женой, что принесла щенка. Которы говорятъ: «застрѣлить», другіе—«въ землю живую закопать». Одинъ выискался такой, сказалъ: «Первую вину можно простить до другого случая, какого другого принесетъ».

Скоро сказка сказывается, много время минуется. Она съ годъ опять прожила, послала дѣвку за бабушкой; не велѣла первую бабушку звать, велѣла другую авать. Первая бабушка обернулась другой старухой опять и спрашиваетъ: Куда ты, мое дитятко, пошла? «У Ивана-царевича жена хочетъ родить, такъ послала меня за бабушкой». Старуха говорить: «Я и бабушка, я и варварушка, умѣю и поправлю, и поварварить». Позвала дѣвка эту бабушку. Пришла она къ Ивану, къ царевичу, къ женѣ. Родился сынъ

*) Лопать—платье.

такой же, какъ и первый. Истопила баню и понесла его мыть; сама взяла куанеченка, принесла ребятъ, кузнеченка положила на пеленки, а сына царевича на руки взяла, выдернула изъ голика прутикъ и начала бить и приговаривать: «Обвернись, младенецъ, сѣрымъ волкомъ, ступай въ чистое поле полѣсничать!» Онъ убѣжалъ, а кузнеченка завернула въ пеленки и понесла къ Ивану царевичу показать, какого сына жена его принесла. Иванъ царевичъ осердился, пошелъ къ отцу жаловаться; отецъ съ матерью посмотрѣли, тоже осердились. Стали сенодъ собирать; люди присудили: одни разстрѣлывать, другіе въ землю закопать живую. Одинъ выискался такой, что сказалъ: «До третьей вины можно простить, какого третьего принесетъ».

Скоро сказка сказывается, много время минуется. И опять прожили годъ, опять стала жена Ивану-царевича дѣвку посылать за бабушкой и говорить: «Не зови тѣхъ бабушекъ; нужно новую». Пошла дѣвка и встрѣтила на дорогѣ новую старуху. Старуха спрашиваетъ: Куда ты, мое дитятко, пошла? «У Ивана-царевича жена хочетъ родить, надо бабушку». Старуха говоритъ: «Я и бабушка, я и варварушка, учѣю поправить и поварварить». Позвала дѣвка эту бабушку. И пришла бабушка къ Ивану, къ царевичу, къ женѣ, и родился у ней сынъ такой же, какъ и первые два. Истопила бабушка баню и пошла его мыть, а съ собой взяла еще медвѣженка и положила медвѣженка на пеленки, а сына царевича взяла на котѣни, выдернула изъ голика прутикъ, стала его бить и приговаривать: «Обвернись, младенецъ, сѣрымъ волкомъ, побѣгай въ чисто поле полѣсничать». Завернула медвѣженка въ пеленки и показала Ивану-царевичу: «Вотъ какого сына тебѣ жена принесла». Осердился Иванъ-царевичъ и пошелъ къ отцу; посмотрѣлъ отецъ съ матерью, стали сенодъ собирать; одни люди присудили разстрѣлывать, другіе живую въ землю закопать. Выискался одинъ и сказалъ: «Нужно сдѣлать деревянную бочку и надѣть желѣзные обручи, посадить ее въ бочку съ дѣтьми и отпустить по водѣ». Распростилась жена съ мужемъ и дѣти съ отцомъ; посадили ихъ въ бочку, заколотили и отпустили по водѣ. Ставъ въ бочкѣ кузнеченокъ расти не по годамъ и не по днямъ, а по часамъ, выросъ большой и говорить со своей матерью: «Чтобы, мамонька, поднялась такая погода и насъ прибило къ берегу». Вдругъ сдѣлалась большая погода и прибило ихъ къ берегу; слышать, что бочка остановилась. Говорить сынъ съ матерью: «Чтобы, мамонька, сдѣлался жаръ и разоушило бы бочку и спали бы обручи!» И сдѣлался такой жаръ, бочка разохлась и обручи спали. Они вышли изъ бочки на берегъ, захотѣли ѣсть. Ставъ сынъ говорить матери: «Чтобы берега сдѣлались киселемъ, а вода молокомъ!» И дѣйствительно такъ случилось и они наѣлись. И опять сынъ сталъ говорить: «Чтобы у насъ была маленькая избушечка!» И черезъ нѣсколько времени они увидали трехъугольную избушку и стали они жить.

Сынъ и пошелъ въ лѣсъ, взявъ лѣснику и сдѣлалъ ружье; сталъ мать просить: «Сдѣлай мнѣ, мамонька, три колобочка, замѣшай на грудномъ молокѣ». На утро сынъ всталъ, пошелъ стрѣлать, колобочки съ

собой взял. Въ долищѣ стоитъ дуплище; залѣзъ онъ на это дуплище и сѣлъ. Видитъ онъ, бѣгутъ три мальчика; это были тѣ самые, которыхъ его мать родила; на нихъ были изъ прутиковъ на рукахъ вѣнки; они бросили ихъ и стали около дуплища играть. Братъ кузнеченочъ сталъ имъ колобочки бросать, а они его не видятъ и говорятъ: «Откуда это взялись три колобочка на мамонькиномъ молокѣ». Сѣли колобочки, надѣли вѣночки и побѣжали опять волками. Братъ кузнеченочъ слѣзъ съ дуплища и пошелъ домой. Пришелъ домой, мать его спрашиваетъ: «Чего ты видѣлъ и что принесъ»? Сынъ матери сказалъ: «Ничего не видѣлъ и ничего не принесъ».

И сынъ началъ опять просить мать сдѣлать ему такихъ же три колобочка, и утромъ опять отправился на охоту, и опять пришелъ на то самое дуплище и сѣлъ на него. Опять прибѣжали эти три брата и сбросили свои вѣнки, побѣжали играть. Кузнеченочъ началъ имъ колобочки бросать; и какъ онъ ихъ не броситъ, они все найдутъ; и не бѣжали они отъ дуплища сразу все трое, чтобы не потерять свои вѣнки, а кузнеченку хотѣлось ихъ взять себѣ, потому что если эти братья потеряютъ вѣнки, они не будутъ больше волками, а будутъ дѣтьми. Такъ значитъ кузнеченку опять не удалось украсть этихъ вѣнковъ; они ихъ схватили скоро. Когда сѣли колобочки и убѣжали опять въ чистое поле волками. Братъ пошелъ домой; мать снова спросила: «Что видѣлъ, что принесъ»? А онъ сказалъ: «Ничего не видѣлъ, ничего не принесъ». И еще, мамонька, буду я тебя просить въ третій разъ, встань завтра еще раньше и сдѣлай опять три колобочка такихъ же». Мать его спрашиваетъ: Куда ты носишь эти колобочки? и кого кормишь? ничего не носишь и время теряешь! «Я время хоть теряю, самъ себя глаздая»^{*)}. Мать исполнила его третью просьбу и онъ опять ушелъ въ лѣсъ и сѣлъ на это самое дуплище. Опять прибѣжали эти три брата; онъ имъ бросилъ сразу все три колобочка; они все трое бросились за ними искать, а кузнеченочъ въ это время поскорѣе слѣзъ съ дуплища и взялъ себѣ вѣнки, отошелъ немного и началъ смотрѣть, что будетъ съ братьями, когда они прибѣгутъ къ дуплу и не найдутъ вѣнковъ. И онъ услышалъ, какъ они начали охать и говорить: «какъ мы теперь станемъ жить»? А кузнеченочъ воротился и сказалъ имъ: «Не бойтесь! не пугайтесь! пойдите къ намъ! у моей мамоньки есть избушка и еще два моихъ брата—щеночъ и медвѣженочъ; мамонька моя васъ приметъ жить къ себѣ». Братья согласились и пошли. Стали подходить къ избушкѣ, мать издаиска увидѣла, обрадовалась и испугалась, что видитъ своихъ сыновей, но опять не поняла себя; думаетъ, какъ можетъ черезъ столѣе лѣтъ это быть; но когда они пришли въ избушку и кузнеченочъ сталъ просить мать накормить его и этихъ трехъ братьевъ, мать ихъ узнала, и не знала, въ какой уголъ посадить. Кузнеченочъ ей сказалъ, что онъ воротилъ ей ее прежнихъ сыновей. Мать стала спрашивать сыновей своихъ: «Гдѣ вы были и какъ дѣвались»? Они говорятъ: «Ты, мамонька, не помнишь, а намъ гдѣ же помнить; мы были маленькіе». Мать

^{*)} Глаздать себя, разглаздаться—развлечь себя, развлекаться. Ред.

опять спрашиваетъ: «Чѣмъ же вы питались»? А они говорятъ: «Гдѣ мяса клочъ, а гдѣ и пуля въ бокъ». И начала имъ разсказывать, сколько она съ ними горя приняла и разсказала по порядку, какъ ее засадили въ бочку, и какъ плавали и вотъ, наконецъ, тутъ пристали.

Скоро сказка сказывается, много время минуетъся. Они прожили ужъ не одинъ годъ. Вотъ одинъ разъ шли по этому мѣсту люди; они были пророки и удивляются между собой, какъ это прежде тутъ не было никакой избушки, а теперь избушка стоитъ и свѣтъ какой большой, и мѣсяцъ, и солнце. И говорятъ между собой: «Зайдемъ, попросимся, чтобы пустили ночевать, какъ нищіе». Вотъ зашли и стали проситься почевать, а мать говоритъ: Батюшки! Некуда васъ пустить; избушка маленькая, а семья большая; насъ семь человекъ». Они все таки стали просить ради Христа пустить ихъ и она согласилась, пустила ихъ. Зашли нищіе и стали спрашивать у ней, какъ появилась у нихъ избушка; мать разсказала имъ съ начала до конца, какъ было дѣло, а между тѣмъ Иванъ-царевичъ какъ отправилъ свою жену въ бочкѣ по водѣ, такъ женился самъ на дочери бабы Яги Яганишны. Переночевали нищіе; на утро отправились разыскивать Ивана-царевича, чтобы разсказать ему объ его женѣ; такъ же какъ у его жены, выпросились почевать эти нищіе и у Ивана царевича и разсказали ему объ его женѣ. Онъ не повѣрилъ и хотѣлъ самъ ихъ увидать. Нищіе согласились его проводить. Вотъ они поѣхали. Приѣхали въ эту самую избушку, нашли тамъ все то семейство и сталъ Иванъ-царевичъ свою жену упрашивать идти съ нимъ вмѣстѣ жить, но она не соглашалась сначала, зная, что у Ивана-царевича жена—дочь Яги Яганишны. Тогда Иванъ-царевичъ ей сказалъ, что онъ разстрѣляетъ свою вторую жену, то есть дочь бабы Яги, за такой скверный подлогъ со стороны ее матери. Наконецъ, прежняя первая жена Ивана-царевича согласилась съ нимъ идти въ его домъ и когда они пришли домой съ дѣтьми, какъ прежніе мужъ и жена, Иванъ-царевичъ велѣлъ посадить другую свою жену, то есть дочь бабы Яги, на ворота и разстрѣлялъ ее. Баба же Яга ничего не знала о томъ, что дѣлается у Ивана-царевича, пошла въ гости къ зятю и встрѣтила на дорогѣ оторванныя руки и говоритъ: «Славныя грабли зятю сѣно грести!» Увидѣла ноги, говоритъ: «Славныя будутъ пехлы соръ выбрасывать!» Нашла черепъ и говоритъ: «Хорошая будетъ чашка работниковъ кормить!» Потомъ подошла и лицо нашла и тутъ только увидала и узнала, что это ее дочь, заревѣла, побѣжала домой. А Иванъ-царевичъ съ этихъ поръ сталъ хорошо жить. Я тамъ была да видѣла, дали мнѣ блинъ или блинъ, я стала обмѣнѣ; надѣла колпакъ, начали меня толкать.

Мѣстечко Пустынное (фабрика) Чимъевской вол.

60. Воръ Барма.

Жили были два брата; одинъ былъ бѣдный,—у него было три сына; другой былъ богатый и не имѣлъ дѣтей. И говорить бѣдный бога-

тому брату: «Возьми у меня, братъ, большого парня и выучи его воровать». Братъ согласился и повезъ старшаго племянника; доѣхали они до мѣста, которое называется «пустышью». «Ахъ, дядя! говоритъ племянникъ. На этомъ мѣстѣ, еслибъ его пахать, хорошо бы сталъ родиться хлѣбъ!» Дядя ему сказалъ: «Ты не можешь быть воромъ!» и отвезъ его домой. Взялъ второго племянника и повезъ. Доѣхали они до озера; племянникъ говоритъ дядѣ: «Озеро-то, озеро! кабы рыба въ немъ была, вотъ бы добро!» Тогда дядя сказалъ: «Ты тоже будешь не воръ, а добрый домоводчикъ!» и отвезъ домой. Приѣхалъ и взялъ послѣдняго племянника. Поѣхали они, доѣхали до большого бору; племянникъ и говоритъ дядѣ: «Вотъ если бъ лошадей воровать, въ этомъ бору хорошо бы ихъ прятать». Тогда дядя сказалъ: «Ты поѣдешь со мной! будешь, кажется, добрый воръ».

Поѣхали они дальше. Племянникъ и говоритъ дядѣ: «Я, дядя, отрѣжу у тебя почвы отъ сапоговъ?» Дядя спрашиваетъ: какъ же ты отрѣжешь? «А вотъ отрѣжу, да и только!» Доѣхали они до орлиного гнѣзда. Племянникъ говоритъ: «Дядя! говорятъ, орелъ золото въ гнѣздо себѣ таскаетъ». Ну, такъ залѣзай и посмотри! «Нѣтъ, я не полѣзу. Ты, дядя, полѣзай, ты постарше меня, посмѣточнѣе». Дядя полѣзъ, а племянникъ вытащилъ изъ карману ножичекъ и подрѣзалъ у дяди почвы отъ сапоговъ, такъ что дядя и не слышалъ. Вотъ дядя слезилъ на дерево, ничего не нашелъ въ орлиномъ гнѣздѣ; сѣли и поѣхали дальше. Племянникъ спрашиваетъ: «Гдѣ у тебя, дядя, почвы?» Тотъ посмотрѣлъ и тутъ только увидѣлъ, что сапоги у него безъ почевъ, и сказалъ ему: «Слыви ты, племянникъ, воръ Барма!»

Поѣхали дальше они; имъ навстрѣчу ѣдетъ рассеецъ*) и ведетъ вола. Племянникъ говоритъ: «Я, дядя, украду этого вола!» Да какъ же ты его украдешь? «А вотъ украду, увидишь!» Взялъ обѣжалъ рассеица и бросилъ со своей ноги сапогъ. Рассеецъ, увидя сапогъ, сказалъ: «Вотъ сапогъ! и лежить! я бы его взялъ, да другого не будетъ», и пошелъ дальше. Воръ Барма опять его обѣжалъ и бросилъ другой сапогъ. Тогда рассеецъ и говоритъ: «Напрасно я не взялъ того сапога; теперь было бы два». Поднялъ сапогъ и пошелъ, то есть воротился за другимъ, а воръ Барма въ это время отвязалъ вола и увелъ его въ боръ. Рассеецъ вернулся къ телѣгѣ, думалъ, что волъ оторвался и убѣжалъ; видитъ, что на дворѣ не рано, оставилъ до завтра и уѣхалъ домой, а воръ Барма опять и говоритъ дядѣ: «Тебѣ, дядя, не хлебывать шей отъ этого вола». Какъ же такъ? «А вотъ такъ! Сходи-ко, дядя, да принеси воды, будемъ варить». А дядя говоритъ: Ты помоложе меня, сходи! «Нѣтъ, дядя. Я не пойду; еще, пожалуй, заблужусь». Дядя согласился и пошелъ, а племянникъ взялъ палку, давай вола по пучинѣ бить и приговаривать: «Не я вола воровалъ, а дядя вороналъ!» Дядя услыхалъ, думаетъ, что племянника бьютъ, побоялся идти. Племянникъ въ это время сварилъ себѣ шей и наѣлся досыта. На утро дядя припѣлъ и спрашиваетъ пле-

*) Рассеецъ—житель европейской Россіи. Ред.

мянника, кто его такъ сильно билъ, а племянникъ и разсказалъ ему всю правду, какъ онъ провелъ его и одинъ съѣлъ пш.

Потомъ взяли они отъ этого вола, котораго укралъ, голову и воткнули ее въ няшу*). сами уѣхали домой. Рассеѣвъ, когда утромъ пошелъ искать вола, то, увидя его голову въ няшѣ, говоритъ: «Вонъ гдѣ мой быколаюшко потонулъ», и хотѣлъ вытащить; хватилъ голову изо всѣхъ силъ и разумѣется, улетѣлъ и голова осталась у него въ рукахъ.

Село Боровое.

61. Обманутые барыня и баринъ.

Былъ-жилъ хохолъ съ сыномъ и женой. Пошли они молотить, а хохлуша осталась еще на постели. Стала, затопила избушку, и выпалъ изъ дымника кирпичъ къ ней на шестокъ; дурнымъ голосомъ заплакала сама, начала говорить: «Кабы мой сынъ былъ женатый и у сына былъ сынъ и сидѣлъ бы онъ на шесточкѣ, какъ кирпичъ выпалъ, ему бы въ голову и убилъ бы его». Учулъ отецъ съ сыномъ изъ гумна. О чемъ хохлиха дурномадно заревѣла? Бросилъ хохолъ молотить и пошелъ домой провѣдать: что такое дома дѣется? о чемъ хохлиха плачетъ? Начала хохлиха разсказывать мужу, что случилось, приговаривать: «Кабы мой сынъ былъ женатый, а у сына былъ сынъ и сидѣлъ бы онъ на шесточкѣ, какъ кирпичъ выпалъ, ему бы въ голову и убилъ бы его». Онъ сказалъ: «Точно, правда!» И тутъ же и онъ заревѣлъ. Услышалъ ревъ дома хохленокъ, бросилъ молотило и побѣжалъ домой узнать, что дома дѣется? отчего такой ревъ? Начала отецъ съ матерью ему разсказывать, о чемъ у нихъ ревъ произошелъ. Сынъ разгнѣвался на это и сказалъ: «Это неправильно. Не о чемъ тутъ плакать. Не буду я съ вами вѣстѣ жить. Если найду дичѣ васъ, такъ опять приду къ вамъ, а если не найду, то не ждите». Распростился и пошелъ.

Идетъ по городской улицѣ; противъ барскихъ оконъ стоятъ большешулая пестрая свинья съ двѣнадцатью поросятами. Онъ валяется, этотъ хохленокъ, у свиньи въ ногахъ. Увидала барыня. Что такое, молодецъ валяется у нашей свиньи въ ногахъ? Послала кучера узнать, что этому молодцу нужно, что онъ въ ногахъ валяется у свиньи. Кучеръ спросилъ: «Что нужно тебѣ молодецъ?» А онъ сказалъ: «Свинья пестра моя крестна; жениться хочу, ее въ свахи прошу». Кучеръ пришелъ и объявилъ, что слышалъ. Барыня велѣла позвать молодца и спросила у него: «что у тебя лошади свои или нѣтъ?» А онъ, хохленокъ, сказалъ: «сваха не бѣдитъ на жениховыхъ лошадяхъ; нужно ваши». Приказала барыня запречь тройку лошадей и начали свинью наряжать въ свахи везти; связали ее, въ повозку положили; свинья заревѣла. Спрашиваетъ барыня жениха, отчего свинья реветъ. Женихъ отвѣчаетъ: «Нужно дѣтей посадить въ побѣзана». Сейчасъ барыня приказала положить этихъ поросятъ и спрашиваетъ: Что, нужно кучера моего? «Не погнѣвайтесь, барыня, у меня своихъ довольно кучеровъ, на всю свадьбу хватить».

*) Наша — вязкое мѣсто, болото. Ред.

Прѣзжаетъ баринъ и спрашиваетъ: «Гдѣ наша, барыня, свинья»? У свиньи, баринъ, крестникъ прѣзжалъ и въ свахи выпросилъ и поросятъ въ побѣдѣ выпросилъ. «Запрягай, кучеръ, тройку лошадей: настѣгать нужно его». Услыхалъ хохленокъ колокольчики, отворотилъ въ дремучій лѣсъ и зарѣзалъ свинью съ поросятами: вышелъ самъ на дорогу, наложилъ сору, шапкой закрылъ и съѣлъ караулить. Сейчасъ подѣхалъ баринъ и спросилъ: Не видѣлъ ли ты, молодецъ, повозку со свиньей и поросятами? «Видѣлъ, видѣлъ, но тебѣ, баринъ не догнать. Они уѣхали матыни дорогами». Тогда баринъ сказалъ хохленку: «Ты садись, молодецъ, съ нами; можетъ, догонимъ его». Онъ сказалъ: мнѣ нельзя. Надо жаръ-птицу караулить. Такъ вы покараульте, а я съѣзжу, догоню, ворочу; только не выпустите птицы, а то дорого». Они остались караулить, а онъ сказалъ: «Я догнать—догоню, только вы бы надѣли свою одежду на меня, а то они не повѣрятъ». Баринъ согласился и отдалъ свою одежду, а его надѣлъ на себя. Довольный хохленокъ простился и поѣхалъ, а они сѣли караулить жаръ-птицу.

Обратился хохленокъ на этихъ лошадяхъ къ барынѣ: «Барыня, у меня баринъ на свадьбѣ, велѣлъ триста рублей денегъ выдать». Она выдала ему безпрекословно, увидя его въ одеждѣ мужа своего. Баринъ же со своимъ слугой ждали, ждали того молодца, который уѣхалъ на ихъ тройкѣ и въ одеждѣ барина за свиньей, не могли ничего дожидаться. Открыли шапку, не нашли тамъ никакой птицы и догадались,—это тотъ самый и есть молодецъ, который обманулъ ихъ и барыню.

Село Боровское.

62. Строгій зять.

Былъ-жилъ старикъ со старухой; у нихъ былъ сынъ. Они ужъ были люди очень старые; сынъ вышелъ въ годы, и онъ умерли, не успѣли его женить и дали при смерти ему такое благословеніе: «Что если пойдешь или пойдешь свататься, какая тебѣ попадетъ первая дѣвушка, ту и сватайся, и бери за себя. Вотъ тебѣ и благословеніе отъ насъ!» Послѣ ихъ смерти онъ пошелъ свататься въ деревню и попадаетъ ему дѣвушка, гонить телятъ. Онъ переждалъ ее, чтобы узнать, куда она загонитъ телятъ, гдѣ ее домъ. Обратился за ней къ нимъ въ домъ и увидѣлъ, что отецъ ее на улицѣ ходитъ. Поздоровался съ нимъ и спрашиваетъ: «Это ваша дочушка»? Отецъ говоритъ: Наша, наша. «Ну такъ и съ добрымъ словомъ, со сватаньемъ». Отецъ говоритъ: «Я бы ее за тебя отдалъ, да тебѣ съ ней не пособиться. Ты сирота, цувать ее будетъ некому, а она насъ не боится и не слушаетъ». Женихъ отвѣчаетъ отцу: «Мнѣ батюшко и матушка дали такое благословеніе, такъ тутъ будетъ мое счастье и несчастіе». Послѣ этого высваталъ эту дѣвушку и увезъ. Сдѣлали свадьбу. Послѣ свадьбы женихъ запустилъ кошку и пѣтуха подъ кровать, потомъ подъ постелю положилъ топоръ. Кошка замыкала, попросилась на улицу, женихъ закричалъ на нее: «Кошка! пе-

перестать мяукать! другого слова не ждать!»! А она не слушает его, одно свое, что мяукаетъ. Онъ вынулъ топоръ изъ-подъ постели и отсѣкъ у кошки голову, выбросилъ на улицу. Подъ утро пѣтухъ началъ пѣть; онъ ему началъ говорить: «Съ перваго слова перестать!»! Но пѣтухъ не послушалъ и пропѣлъ три раза; взялъ мужъ топоръ и отсѣкъ голову пѣтуху и выбросилъ на улицу. Пришло время—утро—хозяйка вставать. Онъ говоритъ: «Время, хозяйкина, вставать, пострапать и отца съ матерью позвать». Хозяйка соскочила съ перваго слова, затопала избу и какъ слѣдуетъ настряпала; самъ мужъ выскакиваетъ на улицу, запрягаетъ въ телѣженку худеньку лошадедку о три ноженки, а она глядитъ въ окно и говоритъ сама съ собой: «Если своей нѣту телѣги и лошади—на первый разъ нужно получше—нужно сходить въ люди и выпросить; молодыхъ, вѣдь, люди придутъ смотреть». Вотъ кладетъ ей мужъ въ телѣгу сѣна и кладетъ за опояску топоръ, а она ему и говоритъ: «Если берутъ топоръ для осторожности, то кладутъ его въ телѣгу, а не за опояску». Поѣхали они.

Отѣхали съ полверсты, споткнулась его лошадь. Мужъ ее и говоритъ: «Перестать съ перваго слова, лошадь, спотыкаться; другого не ждать». Бѣжала, бѣжала, опять во второй разъ споткнулась и въ третій споткнулась. Не доѣзжая до ихъ дому одни тоны, онъ осердился на лошадь и отсѣкъ у ней голову и говоритъ жень: Вытаскивай кобылу изъ оглобеля, снимай хомутъ и надѣвай на себя, запрягайся въ оглобли!»! Жена исполнила сразу приказаніе; запретъ жену, сѣлъ и поѣхалъ. Мать изъ окна, его теща, увидѣла, что зять ея ѣдетъ, а дочь въ оглобляхъ и побѣжала пособлять дочери тащить, а зять сидитъ и посвистываетъ. Затащили телѣгу подъ крышу, чтобы люди не увидѣли, а жену велѣлъ выпрячь и поставить, къ столбу привязать, чтобы съ жару не напоятъ, а потомъ началъ ихъ зять кланяться: «Милости просимъ, тещанекъ, тещинька, на пироги къ намъ, на бесѣду!»! Потомъ начала теща своего хозяина просить: Дай ты ему свою телѣгу и лошаду, будетъ ему на нашей дочери ѣздить». Отецъ подарилъ. Запрягли лошадь и уѣхалъ зять домой съ своей женой, а они, то есть ихъ родители, пріѣхали послѣ. Сначала пришла одна теща, а тестъ еще отсталъ; зять встрѣтилъ тещу хорошо и побѣжалъ будто бы за виномъ, а самъ сталъ за двери. Мать начала спрашивать у своей дочери безъ зятя: Какова тебѣ, дитятко, жизнь? «Мамонька, жизнь мнѣ худая; съ перваго слова все дѣлай, другого не жди». А она говоритъ: «Будь онъ проклятъ, какой да онъ злой!»! Зять выскочилъ изъ-за двери и говоритъ: Ахъ ты, злая вѣдьма, иди и запрягайся,—я на тебѣ огорода спашу. «Мамонька, запрягайся, говоритъ дочь. Съ перваго слова иди, другого не жди, а то голову отсѣкеть». Исполнила теща свою работу и дуи домой, а тестя все еще нѣтъ; она съ нимъ не встрѣтилась.

Вотъ пріѣхалъ тестъ къ зятю. Встрѣчаютъ его хорошо и посадили на лавочку, а зять опять какъ будто пошелъ за виномъ, а самъ сталъ за двери и началъ слушать, что будетъ говорить дочь съ отцомъ. Отецъ спрашиваетъ: «Какова тебѣ, дитятко, жизнь»? Не дай Богъ, тя-

тенька! Жизнь моя худая; съ первого слова все дѣлай и на мамонькѣ мужъ огородъ спыхалъ. «Ну, какъ такъ? нужно было и заборонить еще!» И говорить ей: «Дитятко! слушай своего хозяина съ первого слова; старшихъ у васъ нѣту»... Услыхалъ зять эти слова, побѣжалъ за водой, принесъ полведра и началъ отъ души угощать своего тестя. Погуляли они, повеселились и тесть благословилъ зятю другую лошадь и взялъ зять, налилъ тестю боченокъ водки, привязалъ на крыльца и отправилъ его домой. Тогда какъ увидѣла своего мужа и говоритъ: Вотъ, дѣти мои, зять на мнѣ спыхалъ огородъ, а на моемъ мужѣ заборонилъ. Видите, какъ онъ бѣжить!»! Думаетъ, что онъ бѣжить въ хомутъ, а у него привязанъ, между тѣмъ, боченокъ съ виномъ и онопояска болтается. Мужъ ея, какъ пришелъ, началъ хвалить, какъ зять угощалъ и ругать свою жену, что она учить не хорошо свою дочь. Нужно учить, чтобы мужа слушалась, и добрая мать не должна ругать зятя въ глазахъ дочери. А вотъ теперь ты, можетъ, научилась, говорить мужъ, какъ зять на тебѣ огородъ спыхалъ.

Село Боровское.

63. Чудо Николая Святителя.

Жили были четыре брата, всѣ они были женаты и жили въ одномъ домѣ; одинъ братъ померъ, отъ него остался сынъ. (Одинъ разъ братья собрались въ дорогу и маленькій племянникъ сталъ съ ними проситься. Они говорятъ: «Куда еще и тебя брать въ дорогу? дома поедишь»! А онъ за ними погнался; идетъ и плачетъ; къ нему навстрѣчу идетъ старичекъ и спрашиваетъ: «Куда идешь, Иванъ, крестьянскій сынъ? о чемъ плачешь»? А онъ говоритъ: Вотъ дяди мои поѣхали въ дорогу, не берутъ меня съ собой. Кабы тятенька былъ, онъ бы повезъ. Мнѣ тоже хочется людей посмотреть и себя показать». Старикъ на это ему сказалъ: Если хочешь, я тебя доведу. «Ну, если милость будетъ, такъ доведи», сказалъ мальчикъ. Они пошли.

Старикъ этотъ былъ Никола святитель. Они пришли пѣшкомъ въ городъ въ то же самое время, какъ братья пріѣхали на лошадяхъ. Въ этомъ городѣ у царя умерла дочь; только дочь эта какъ лежала въ гробницѣ, такъ каждую ночь вставала до пѣтуховъ и ѣла все, что попало: мышей, кротовъ и даже людей, которые караулили ее, и вотъ когда пріѣзжали въ городъ новые люди, ихъ и поряжали караулить. Такъ вотъ, когда эти братья пріѣхали, ихъ поочередно начали заставлять караулить, а братья ужъ знали объ этомъ чудѣ о царевнѣ. Они взяли и стали посылать своего племянника и давали ему за одну ночь триста рублей. Они думали, чтобы царевна и его съѣла; имъ не надо его было въ семьѣ; они были люди богатые, имъ не хотѣлось дать надѣлку изъ своего богатства своему племяннику, и они его посылали. И старикъ, который довелъ его до города, научилъ его, что дѣлать: «Вотъ возьми эту кнужку»! и купилъ ему три фунта изюму и

сказалъ: «Читай эту книжку, не оглядывайся, а самъ бросай изюмъ черезъ плечо; царевна будетъ собирать и какъ пѣтухи на утро пропоютъ, она ляжетъ въ гробницу, тебя не задѣнетъ!» Дѣйствительно, когда на утро пришли царевну провождать, онъ удивился, что мальчикъ остался живой; между тѣмъ всѣхъ остальныхъ она прѣдала.

На другую ночь нужно было посылать другого брата и тотъ тоже нанялъ своего племянника за триста рублей, думая, что хоть въ эту ночь царевна его съѣстъ. Мальчикъ согласился и опять поступилъ также, какъ и въ первую ночь, и опять остался живъ. И за третьяго дядю онъ тоже караулил ночь. Наконецъ, пришла самая страшная ночь, въ которую онъ долженъ былъ караулить за себя. Старикъ Николай святитель опять его научилъ, что дѣлать: «Возьми ты теперь восемь фунтовъ изюму и бросай черезъ плечо цѣлыми горстями, а самъ читай книгу, не обвораживайся; и вотъ возьми отъ меня крестикъ, очерти имъ кругъ; когда царевна его будетъ обходить, ты возьми и надѣнь на нее этотъ крестъ, но не оплошай, чтобы она не вывернулась, иначе будетъ тебѣ плохо». Мальчикъ отправился караулить царевну четвертую ночь; и ему досталось очень трудно въ эту ночь; онъ едва успѣвалъ бросать горсти изюму, какъ она ихъ сейчасъ же съѣдала. Около того времени, какъ запѣть пѣтухамъ, онъ вдругъ крестомъ кругъ и когда она стала его обходить, успѣлъ во время надѣть на нее крестъ, отъ котораго царевна не могла уже освободиться. Скоро запѣлъ пѣтухъ и она ожила. Когда утромъ пришелъ царь и его слуги провождать царевну, то съ ужасомъ увидѣли, что не только мальчикъ, но и сама царевна стала живою. Тогда царь сказалъ мальчику: «Вѣрно, тутъ твоя судьба; бери мою дочь, замужъ за себя!» Скоро послѣ этого они сдѣлали свадьбу и уѣхали въ ту деревню, въ которой жилъ мальчикъ прежде.

Прожили они нѣсколько времени. Приходить къ нимъ однажды тотъ самый старичекъ, который его училъ, какъ царевну караулить, и говорить: «Ну, я тебя училъ, какъ царевну караулить; теперь я пришелъ жену твою дѣлать. Разсыземъ ее моноламъ и возьмемъ къ полювникъ». Жаль мужу стало своей жены, — она была красавица, и говоритъ онъ старику (онъ не зналъ, что старикъ былъ Николай святитель): «Возьми все мое богатство и тотъ надѣлокъ, который мнѣ послѣдуетъ отъ моихъ дѣдей». Но старикъ не согласился, ваялъ и разсѣкъ его жену. И вдругъ изъ царевны пошла крота, мыши и все, что она ѣла; потомъ изъ нея пошла чистая крова, и она соединилась, ожила. Тогда старикъ сказалъ: «Теперь ты возьми все себѣ и живи на здоровье. Я свое взялъ, мнѣ больше ничего не нужно». Они распростились. И зажили они съ тихихъ поръ счастливо и хорошо. Я такъ была, медъ пила; но усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Деревня Ваица.

64. Домна ворожейна.

Жили были старикъ со старухой. Они были люди бѣдные; не было чего имъ ѣсть и заработать сами не могли. Старикъ и говоритъ: Оту куда же мы, старуха, возьмемъ хлѣба? «А вотъ поди, старикъ, украдь у кого нибудь сошники и спрячь ихъ!» Старикъ пошелъ, укралъ сошники и зарылъ ихъ въ наземъ*), сообщилъ объ этомъ старухѣ. Хозяева, которые потеряли сошники, пошли ворожить къ этой старухѣ, а ее звали Домна ворожейка: «Матушка Домнушка, поворожи намъ, мы потеряли сошники, не знаемъ, гдѣ ихъ взять». Старуха поворожила и сказала: «А вотъ тамъ они зарыты въ наземъ», и выворожила себѣ за это пудъ муки. Случилось такъ; одинъ купецъ потерялъ товаръ; они услышали, что есть Домна ворожейка, пошли къ ней просить поворожить, а передъ этимъ купцомъ у Домны ворожейки были тѣ самые люди, которые украли у купца товаръ и говорятъ: «Матушка, Домнушка, не сказывай, что мы украли товаръ. Вотъ на тебѣ тысячу рублей. Мы его положили, спрятали между кладями». А Домнѣ только это и надо было. Теперь она знала, кто укралъ товаръ и гдѣ товаръ лежитъ. Не трудно было купцу выворожить. Она поворожила купцу, рассказала ему, гдѣ товаръ; купецъ нашелъ свой товаръ и далъ ворожейкѣ сто рублей.

Случилось опять: Царь потерялъ перстень, когда мылся въ банѣ; услышалъ, что есть хорошая ворожейка Домна, пошелъ за ней. Испугался тогда старикъ, думаетъ: «Увезутъ мою старуху и казнить,—вѣдь она ничего не умѣетъ ворожить». Приѣхала старуха и говоритъ про себя: «Залетѣла ворона въ высоки хоромы». А у царя была тогда варена ворона, они и думаютъ, что старуха узнала объ этомъ; взяли перемѣнили, вмѣсто вороны сварили пигаку, посадили старуху за столъ и стали угощать. А она и говоритъ; «Ѣства за Ѣствой все пигаличье!» Люди опять подумали, что она и это узнала, что пигака сварена, и не подали ее. Она вышла изъ-за стола и говоритъ: «Что будетъ завтра спинѣ, то и хребту». А у нихъ были люди Спиря и Петро, которые украли перстень. Они и подумали, что старуха знаетъ, что они украли перстень и стали ее просить. «Матушка, ворожейка, не говори, что мы украли перстень!» А старухѣ только того и надо было. Она имъ сказала: «Вы возьмите и скормите этотъ перстень лебеди». Они такъ и сдѣлали. Старуха стала по утру, давай ворожить, выворожила и сказала: «Перстень у лебедя». Тогда лебедя закололи и нашли тамъ перстень. Царь приказалъ запретъ лошадей и отвезти Домну домой. «Накладите яицъ,—узнаетъ она это или нѣтъ?» Старуха стала садиться въ экипажъ и говоритъ: «Ровно курица на яйца садится!» Тогда они взяли выложили яйца и положили ей злата, серебра и отправили домой. Старикъ обрадовался, что старуха его приѣхала жива.

Село Боровое.

*) Наземъ—навозъ. Ред.

VIII.

ПОБЫВАЛЬЩИКИ, ЗАГОВОРЫ, ЗАГАДКИ, ПО-
СЛОВИЦЫ, ПРИСКАЗКИ.

Побывальщинки.

Записаны А. В. Жилинской въ Курганскомъ у. Тобольской губ.

I.

Жили-были два родные брата. Одинъ былъ богатый—имѣлъ скота порядочно, имѣлъ жену и сына Ивана; другой братъ былъ бѣдный—скота не было у него никакого, а жили тоже втроемъ, самихъ двое, да еще дочь. Сдѣлался въ этой деревнѣ упадокъ скота и у богатаго брата вывалился весь скотъ, осталась одна послѣдняя скотина и та была чуть живая: онъ не сталъ дожидаться пока корова совсѣмъ пропадетъ, взялъ и свезъ ее за деревню и вывалилъ на наземъ полуживую. Дочь бѣднаго брата, увидѣвъ эту корову еще живую, пришла къ отцу и говорить: «тятенька, нашъ дядя выбросилъ корову на навозъ и она еще живая, пойдемъ и возьмемъ ее, можетъ, на наше счастье, она и оживетъ». Отецъ послушался дочери—привезли корову, купили сѣна; коровушка, на ихъ счастье, ожила и стала поправляться. Богатый братъ, увидя свою корову у бѣднаго брата, сталъ ее отбирать,—это, говоритъ, моя корова, вамъ она не можетъ достаться. Бѣдные люди не стали отдавать, говоря: «вѣдь, ты ее бросилъ на наземъ, какъ ненужное, пропащее животное, а мы подобрали на свое счастье и отводились съ нею, стали ее кормить, она поправилась и стала хорошей коровой; такъ ты теперь вздумалъ отбирать—не отдадимъ тебѣ ее». Дѣло затянулось и дошло до суда. На судѣ чиновникъ такъ присудилъ: «отгадайте мнѣ загадку, кто на свѣтѣ всего милѣе, жирнѣе и быстрѣе. Кто изъ васъ отгадаетъ, того и корова». Братья пошли домой. Богатый рассказалъ своей женѣ и стали они думать, что на свѣтѣ всего милѣе, жирнѣе и быстрѣе. Жена говорить мужу: «да что же есть на свѣтѣ милѣе нашего Ванюшки»? Мужъ опять говорить: «а что же есть на свѣтѣ жирнѣе нашего борова»? Наконецъ, и сынъ ихъ Иванъ тоже придумалъ: «а вѣдь на свѣтѣ быстрѣе нашего воронка, поди, и вѣту». И были они очень рады, что разгадали загадку. Бѣдный братъ пришелъ домой и тоже рассказалъ своимъ женѣ и дочери загадку чиновника и стали они думать. Наконецъ, дочь говорить: «вотъ, тятенька, я тебѣ скажу—милѣе всего на свѣтѣ сонъ, жирнѣе всего на свѣтѣ земля, а быстрѣе дума или мысль». На утро братья пошли къ чиновнику и каждый по своему рассказалъ загадку. Чиновникъ досыта посмѣялся надъ богатымъ, а бѣдному отдалъ корову и поѣхалъ самъ къ нему посмотреть дочь. Увидя дочь бѣднаго мужика, онъ ей сказалъ: «вотъ, дѣвушка, я подарю тебѣ еще быка и ты мнѣ наколи отъ него въ зиму пять пудовъ масла». Дѣвушка сообразила и говорить: «вотъ я тебѣ дамъ этотъ прутикъ, ты мнѣ сдѣлай изъ него красна, я буду ткать». Чиновникъ расхваливалъ дѣвушку, простился и уѣхалъ, а бѣдные люди остались жить счастливы и довольны.

Запис. въ с. Боровляинскомъ.

II*).

Жила-была мать съ дочерью. Дочь была слѣпая, а матери хотѣлось выдать ее замужъ. Вотъ они обѣ сговорились и стали придумывать, —знали, что вечеромъ придетъ женихъ съ отцомъ свататься. Взяли воткнули иголку въ стѣну, а другую положили на полъ подъ столъ. Мать слѣла за столъ шить, а дочь сидѣла на печкѣ. Вечеромъ пришелъ женихъ съ отцомъ, поздоровались, сѣли и начали говорить о домашности; вдругъ мать уронила иголку, начала ее искать и, будто не можетъ найти, говорить дочери: «дѣвка, поници-ко иголку, ты помоложе меня, я ужъ нынѣ худо вижу». Дочь сейчасъ же соскочила съ печи, нашла иглу и подала матери, сама опять ушла на печь; немного посидѣла и говорить: «ой, мамонька, и въ стѣнѣ тугъ у тебя игла, вездѣ иглы». Мать говоритъ: «да какъ ты все видишь, дитятко, христовы твои глазоньки». А женихъ съ отцомъ ранѣе слышали, что дочь этой матери слѣпая; между тѣмъ дѣвушка была умная и хорошенькая, только слѣпая—пришли удостовериться сами, и когда увидѣли, что она съ печи даже иголки видитъ и поднимаетъ, начали свататься и мать начала ее отдавать,—въ этотъ вечеръ она ее и просватала. На другой день женихъ опять идетъ въ гости. Невѣста, увидя его, пошла встрѣчать и когда нужно было отворить двери въ домъ, невеста не могла найти скобы у дверей, и тугъ только женихъ увидѣлъ, что его невеста слѣпая, не сталъ ходить къ нимъ и свадьба разохлась.

Запис. въ с. Боровлянскомъ.

III.

Пришелъ одинъ разъ къ батькѣ цыганъ и сталъ просить: «батьа, найми меня сѣно косить; я тебѣ въ день сотню накошу—я какъ гопну, такъ и конну». Батьа согласился. Взяли цыганъ съ его работникомъ хлѣба и поѣхали косить; пріѣхали косить, а сами легли спать—до обѣда проспали. Съ обѣда встали и накосили копенъ лятокъ. Работникъ и говорить цыгану: «какъ мы теперь поѣдемъ домой, чево скажемъ папашѣ, накосили мало». Цыганъ говоритъ: «ты ужъ меня не учи, я самъ скажу, чево надо; ты только говори, что много накосили, копенъ сотню». Пріѣхали домой, батьа спрашиваетъ работника: «что, много накосили»?—А вотъ, копенъ сотню свалили. И вотъ цыганъ давай просить у попа за работу мяса, масла, хлѣба, сметаны и всего; попросилъ, наконецъ, сала, а попъ сала и не далъ ему. Цыганъ и говорить: «ну, батьа, отъ сала у тебя вся трава встанетъ» и самъ уѣхалъ. Попъ поѣхалъ смотреть траву съ работникомъ. Пріѣхали, видятъ, что трава вся стоитъ. И

*) Эта побывальщина представляетъ вариантъ напечатанной на стран. 40 изъ отдѣлѣ сказокъ изъ Казачинской вол. побывальщины подъ заглавіемъ «Слѣпая невеста».

Ред.

говорить батя работнику: «правду цыганъ сказалъ, что отъ сала вся трава станетъ; нужно было цыгану дать и сала, мы сами оплошали.

Запис. въ Марайской вол.

IV*).

У одной старухи было три дочери—онѣ были вѣмты (т. е. худо говорили). Матери сказали, что за нихъ прѣдетъ свататься женихъ; она имъ велѣла сѣсть на печку и ничего не говорить. Пришелъ женихъ въ избу и поздоровался, а онѣ молчать. На шесткѣ у нихъ стояла каша въ кринкѣ. Вдругъ кошка вскочила на шестокъ и съѣла пѣнку съ кашею. Старшая сестра закричала: «бѣсь ты, будь ты пѣськѣта, съ кавды вынду пенду съѣшь». А вторая говоритъ: «мамка-то говоить-то не всея». А третья: «я умница дѣуска, на ни печкѣ сѣжу, ничего не голелю». Женихъ-то испугался, да и бѣжать.

Запис. въ Тобольскѣ.

Заговоры.

Собраны и записаны А. В. Жилинской въ селѣ Боровомъ-Карачты, Блѣзерской вол., Курганскаго у., Тобольской губ.

1. Заговоръ отъ зми.

Стану я, рабица Орина, благословесь, пойду перекрестесь, изъ дверей во двори, изъ воротъ въ ворота, востокъ въ восточну сторону, подь красно солнце, подь свѣтелъ мѣсяцъ, подь дуву Господню; подь луной подь Господней стоять столбъ булатной, у столба корни булатны и сучьи булатны, листья булатны и весь стебель булатной. Подь столбомъ стоитъ царь булатной, у царя ноги булатны и руки булатны, волосы булатны, носъ булатной, ротъ булатной, и весь царь булатной, и держитъ стрѣлку булатну. И я, рабица Орина, пойду поближе поклонюсь пониже: и во еси ты, батюшко, царь булатной, возьми стрѣлку булатну и стрѣлай-выстрѣливай у рабы божьи, у коровушки у черныя, и притки, уроки и злые прикосы, щепоту, ломоту; у рабы божьи, у черны коровушки, въ мягкимъ тѣлѣ, въ бѣлой костѣ и въ синихъ жилахъ не было бы щепоты и ломоты и во днѣ при солнышкѣ, и ночѣ при мѣсяцѣ, при утренней зарѣ Маріѣ, при вечерней Маримьянѣ, и не было бы щепоты и ломоты. Полетай эта стрѣлка въ чистое поле, гдѣ пѣтухи не поюгъ и собаки не лаютъ, къ старому хозяину подь пятую жилу отъ инѣ до вѣку, въ вѣкъ, по вѣки, съ вѣтру пришло и на вѣтеръ поди. Откуда пришло, туды и поди.

*) Вариантъ на стр. 40, «Сестры-невесты». — Ред.

2. Заговоръ отъ зѣи.

(Говорится на скорую руку, три раза).

Змѣя-змѣюша, у тѣ въ морѣ вода, а у меня въ ротѣ вода и отъ нѣ до вѣку, и въ вѣкъ, и по вѣки.

(Проговоривъ эти слова, три раза плюнуть).

3. Заговоръ отъ уроковъ.

Стану я, рабица (имя), благословесь, пойду перекрестесь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, востокъ въ восточную сторону, подъ красно солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ луну Господню, подъ часты звѣзды и подъ Кіянъ-святое море; на Кіянъ-святомъ морѣ стоятъ святой островъ, стоитъ мать божія церква, въ той церквѣ стоитъ златъ престолъ, на томъ престолѣ сидитъ мать пресвятая богородица со всема ангелами, со всема со архангелами, со своею силою небесною, Иванъ-Предтечей, Иванъ Богословъ, Иванъ Златоустъ, все отцы пророки молитъ бога о насъ, Михаилъ архангелъ, Воскресеніе свѣтло Христово, Никола святитель батюшко, Пантелеимонъ многомилостивой, пособите, помогите и смойте, сполочите и утолите скорби и боли, худобы и родимцы, страхи-переполохи, страсти и боясти, уроки-призоры, щепоты, ломоты, худобяще, озвище, 12 родимцевъ, 12 худобищовъ, бросучіе, ломучіе, тягучіе, разсыпные изъ бѣлаго тѣла, съ ретивого сердца, отъ чернаго, отъ чермнаго, отъ двоезубаго, отъ троезубаго, отъ бабы самокрутки, отъ дѣвки пуствоволоски, отъ отцовы думы, отъ материнаго помышленія, отъ встрѣчнаго-поперечнаго, отъ двоеженаго, отъ троеженаго, не одумывался бы, не огадывался рабъ божій (имя рекъ) во днѣ при солнышкѣ, въ ночь при мѣсяцѣ, при утренней зарѣ Маріѣ, при вечерней Мариміанѣ. Пришли, Господи, сну и росту, божіей милости, спокую и угомону, и добраго здоровья. Которы меня слова ученикъ училъ и позабылъ, которо я самъ позабылъ и будьте за едино и за окупно, и пойду я въ сине море щука-калуга, бѣла рыбаца, мѣдны зубы, желѣзны зубы. схватить и сглотить все эти скорби и боли, худобы и родимцы и унести въ сине море, подъ златой камень,—не будетъ имъ не выходу, не выѣзду отъ роду, отъ росту отростелей отъ нѣ до вѣку, въ вѣкъ, по вѣки. Будьте мои слова крѣпки и лѣпки, и крѣпче камню, крѣпче булату.

4. Заговоръ отъ зубовъ.

Ты, мѣсяцъ молодой; молодой, у тѣ рогъ золотой. Золотой былъ у папы римскаго,—у него зубы не болятъ. Не болятъ у рабы, у рабицы Антонины, въ вѣкъ, по вѣки бы не болѣли отъ нѣ до вѣку.

(Нужно три раза выходить, когда молодой мѣсяцъ, три раза говорить и, сказавши, три раза плюнуть).

5. Заговоръ при ловлѣ волковъ капканами.

Господи Иисусе, Христе Сыне Божій, помилуй насъ! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Господи, меня благослови, раба Петра, становлю я дѣльные ловушки, желѣзные капканы, на пути-на дорогѣ, на звѣриныя тропы, бѣжали бы-скакали со всѣхъ четырехъ сторонъ; въ первую сторону въ восточну, въ другую—доленную, въ третью—сѣверную, въ четвертую—западную; со всѣхъ четырехъ сторонъ ступайте всѣми четырьмя ногами, безъотпивно, безъ-отворотно, безхитростно. безъурочно; рысачіе звѣри не урочтись, не при-зортесь, Егорьевы собаки, меня раба промышленника.

6. Заговоръ, когда увидишь волна въ капканѣ.

Не тотъ попалъ, не тебя богъ далъ, чуръ мои первыя глупыя думы, дикія завидости, чужіи, свои и товарищевы: не радуйся, не играй, кровь моя, ретивое сердце.

7. Заговоръ при томъ же случаѣ.

Егорьева собака, я тебя не урочу, рабъ божій Петръ; какъ Лотова жена, путемъ-дорогой шла, назадъ оглянулась, остолбѣла, и ты, рысачій звѣрь, Егорьева собака, не было бы тебѣ не ходу, не шагу—ни четверти, дожидайся меня, промышленника.

8. Заговоръ отъ встрѣчнаго, если идетъ со звѣремъ.

Встрѣчному-поперечному, завидяшему-заглядишему, въ одинъ глазъ соли, въ другой—песку.

9. Заговоръ, когда идутъ ставить ловушки на звѣря или птицу.

Стану я, рабъ божій, благословесь, пойду перекрестесь, изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, въ востокъ-въ восточну сторону, подъ красно солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, на красно крыльцо; нѣбомъ закроюсь, къ синему морю, къ Кіану, середь кіянова моря стоитъ божія перковъ храмъ господень. Идутъ народъ божій въ храмъ господень; въ этимъ храмъ стоитъ златъ престолъ, на тѣмъ престолѣ сидитъ самъ Господь, Мать Пресвята Богородица, со ангелами, со архангелами. Прохожу я близко, покорюсь и помолюсь Пресвятой Богородицѣ—закрой меня, защити; не сей день господень приносила возлюбленнаго сына, закрывала въ свои вѣтѣнныя ризы, берегла отъ вѣтру, отъ вихорю. Я покорюсь и помо-

люсь, никто бы меня не покастилъ, не хмостилъ, не изводилъ; кто меня, раба божія, изведеть, тотъ кровью изойдетъ. Я тебя прошу. Егорій храбрый, грозный воевода, станови колдуну, колдунѣ—три пожа въ сердце, щипило бы его, ломило, зубы вонъ воротило, въ вѣкъ по вѣки, отъ пня до вѣку; однако меня никто не можетъ ни изурочить, не опризорить. Запру я, замкну свои уста тридевяти ключемъ, тридевяти замкамъ; снесу я свои переговоры въ Кіянть—море, положу ключи и замки спущу въ Кіянть—море, подъ бѣлый горячъ-камень; однако, никому меня раба божія ни изурочить, не опризорить въ вѣкъ по вѣки отъ пня до вѣку.

Загадки.

1. Я пекла тетвоно, бѣжала татвоно, я хотѣла темотымъ, а она подтотвоно,—и баба ничего не сдѣлала.

Объясненіе: Пекла баба блины, бѣжала мышь; она хотѣла ее скородникомъ ударить, но мышь подъ печку убѣжала; баба мышь не убила, да и блинъ то сожгла.

Запис. Ест. Вас. Адриановой въ Тобольскѣ.

2. У мыкала четыре у жоржи двѣ. (Лошадь и корова).

3. Елифанъ, ты Елифанъ, отдыхай да пехай. (Надѣвать сапоги).

4. Хожу я по матухѣ, загляну я въ рогатуху, въ рогатухѣ нетопырь.

(Хожу по кухнѣ, загляну въ печь, въ печи горшокъ).

Запис. ею же въ с. Боровскомъ, Курган. у.

Пословицы.

Записанныя А. А. Макаренко въ Казачинской волости Енисейск. губ.

Горькому Кузенькѣ горькія пѣсенки.

Гляди въ оба, въ полтора не мода.

Той же свиный мясо.

Записанныя г-жей Жилинской въ Курганск. уездѣ Тобольской губ.

Миленькій атласъ, не бывать отъ насъ.

Это не въ селѣ, а въ себѣ.

Правда глаза колетъ.

Если бъ не бы и не да, всѣ бы были господа.

Волось всему голосъ: не бывать бы голосу, еслибъ не волосы.

Нанялась въ мужъ, такъ будь дюжъ.

Безъ меня меня женили, я на мельницѣ былъ.

Мимо рта суется, а не могу сказать.

Манюшку манять, города сулять, а выманять и подгородковъ нѣтъ.

Не прибавить, такъ не побаять.

Богъ съ вамъ со шамъ, я и на капустѣ пробьюсь.

Богъ помочь въ окошко; управилась со всѣмъ; а не съ чѣмъ пирога, одинъ творогъ.

Поговорна. Благодарю за хлѣбъ за соль, за щи спляшемъ, за столъ и скамейку, за всю вашу семейку.

(Запис. 1. Макаренко въ Енис. губ. отъ О. К.)

Присказки (Запис. А. А. Макаренко въ Енис. губ.)

Живаль, бываль, на босу ногу топоръ надѣваль, топорщикомъ подпоясывался, лыко за поясъ затыкаль. Это не сказка, а присказка.

Отъ сивка-бурка, отъ вѣщаго каурка, отъ поросенка наступчатого, отъ курочки иноходовой. Это не сказка, а присказка.

Алексѣй Мысовской изъ дер. Мысы.

Присказки при дѣлѣ дѣтей на партіи для игръ.

(Записано Г. Н. Потанинымъ).

Первичики, другичики

Убили голубичики

По кусту, по насту

По дереву горасту

.....

Плыла пѣна изъ-за моря

Стали пѣну бить, колотить

Вызыпрашивати:

Кто васъ боля? кто васъ меня?

Царь, царица каменица!

Стульчикъ, мальчикъ—

Будь король!

(Бійскъ, отъ В. А. Палкина).

Первичики, другичики.

На голубѣ, на жолубѣ,

Ставка, пленка.

Сучекъ, обручекъ!

Заяць—мѣсяць

Вырвалъ травку,

Положилъ на лавку.

Кто взялъ, тотъ Туръ-король!

(4-й Акишинскій ст. въ Забайкал. обл.,
запис. отъ казака Кукулина)

ІХ.

П Ъ С Н И,

собранныя въ разныхъ деревняхъ Енисейской,
Томской и Тобольской губерній.

100

*1. Пѣсни, собранныя Н. А. Адриановой отъ крестьянокъ
с. Шилинскаго, Красноярскаго у., Енисейской губ.*

Хороводныя.

№ 1.

На горѣ было въ большомъ лѣгу
Того бѣтъ, того менѣ девятиль-
ничку*).

Меня мамонька журить, бранить;
Восударыня, учи глѣ себя,
Не отдай, мати-сударыня, за ста-
раго замужь,

Ты отдай меня за ровнюшку.
У стара мужа кроватка тесова,
Что у молода молодчика—три жер-
дочки.

Не хочу спать на кроваткѣ тесовой.
Я могу проспать на трехъ жердоч-
кахъ.

Меня мамонька журить, бранить;
Восударыня, учи глѣ себя,
Не отдай, мати, за стараго за-
мужь,

Ты отдай, мати, за ровнюшку.
У стара мужа перина перова,
А у молода молодчика солома аржана.
Не хочу я спать на перинѣ пуховой,
Я могу проспать на соломѣ аржаной.

Меня мамонька журить, бранить
и т. д.

У стара мужа подушки пуховы.
А у молода молодчика каменья
древяны.

Не хочу я спать на подушкѣ пу-
ховой,

Я могу проспать на каменьяхъ
древяныхъ.

Меня мамонька журить, бранить
и т. д.

У стара мужа пшенишны пироги,
А у молода молодчика таловы батоги.

Не хочу я ѣсть пшенишныхъ пи-
роговъ,
Я могу стерпѣть отъ таловыхъ ба-
тоговъ.

Меня мамонька журить, бранить
и т. д.

У стара мужа сосновая клѣтъ,
А у молода молодчика ременная
плеть.

Не хочу я жить въ сосновой клѣтъ,
Я могу стерпѣть ременную плеть.

Эта пѣсня поется при игрѣ въ
«девятитьничекъ». Игра состоитъ
въ томъ, что восемь дѣвушекъ сна-
чала ходятъ парами по горницѣ, а
затѣмъ становятся пара противъ
пары на-крестъ, и, держась за кон-
цы платка пропускаютъ подъ пла-
токъ противоположную пару, мѣня-
ясь мѣстами; за первой парой то-
же самое продѣлываетъ слѣдующая
и т. д.

№ 2.

Я пойду-ли во конюшенку новую,
Я поймаю тройку коней вороную,
Запрягу я во карету золотую.

Самъ я сяду во каретушку, поѣду,—
Я поѣду въ Китай-городъ гуляти,
Я закупочки закупати.

Я куплю молодой женѣ подарокъ—
Самый славный, прелестный по-
лушалокъ.

Посмотрико-те, добрые люди,
Что жена-то меня, молодца, не лю-
бить.

Я пойду-ли во конюшенку новую,

*) Растеніе *Tanacetum vulgare*. Употребляютъ какъ лекарство при желтухѣ и
лихорадкѣ. *Ред.*

Щипала, ломала спелый зрелый
виноградъ,
Вѣточки бросала къ маленькому на
кровать.

Спѣшь-ли, спѣшь-ли, мой миленькій,
Или такъ съ горя лежишь,
Словечка не молвишь
И отвѣта не даешь.

No 9.

Какъ по тропкѣ, по тропинкѣ
Бѣжить легонька дѣтинка;
За дѣтинкой шла дѣвчинка,
Кричить: молодецъ, попляшемъ,
Мы попляшемъ, потанцуемъ;
Съ тобой ножевки запляшутъ,
Бѣлы ручки зашмелкаютъ.
Очи ясны завзираютъ,

**Завзирають, приласкують,
Приласкують, подѣлюють.**

№ 10.

Дѣвица лужечкомъ шла,
Раскрасавица зеленннкымъ.
На ей платицо алѣется,
Полушалочекъ бѣлѣтся:
Она вѣличкомъ помахиваетъ,
Съ милымъ другомъ разговариваетъ.

№ 11.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы,
Хороша ваша паходочка,
Веселая потоворочка:
Что у дѣвицы веселый взглядъ —
Цѣлуй молодца девять разъ.
Расхорошаго одиннадцать,
Расфареваго четырнадцать.

Круговая*).

№ 12.

Конь по берегу похаживает.
 Конь головушкой покачивается,
 Золотой уздой набрякивает.
 Стремёнами конь пошевеливает.
 За конём-то идёт удалый молодецъ,
 Водить сужену, водить ряжену,
 За собой водить красну дѣвицу.
 Ужь я взялъ бы, я взялъ за себя,
 Я стрепалъ бы, стрепалъ для себя,
 Да бѣлы ручки не вздымаются.
 Златы перстни распаяются.
 Зла люта свекровь въ окошечко
 глядитъ,
 Она журить, бранить—здороваться
 велитъ
 Со удалымъ добрымъ молодцомъ.

Четыре парня и четыре дѣвушки, взявшись за руки, ходятъ кругомъ, пока не сплутъ пѣсню.

№ 13.

Ночь темна, заря мѣсячна;
Въ полѣ пташечки не весело поють,
Въ огородѣ макъ не весь разцвѣлъ.
Хоть онъ весь разцвѣлъ, да не осы-
пался.
Иванушка по бережку похаживаетъ,
Сынъ Ивановичъ по крутому погу-
ливаетъ,
Свою милу жену приразбуживаетъ:
Встань, встань, Парасковья-душа,
Встань, встань Ѳеодоровна.
Хочу-встану, хочу-нѣтъ,
Хочу-пойду, хочу-нѣтъ.

*) Различіе между хороводными и круговыми пѣснями деревенскія пѣвуньи полагають въ томъ, что круговая пѣсня обыкновенно сопровождается игрой. *Ред.*

№ 14.

Бхалъ панъ, бхалъ панъ,
 Бхалъ панъ изъ Кіева:
 Ронилъ панъ, ронилъ панъ
 Свою шляпу черную,
 Черную, черную,
 Черную пуховую.
 Подойди, подойди,
 Подойди близешенько,
 Подыми, подыми
 Мою шляпу черную,
 Приваѣнь, приваѣнь
 На мою головушку,
 Поклонись низешенько
 Поцѣлуй умнешенько.

При пѣніи этой пѣсни четыре парня становятся противъ четырехъ дѣвушекъ, предварительно отдавъ имъ свои шляпы; при словахъ пѣсни «приваѣнь, приваѣнь» дѣвушки надѣвають парнямъ шляпы на головы. Точно такая же роль въ пѣснѣ отводится и дѣвушкамъ, и въ такомъ случаѣ вмѣсто «шляпы черной» вставляется «шаль атласная» и тогда поютъ: «приваѣнь, приваѣнь на мои на плечика».

№ 15.

Какъ у насъ въ кружкѣ
 Есть четыре дѣвушки.
 Въ саду мята,
 Рожь не жата,
 Не кошена трава.
 Эти дѣвушки берутъ по молодцу.—
 У насъ Аннушка
 Беретъ Григорьюшка,
 Дочь Леводорова
 Беретъ Александровича.
 Въ саду мята,
 Рожь не жата,
 Не кошена трава.

(Далѣе въ пѣсни послѣдовательно перебираются имена и вели-

чапья дѣвушки и парня каждой изъ остальныхъ трехъ паръ).
 Эти дѣвушки вмѣстѣ сходятся
 Гулять просятся:
 Опустѣ меня, Григорій, погулять,
 Опустѣ. Александровичъ, гулять.
 Мы отпустимъ васъ.
 Поцѣлуйте вы насъ.

(Въ концѣ пѣсни также поочередно перебираются имена парней).

№ 16.

Кому вечеръ, кому вечеръ.
 Кому вечеринка:
 Кому дѣти, кому мамы—
 Надо ихъ учить.
 На дощечку, на плашечку
 Платочекъ раскину;
 На платочекъ, на платочекъ
 Молодца поставлю,
 Раскрасавчика поставлю,
 Танцевать заставлю:
 Ты танцуй, танцуй маленько,
 Поцѣлуй умненько.

(Въ кругъ ставятъ поочередно то дѣвицу, то парня и ходятъ во-кругъ, соответственно мѣняя слова пѣсни, какъ это дѣлается, наприм., при пѣсни «Въ хороводѣ были мы»).

№ 17.

У ключа, ключа,
 У кинучаго.
 Ай да люли, у кинучаго.
 У колодечку
 Да у студенаго,
 Ай да люли, у студенаго.

(Каждое двуетишіе сопровождается припѣвомъ «Ай да люли» съ прибавленіемъ послѣдняго слова строфы).

Купался боберъ,
 Купался съдой

Онъ не выкупался
Только вымарался.
Охотнички свищутъ—
Сизаго бобра ищутъ;
Хочутъ бобриска бить,
Лирверетомъ*) крыть;
Бобрискомъ пушити
Вышуска боброва.
Дѣвушка черноброва.
Зачѣмъ ты любишь янова,
Парня не хорова;
Ты любить его не любишь,
Только сушишь-крушишь.
Румянецъ выводилъ.
Вдоль по улицѣ,
Вдоль по широкой,
Тута шли-то, прошли
Два полка солдатъ,

Три шириночки.

№ 18.

У ково-йто крашены ворота,
У ково-йто рѣшетчатая.
Знать-то, знать-то
Вечериночка была.
Я не дорого за вечеръ платилъ,
Я гумажечку легоньку—
Двадцати пяти рублевишку;
У дѣвицы на колѣняхъ посижу,
На ее лицо на бѣло погляжу,
Поцѣлую и назадъ уйду.
(При соответствующихъ словахъ
пѣсни парни садятся къ избраннымъ
ими дѣвушкамъ на колѣни, цѣлу-
ютъ ихъ и уходятъ).

II. Пѣсни, записанныя А. В. Адриановымъ въ деревнѣ Жи- линой, Барнаульскаго у., Томской губ.

А. Проголосныя.

№ 19**).

Распечально сердце,
Вотъ мое сердечко,
Тоскуеть-горюеть
Все по прежней волѣ.
Кабы мнѣ, молодчику,
Нажить прежню волю?
Кабы златы крылышки—
Взвился бы высоко,
Полетѣлъ далеко.
Тамо опускаю,
Гдѣ моя сударушка.
Къ любушкѣ сударушкѣ
Сяду на ворота.
Любушка сударушка
У воротъ стояла, (2 раза)
Сердце поднимало.
Слезы проливала,—

Прокатились слезы
По алымъ щекамъ.
Ручку опускала
Во правдой кармашикъ,
Платокъ доставала,
Слезы вытирала;
Назадъ платикъ клала
Во правой кармашекъ:
Ты лежи, лежи платочикъ
Кругленькой годочикъ.

№ 20.

Сидѣлъ, сидѣлъ,
Думалъ, думалъ
На молодой жениться.
Молодую жену брать
Она не залюбить.

*) Т. е. револьверомъ.

**) Пѣсня считается старинной. Ред.

Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ
На молодой жениться.
Хоть она залюбитъ—
Постель не постелеть.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ—
Постель не постелеть.
Хоть она постелеть,
Со мной спать не ляжетъ.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Со мной спать не ляжетъ.
Хоть она и ляжетъ,
Меня не обойметъ.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ
Меня не обойметъ.
Хоть она обойметъ,
Меня не цѣлуетъ.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Меня не цѣлуетъ.
Хоть и поцѣлуетъ,
Сама скверно плюнетъ.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Сама скверно плюнетъ.
Экой ты, мужичекъ,
Какой не хорошій.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Какой же хорошій,
Разбольши твои уса,
Разъяманья борода.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Разъяманья борода.
Поѣхалъ мужичекъ
Во Китай-городичокъ.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Во Китай-городичокъ.
Я купилъ мужичекъ
Поѣздной кнутчикъ.
Сидѣль, сидѣль,

Думалъ, думалъ,
Поѣздной кнутчикъ.
Кнутикъ за поясъ заткну,
Во высокъ теремъ зайду.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Во высокъ теремъ зайду.
Увидала молода
Изъ высока терема.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Изъ высока терема.
Встрѣчала молода
У параднова крыльца.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
У параднова крыльца.
Цѣловала молода
Во сахарны уста.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Во сахарны уста.
Экой ты, мужичокъ,
Сталъ какой хорошій.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Сталъ какой хорошій.
Разшелкова борода
Раскудрявые уса.
Сидѣль, сидѣль,
Думалъ, думалъ,
Раскудрявые уса.

№ 21.

Вечерчикъ вечерится
Красно солнце закатается.
Закатилось красно солнце
За гороньки высоки,
За лѣсочки за темны.
Нужно, надо намъ сходить
До зеленого садика,
Нужно, надобно созвать
Любезнаго дружка въ гости.
Мой-отъ милой посулился

Прибыть поздно вечерочкомъ,
Летѣть яснымъ соколочкомъ
На мою бѣлу шатрову крышу.
Скрой-ко, Машинька, окошко
Разкосящето немножко.

№ 22.

Не плачь-ко, не плачь, моя лю-
безная,
Не рони-ко слезы по бѣлому лицу.
Не достанусь я подлому подлену,
Достанусь я, красна дѣвица, уда-
лому молодцу,
Мой-отъ миленькой по бережку по-
хаживать,
Разтугой лучокъ натягивать.
Кленову стрѣлу накладывать,
Самъ-отъ стрѣлочкѣ наказывать:
Лети-ко моя разкленова быстра
стрѣла
Выше лѣсу темнаго, саду зеленаго,
Ты убей-ко, убей сѣру утицу на
синемъ на морѣ,
Сиза голубя на бѣлокаменной стѣнѣ,
Красну дѣвицу во высокомъ терему.
Красна дѣвица—сплюбовница моя.

№ 23.

Хорошъ Ваньша родился,
На бѣло лицо перемѣнился.
Сдѣлалъ Машиньку счастливой.
Съ молодымъ парнемъ, со гулягой.
Съ Иванушкомъ, со милымъ друж-
комъ,
Съ дружкой рѣчи Маша говорила.
Проторилъ мой милюнькой дорожку
Мимо садичка зеленова,
Мимо сосенки кудрявой.
Съ той сосеночки въ бору не ша-
тайся,
Живи, милюнькой, не сумѣвайся.

*) Челобитье—поклонъ. *Ред.*

**) Мѡрговать—брезгать. *Ред.*

Напишу я тебѣ скоро письма,—
Стану письмица писать,
Челобитье*) посылать.
Я возьму въ рученьки топорикъ,
Пойду въ рощу зеленую,
Срублю горенку новую,
Складу печку бѣлу-каменную,
Выведу я трубу жестянную.
Въ печкѣ дровца погораютъ,
Изъ трубочки дымъ повивается.
По садочку дымякъ разстиляется.

№ 24.

За рѣчкой, за рѣкой,
За фуфарной широкой,
Тамъ гусарь гусей насетъ,
Свое стадо бережетъ.—
Дѣвчоночкой моргуетъ**).
Дѣвчоночка-лялинька,
Разчервонна краличка!
Вышла дѣвка на лужокъ,
На крутенокъ бережокъ,
Пала грудью на песокъ,
Выкопала корешокъ.
И этотъ корешокъ
Сполощу я на рѣкѣ,
Сполощу я на рѣкѣ.
Скипячу на молокоъ.
Корешокъ мой не упрѣлъ—
Ко мнѣ милой прилетѣлъ.
Ты зачѣмъ скоро летѣлъ?
Я не самъ собой лечу,
Меня доброй конь привезъ.
Ты пожалуй, дѣвица,
Я пару коней запрягу
Во карету золоту;
Я во этой во каретѣ
По улицѣ прокачу.

№ 25.

Сколько лѣтъ я зарекался
Въ эту улицу ходить,—

Во проклятую влюбился,
Не могу ее забыть.
Надо кинуть, надо бросить,
Мнѣ иную залюбить,
Мнѣ иную любезную.
Расхорошую, баскую*).
Красота ты, красота.
Молодца простота!
Изсушила, искрушила
Дѣвчоночка молодца;
Дуня вывела румяна
Изъ бѣлова лица,
Изъ бѣлова, изъ алова.
Изъ дородна молодца.
Пойду съ горя въ чисто поле,
На зеленые дуга.
Во зелененькихъ лужочкахъ
Я разсѣю грусть-тоску,
Я разсѣю грусть-тоску
По зеленому лужку.
Ты расти моя кручина—
Мелка травка зелена.

№ 26**).

Объ чемъ дѣвчонка плачешь,
Красотка слезы льешь?
Какъ-то мнѣ не плакать
Красоткѣ, слезѣ не лить.
Цвѣли въ полѣ цвѣточки—
Повяли безъ дождя:
Одинъ-то садъ зеленой
Сталъ въ полѣ посыхать—
Одинъ милюнькой дружокчикъ
Дѣвчонку сталъ покидать.
Птичкой быть желала,—
Вездѣ могу летать—
Взвилась бы, полетѣла
За милюнькимъ востѣдъ,
За тѣмъ дружкомъ летѣла,
Который нуженъ ндравенъ быть;
Тово-бъ я взвеселила,
Который тужить обо мнѣ.

*) Баской—красивый. *Ред.*

**) Эту пѣсню поютъ при играхъ въ разлуку, на качеляхъ. *Ред.*

Севоднишней ночи
Скрывались чудеса—
Всѣмъ людямъ для покою
Замкнулися глаза.
Севоднишней ночи
Одинъ повадился ходить;
Зашелъ на ново крылечко—
Стучить у двери въ кольцо.
Его же разлюбезна
Уходитъ въ новой козидоръ,
Беретъ дружка за ручку,
Ведетъ къ себѣ въ покой.
Теплыми руками
Холодны ручки жметъ;
Едва я отогрѣлся,
Узналъ себѣ покой.

№ 27.

Дѣвка пріяла, попрядала,
Къ родной теткѣ припадала:
«Эй ты, тетушка родна,
«Научи-ка жить меня.
Я сама така была,
Когда во дѣвчонкахъ жила.
Во дѣвчонкахъ жила—
Я дома ночи не спала.
Я дома ночи не спала,—
Съ писарями все гуляла,
Съ писарями, некрутами,
Со васмшичками,
Со насмшичками,
Со пріемшичками.

№ 28.

Межъ двухъ березъ
Протекала вода;
Протекала, пробѣгала
Вода ключевая.
Мнѣ нельзя воду пить—
Нельзя почерпнуть;
Мнѣ нельзя жену бить—

Нельзя поучить.
Билъ я жену часъ—
Проплакать по ей нидѣлю.
За то жену билъ—
Пропила основу,
Свое рукодѣлье,
Уточикъ на похмѣлье.

№ 29.

Походи-ко, милицкой, за мною,
За моей дѣвѣй красотою.
Красоты въ лицѣ нисколько,
Любилъ дѣвочку не долго,—
Любилъ дѣвку одно лѣто.
Въ этомъ лѣтѣ будетъ осень,
Въ осеннихъ дѣвку бросилъ;
На готово я ее не бросилъ,—
Вы пойдите, у Машутки спросимъ.
Отчего же ты, Машенька, худая,
На лицо блѣдная?
Хворать ты не хворала,
Въ постели не лежала?
По милому тосковала,
Тоску—горе придавала.

№ 30*).

Не листочки въ полѣ прошумѣли,
Про насъ люди говорятъ.
Завтра праздничекъ у насъ,
Завтра праздникъ воскресенье,—
Въ боръ по ягоды поидемъ,
По калину, по малину,
По черну смородину;
По черну смородину,
По черну черемуху.
Не набравшись въ кустъ ягоды,
Изъ кусточку прочь пошла;
Изъ кусточку, изъ лѣсочку—
На большу дороженьку;
На большую, тракторную,
На Иркутской крутой взвозъ.
На Иркутскомъ крутомъ взвозѣ

Тутъ почтовый домъ стоитъ.
Во этихъ во домочкѣхъ
Пиръ-бесѣда весела.
Пиръ-бесѣда весела,—
Три дубовые стола.
За этими столами
Волостные писаря.
Они пишутъ въ три пера
Государевы дѣла.
Государственны дѣла
Сокатитесь со стола,—
Намъ контора не пужна.

№ 31.

Изъ Тобольска въ Томскъ
Бѣжала повозка.
Во этой во повозочкѣ
Сидитъ доброй молодецъ.
Закручинился, запечалился,
И улизся слезами.
Во слезахъ-то словечушко молвилъ:
Жилъ я у тятиньки,
Жилъ я у мамоньки;
У родимой мамоньки
Жилъ на прокляты,
У родимова батюшка
Жилъ на поруганъ;
У всего я роду—племени
Жилъ я на досадѣ.
У души у красной дѣвицы
Жилъ я на прохладѣ.
Не ясенъ соколъ
Съ тепла гнѣзда рано солетаетъ,
Я доброй молодецъ
Съ квартиры съѣзжаю.
На квартирушкѣ жилъ я
Ровно три годочка,—
Показались мнѣ, молодчику,
За три за денечка.
Квартира-ли, квартира—
Любая бесѣда.

*) Сравни вариантъ подъ № 52.

№ 32*.

Вышелъ Ваня за ворота,
Прибравшись хорошо.
Прибравшись, зачесавшись,
Сѣлъ на ворона коня.
Подъ нимъ конь стрепескался
И ударился въ заборъ.
Конь ударился въ заборъ—
Перескочилъ къ Машѣ въ дворъ.
Здравствуй, Саша, здравствуй. Маша,
Здравствуй, люличка моя!
Что ты, любишь али нѣтъ?
Я любить-то не люблю,
Отказаться не могу.
Возьми въ ручки пристолетикъ,
Разстрѣлай-ко грудь мою.
Я на камешкѣ срисую,
На бумажкѣ распишу,
На бумажкѣ распишу
И по подружкамъ разошлю.
Вы подруженьки мои,
Вы не дѣлайте того.
Вы любите одного.

№ 33.

Зажурился чумачишко,
Ни копѣйки денегъ нѣтъ.
Сидить, хлопаешь глазами,
Какъ голодная сова.
Жилъ я въ городѣ въ Варшавѣ—
Въ семь лѣтъ грошикъ зароблю;
Между тѣмъ заработалъ рублей ты-
щу—
Въ одинъ вечеръ прогулялъ.
Бралъ я водку, бралъ вишневку,
И наливки наливалъ.
Наливки наливалъ,
Музыкантамъ подавалъ.
Музыкантамъ подавалъ.
Самъ въ полицію попалъ.
Съ полицейскимъ разсчитался
За наличный капиталъ.

*) См. вар. № 74. Ред.

По моему по расчету
Остается рублей пять.
Я на эту на пятитку
Найму тройку лошадей
Во карету золоту—
Сашу съ Машей прокатать.
Хоть не Сашу, хоть не Машу,—
Свою тройку испытать.
Коренная бѣжить рысью,
Пристяжные во весь махъ.

№ 34.

Иностранный былъ трактирщикъ—
На фабрикахъ живалъ;
Не послѣдній былъ красильщикъ,—
Разны ситцы набивалъ.
Получалъ денегъ не мало—
Сотъ по восемь рублей въ годъ;
На деревню не хватало
Шестьдесятъ отдать въ оброкъ.
Почему мнѣ не хватало?
Я имѣлъ въ своихъ рукахъ,
Любилъ дѣвочку красотку
Въ сафьянныхъ башмакахъ.
Для красоты нужно было
Въ косу ленту и платокъ,
Въ ушки бронзовы сережки
И на шеѣ янтари,
И на шеѣ янтари
Изъ Ирбити везены.
Цвѣтно платье, душегрѣйка,
Сарафанчикъ съ галуномъ.
Зайдемъ мы въ ту избушку,
Когда мать съ огномъ уйдетъ,—
Тогда мы сдѣлаемъ пирושку,
Когда дымъ столбомъ пойдетъ.
Нѣкто скачетъ, нѣкто пляшетъ,
Нѣкто шепчетъ въ уголкѣ,
Нѣкто сидя обнимаетъ,
Тотъ всегда на чердакѣ—
Весь общиналъ, оборованъ.—
И бутылка въ рукѣ.
Старая копѣйка,

Полетай-ко вверхъ орломъ.
Полетай-лети копѣйка
Подъ названьемъ Петра.

№ 35.

Мамашка дочкѣ говорила:
Смотри, дочка, берегись,
Не будь люблива-тороплива,
Смотри въ бардакъ не попадись.
Я съ кроткимъ видомъ отвѣчала:
Мушницъ терпѣть я не могу.
Сама себѣ я размышляла,
Что я достойнаго люблю;
Люблю, любить его я буду
Въ какой бы не былъ онъ странѣ.
Въ какомъ бы храмѣ не молилась,
Всегда я думаю объ немъ.
Дѣвочки, замужъ не ходите.
Живите въ дѣвочкахъ всегда.
Какъ я, бѣдняжка, вышла замужъ. —
Окружена была дѣтьми.
Пойду я въ гости со слезами.
Домой прийду — опять за то.
Мужъ, какъ дьяволъ, на диванѣ:
Жена! Дай трубку съ табакомъ,
Одинъ кричить: «мамаша, чаю»,
Другой кричить: «мамаша, спать
хочу».
Боже мой, какая скука!
Лучше бы я въ дѣвочкахъ жила,
Сухія корочки глодаю
И воду свѣжую пила.

№ 36.

Братья мои, братья.
Запрягайте пару коней.
Пару коней вороныхъ
Во карету золотую,
Отправляйте, меня, братцы.
Во правленье,
Изъ правленья во губернію
Изъ губерніи во пріемну.

Во пріемной стоить столникъ,
За столомъ сидитъ пріемщикъ,
Передъ нимъ стоить молодчикъ,
Бѣлы русыкудреватой.
Брейте кудри, не жалѣйте!
По плечамъ кудри валятся.
Изъ очей слезы катятся,
Какъ горошникъ разсыпается.
Собирайте мои кудри,
Извяжите въ мелкіе узлы,
Отошлите къ родной мамѣ.
Пусть-ко мамонька поплачетъ,
Молода жена потужитъ.
Братья, сестры пожалѣютъ, —
Не пошлютъ-ли съ рубанкомъ денегъ,
Съ рублемъ денегъ на дорожку,
На дорожку, на походикъ,
На рубашку, на порточки.

№ 37.

Остаются наши дома
Молодые наши жены,
Онѣ съ малыми дѣтьми.
Остаются имъ на старость
Одинъ конь вороной, —
При паратной конь при сбруѣ,
При тесьмянной уздой,
Съ кистью вовой золотой.
На коня казакъ садился,
Въ чисто поле покатился,
Въ чистое поле разгуляться;
Онъ не въ поле разгуляться —
Съ горя сдумать помирать.
Померь-умеръ нашъ полковникъ
Севоднишней темной ночи,
Не севоднишней ночи,
Въ среду по утру,
Въ раннюю обѣдню
Тихой своей смертью.
И никто его не хоронитъ,
Ни поны его, ни дѣки,
Никакіе люди простые.
Мы духовничка достанемъ,
Хоронить его мы станемъ;

Мы повыстроимъ домочикъ*)—
Золотой гробочикъ;
Повыкладемъ могилу
Бѣлу-каменную;
На этой могилѣ выросло древо,
Это древо не простое—бѣлая береза;
На этой березѣ сѣрая кукушка,
Не кукушечка кукуетъ,—
Мамонька горюетъ.
Мамонька горюетъ,
Гдѣ казакъ ночуетъ.
Ночевалъ мой казачинко
Въ полѣ при долиниѣ,
Онъ не въ полѣ при долиниѣ—
Въ зеленой дубравѣ,
Не въ зеленой дубравѣ—
Подъ бѣлой березой,
Не подъ бѣлой березой—
Подъ сосной кудрявой.

№ 38.

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывутъ,
Наши храбрые ребята
Со ученьица идутъ.
Они идутъ, маршируютъ,
Между собой говорятъ:
Трудно, трудно намъ, ребята,
Намъ Аршава городъ брать,
Намъ еще того труднѣе
Намъ подъ пушки подбѣгать.
Мы подъ пушки подбѣгали,
Мы скричали въ разъ ура.
Приводитель, графъ Москвевичъ
Громкимъ голосомъ скричалъ:
Бейте турку, агличанку
И проклятыхъ поляковъ;
Бейте турку, агличанку.
За морями знаютъ насъ;
Знаютъ, знаютъ-надвѣщаютъ
И подаются стѣны къ намъ.
Вы, прокляты басурманы,

*) Домочикъ, домовина—гробъ. *Ред.*

**) Ср. вариантъ № 69. *Ред.*

Вы подите къ намъ въ полонъ;
Не пойдете къ намъ въ полонъ,
Мы посушимъ васъ травой.

№ 39**).

Вечеръ, вечеръ-вечерокъ,
Милъ катился ко двору;
Рученькой махнулъ—
Кудрями стряхнулъ.
Я сидѣла во покою,
Вышла, встрѣтила: «здорово»!
За ручку взяла,
Въ зеленъ садъ пошла.
Стоялъ садикъ подъ горой,
Подъ сосенкой зеленой.
Я по садичку гуляла,
Дружку тайность разказала,
Съ кѣмъ прежь жила, кого любила;
Я любила не простова—
Офицера холостова,
Парня браваго.
Онъ во Томскимъ жилъ,
Во Тобольскимъ служилъ,
Все ко мнѣ ходилъ,
Чай-водку носилъ.
Чаю, чаю поскорѣ,—
Самоварчикъ на столѣ.
Распили-ушли, распростились.
Прости, Сашечка шельмовка.
Куплю тебѣ обновку—
Шаль тернову;
Шаль тернову со кистями,
Косиночку съ круглостями—
Изволь получать—
Въ ушки бронзовы сережки,
Сафьяновы сапожки—
Зимой носить, весной не мочить.

№ 40.

Распотѣште молодца!
Жить во неволѣ,

Во такой большой неволѣ
Въ каменной тюрьмѣ.
Я не годъ сидѣть въ тюрьмѣ.
Я не два года,
Просидѣлъ-то я въ тюрьмѣ
Ровно три года.
На четвертой-отъ годъ
Сталъ письмо писать.
Написать то я письмо
Въ свою сторону,
Въ свою сторону
Письмо къ отцу къ матери.
Къ отцу къ матери письмо,
Къ молодой женѣ.
Мать-то, отецъ отписалися,
Братъ, сестра отказалися.
Не пошлютъ-ли съ рубликъ денегъ
На дорожку, на походикъ,
На рубашку, на порточкы.

№ 41.

Сидѣть за рѣшоткой
Орелъ молодой.
Клевальную пищу
Клюсть подъ окномъ;
Клюсть и бросаетъ.
Самъ смотритъ въ окно.
И одинъ мой товарищъ
Задумалъ одно.
Куда-жъ мы, товарищъ,
Съ тобой полетимъ.
Полетимъ, товарищъ,
На сини моря.

На синимъ на морѣ
Бушуетъ волна,
За этой волной
Бѣлѣтъ тюрьма.
Во этой тюремѣ
Несчастный сидѣлъ.
Несчастный сидитъ,
Самъ въ окошко глядитъ.
Въ окошко глядитъ—
Палача къ себѣ ждетъ.
Идетъ палачъ въ тюрьму
И кнутъ на рукѣ.
Зашелъ палачъ въ тюрьму—
Разбойника нѣтъ.
Защыркалъ, затопалъ—
Разбойникъ пришелъ.
Судите-рядите,
Начальство меня,
Бейте плетями
Спину вы мою,—
Знать я, мальчишко,
Достанитъ тому.
Смотрите, ребята.
Въ подозрну трубу—
Иду на смерть я.
Жгите, палите
Костры изъ огня.
Точите, вострите
Ножи и конья,
Сѣквите, рубите
Главу вы мою,
Бросайте въ огонь
Вы мясо мое—
Пуцай горить мясо.
Пылатъ изъ огня.

Б. Круговыя.

№ 42.

Соберемтесь дѣвки въ кругъ
На зеленый лугъ.
Задумамте думушку.
Заедину крѣпкую,
Принайемте нахарька.

Распашомъ пашенку,
Посѣемъ бѣлый ленъ
Уродился бѣлый ленъ
Тонокъ, дологъ, волокистъ.
Съ кѣмъ я буду бѣлый ленъ рвать,
Рвать-слать, бѣлый ленъ сымать?
Свекоръ молвилъ: я, сноха, съ тобою.

Чортъ, не рваньё—гореванье.
 Деверь молвилъ: я, сноха, съ тобою.
 Чортъ, не рваньё—гореванье.
 Милый молвилъ: я, жена, съ тобою.
 Со женою, со родною
 Это не рваньё—любованье.

№ 43.

Какъ у насъ было на горѣ
 У маёра на дворѣ.
 Розыгрался сивой конь.
 Расходился на-дыбахъ,
 На шелковыхъ поводахъ
 Конь копытомъ камень бьетъ:
 Въ этомъ камнѣ искры нѣтъ.
 Въ этомъ парнѣ правды нѣтъ.
 Какъ у насъ было на горѣ
 У маёра на дворѣ.
 Розыгрался сивой конь.
 Расходился на-дыбахъ,
 На шелковыхъ поводахъ.
 Конь копытомъ камень бьетъ,—
 Въ этомъ камнѣ искра есть,
 Въ этомъ парнѣ правда есть.

№ 44.

По лугу, лугу вода со льдомъ,
 По зелену золота струя течетъ.
 Струйка за струйкой бѣла лебедь
 плыветъ,
 Бѣла лебедка со бѣлымъ лебедкомъ,
 Сѣрая утка со сѣрымъ селезенкомъ.
 Сѣръ селезенъ (имя рекъ) молодецъ,
 Сѣрая утка (имя)—душа.
 Гребешкомъ головунку учосывать,
 Руса коса мелко выплетена.

№ 45.

(«Женитьбенная»).

Заскочилъ козеликъ въ огородикъ—
 Кому-то козла выгоняти.
 Выгонять то козла краснымъ дѣви-
 цамъ.

У насъ дѣвочки-то есть хороши,
 На рубахъ-то у ихъ есть платочки.
 Онѣ бьютъ-то козла по колѣнцамъ,
 По тоненькимъ по суставамъ.
 На колѣнники козеликъ припадаетъ,
 Изъ-за садичка козеликъ выбѣгаетъ;
 Выбѣгаетъ козеликъ, выбираетъ,
 Выбираетъ козеликъ, самъ цѣлуетъ.
 Ко сердечушку прижимаетъ,
 Разнадеждой называетъ.

№ 46.

(«Женитьбенная»).

Во городѣ во Казани,
 Осередь торгу на базарѣ
 Пошелъ-вышелъ червячище за во-
 рота,

За тѣ ворота за новые,
 За рѣшетчатые кленовые.
 Червячище-клобучище воспостригся,
 Поизволилъ червячище сноженииться,
 Спозволилъ дѣвицу воздымати,
 Русы кудри расчесати,
 Пухову шляпу надѣвати,
 Разпрелестну цѣловати,
 Разнадеждой называти,
 Кондратьевной величати.

В. Плясовыя.

№ 47.

Хожу, хожу по бережку,
 По крутому по Жилинскому;

Изловила свѣжу рыбу для себя.
 Увидали робятушки,
 Разказали родной матушкѣ.
 Родна матушка лиха не добра*),

*) Въ той-же пѣснѣ въ с. Бѣлозерскомъ, Курганскаго у. это мѣсто поется такъ:
 Моя матушка не лиха, не добра. Ред.

Посыласть туды-суды меня,
Посыласть въ' веселый огородъ,
Въ огородъ капустку полоть.
Полю, полю, поналываю,
На солнышко поглядываю.
Сколь высоко солнце катится,
Далеко-ли закатается;
Во туманичкѣ не видно ничего.
Прѣзжалъ изъ заморья купецъ,
Привозилъ мнѣ матерья конецъ.
Матерійка глянется,
Цѣловать кушца не хочется,
Мое сердце не воротится.
Подъ мостомъ, мостомъ
Розыгрался баранъ съ козломъ,
Помутилась вода съ пескомъ.
И эта вода не вода;
Во Ирбити вода дорога,
Во Казани рыба безъ костей,
Пропадаетъ милой безъ вистей,
Пропадаетъ, погибаетъ голова.

№ 48*).

Изъ за сльничку, березничку,
Изъ за горькова осинничку
Выбѣгаетъ конь—добра лошадь,
Конь добра лошадь пѣгана,
Не ступистинька, рысистинька,
Виноходинька, молодинька.
Позабылъ коня наказывать,
Во сиву гриву завязывать.
Ко сѣделку приговаривать:
Ты не пей-ко изъ Дунай-рѣки,
Во Дунаѣ дѣвка мылась,
Она мылася, бѣлилась,
Въ чисто зеркало смотрѣлась,
Красотѣ своей дивилась.
Краса-ли, краса моя,
Кому краса достанешься?
Я не воръ, не разбойнику,
Старопрежнему полюбовнику.
Онъ со вечера коня ималъ,
Ко полуночи въ разбой пошелъ,

*) См. вар. подъ № 141. Ред.

Ко бѣлу свѣту домой пришелъ.
У воротъ онъ убивается,
Женѣ Вѣрѣ докликается:
Жена ли, жена моя,
Отворяй жена воротички,
Пропущай коня почёнова,
Его сѣделко злаченое.

№ 49.

Во полѣ, во полѣ,
Въ широкомъ раздолѣ,
Въ широкомъ во раздолѣ
Стояла береза.
Подъ этой березой
Гусарикъ убитой,
Разгусарчикъ убитой
Кисеи накрытой,
Не простой кисеи,—
Франтой голубой.
Приходили ко гусару
Молодые паньи;
Кисеичку открывали,
Дружка признавали.
Встань-ко, мой милый,
Гусаръ чернобровый,
Твои кони вороные
При полѣ Кочуѣ,
Въ полѣ Кочуѣ,
Въ домѣ не Ночуѣ.
Чѣмъ я мужу не жена,
Въ домѣ не хозяйка?
Какъ я мужа не любила,
Мнѣ его не жалко;
Молодова, холостова
Мнѣ дѣтину жалко.

Въ д. Жилиной одинъ 70 лѣт-
ній старикъ звалъ пѣсню, сложен-
ную «про француза». Пѣсня эта,
по его словамъ, была занесена на
Алтай изъ Екатеринбурга и переда-
на ему отцомъ, современникомъ со-

бытій 12-го года; отецъ этого старика умеръ 90 лѣтъ, а мать 120 лѣтъ. Къ сожалѣнію, старикъ удержалъ въ памяти лишь начало этой пѣсни, а именно:

№ 50.

Раззоренная путь дорожка!
Раззорилъ ты, неприятель,
Воръ-французъ,—
Во свою землю жить пошелъ.

Во свою землю жить пошелъ—
И до своего Парижа подходилъ.
И выхвалялъ свой Парижъ:
Парижъ мой, Парижочикъ,
Парижъ славной городочикъ.
На то ему отвѣчаютъ:
Не хвались-ко, не хвались
Своимъ славнымъ Парижомъ,—
Есть у нашего бѣлаго царя
Славная Москва,—
Сърымъ камнемъ слана,
Съ бѣлымъ кипаремъ.

*III. Пѣсни собранныя въ Курианскомъ у. и др. мѣстахъ
Тобольской губ.*

I. Пѣсни, записанныя А. В. Адриановымъ въ с. Мостовскомъ, Мостовской вол. (Записаны въ 1874 г.)

№ 51.

Что же ты, лучиночка,
Не ясно горишь,
Не ясно горишь, не снопыхиваешь?
Добрая хозяйшка
Въ гостяхъ пробыла,
Зла-лиха свекровушка
Въ печьку сходила—
Всю лучину облила
Той водой холодной, колодешной.
Меня, молодѣшеньку,
Къ стыду призвела.
Кумушки, подруженьки,
Ложитесь спать,—
Вамъ некого ждать.
Первый *спень* заснула—
Сердешнова нѣтъ;
Второй спень заснула—
Пѣтухи поютъ;
Третій спень заснула—
День, бѣла заря.
Погляжу подъ зоривьку,
Мой милой идетъ:
Съ ножки на ножку поступаетъ,

Клабукъ о клабукъ поколачиваетъ,
Денежки въ кармашкѣ побряки-
ваютъ.

Что же ты, мой милюшкой,
Со вечера не шелъ?
У меня, у молодежнякѣй,
Ссорочка была.

№ 52*).

Изъ за лѣсу, изъ за горъ
Подымалась туча-громъ
Съ мелкимъ-частымъ дождемъ.
Не листочки-те шумять,
Не пруточки говорятъ
Про моёва про милова,
Про Иванушка дружка.
Ты, Иванушко, дружочикъ,
Завтра праздничекъ у насъ;
Завтра праздникъ воскресенье,
У насъ гулящій будетъ день,
Гулящій, веселящій,
Въ лѣсъ за ягодкамъ поидемъ.
Въ лѣсу ягодъ не набрали,

*) Ср. вариантъ № 30.

Изъ лѣсочку прочь пошли,
Изъ лѣсочку, изъ кусточку
На большу дороженьку,
На большу, на трактову.
На большой на трактовой
Стоялъ домичекъ новой.
Что во этомъ во домочкѣ
Сидѣлъ писарь, голова;
Писарь пишетъ въ три пера
Государевы дѣла,
Отсылаетъ въ города.
Тамъ за рѣчкой за рѣкой,
За Дунаемъ широкой
Парень пашенку пахалъ,
Самъ онъ рученькой махалъ.

№ 53.

На севодняшней лепечикъ
Радость получу —
Любезнова дружка
Въ гости позову.
Созвала дружка — попотчивала.
И налью то я, налью
Стаканъ горькова вина,
Поднесу къ милому
И стану сирашивать дружка:
Одну ли ты меня
Сушишь и крушишь?
Сушу-крушу я —
Семь я дѣвушекъ люблю,
Восьму солдатку молодую,
Девяту чужемужнюю жену,
Десяту, разлапушка, тебя.
Не на то ли, милинькой,
Осердился на меня,
Осердился, привознивался,
Во глаза-те меня ругаешь и бра-
нишь?
Отойди ты, другъ-пріятель, отъ меня,
Я штобы тебя не видѣла въ глаза.

№ 54.

У дѣвченки, у лебедки

*) Т. е. около Петрова дня. *Ред.*

Былъ расхожий разумокъ, —
Куда вѣтеръ испотянеть,
Туда умъ-разумъ поидетъ,
Куда милый исповедетъ.
Беретъ Сашиньку съ собой,
Беретъ Сашиньку, беретъ сударку
Во трахтирь-кабакъ ведетъ.
Во трахтильномъ кабакишкѣ
Весь день съ милымъ пробыла,
На молоденькова на мальчишка
Умъ я разумъ продала.
Продала дѣвчонка умъ-отъ разумъ,
Воспокаялась сама.
Вспомни, вздумай, другъ любезный,
Ты про старую любовь.
Распетровски*) дни-те долги
Мы прогуливали,
Разосененьки темны почки
Мы просыпывали.
Тамъ на горочкахъ, на пригоркахъ
Стоялъ домичекъ новѣй.
Что во этомъ во домочкѣ?
Дѣвки пѣсенки поютъ.
Не мою-ли разлюбезную
Сашку въ замужъ отдають?
Охъ ты, Сашенька, любезна,
Хоть ты ноженькой топни.
Ужъ я рада-бы топнула, —
Женихъ на ногѣ стоять.
Ужъ ты, Сашенька, любезна,
Правой рученькой махни.
Ужъ я рада-бы махнуть —
Женихъ за руку ведетъ.
Ужъ ты, Сашенька, моя любезна,
Хоть ты словичко скажи.
Ужъ я рада бы слово сказать —
Теперь воля не моя.

№ 55.

Отправлялся милинькой
За Дунай гулять,
Здѣсь меня оставилъ
Плакать, горевать.

Плакать—горевать,
По миломъ тосковать.
Прожилъ милой годичокъ,
Прожилъ милой два,
На третій годичокъ
Обратился взадъ.
Бдетъ милъ домой
Дорожкой столбовой.
Подъ нимъ конь воронинькой
Въ черкатскимъ сѣдлѣ.
Черкатско сѣделочко,
Златы стремена.
Златые стременичка,
Кисьменна*) узденочка,
Шолковъ поводокъ;
Шолковъ поводокъ
И на миломъ срядъ хорошъ:
На немъ шапка въ триста,
Шубка во пять сотъ,
На ножкахъ сапожки—
Пятиточка дана.
На ручкахъ перчаточки—
Рубликъ серебромъ,
На шеюшкѣ шарфичокъ—
Сорокъ серебромъ,
Марева**) косиночка—
Трицать серебра,
Гарусная покримочка***)—
Мила дарила.
Бдетъ милой мимо—
Не здороватся.
Шапочки не скинулъ,
Здравствуй не сказалъ.
Смѣйся, смѣйся, милинькой,
Смѣйся надо мной,
Смѣйся надо мной—
Надъ бѣдной сиротой.

№ 56.

Ночешную ночи
Загуляли богачи,—

*) Т. е. съ кистями. *Ред.*

**) Т. е. муаровая. *Ред.*

***) Покромка—поясъ. *Ред.* *

****) Вѣроятно, слѣдуетъ „тождѣ“ т. е. тогда. *Ред.*

Кои съ деньгами есть,
Кои съ средствами,—
Всякой ко своей,
Нашъ-отъ Ванюшка къ новинькой.
Приходилъ Ваня не рано,
Приносилъ денегъ не мало,
Машу въ домѣ не засталъ.
Ужъ ты Машинька хороша,
За тобой денегъ два гроша,
Пожалуй ихъ отдать,
Эти деньги не задерживать.
Не отдашь ты эти деньги,
Сполюблю нагорскихъ дѣвокъ—
Тебѣ будетъ жаль,—
Тоже****) Машинька сожалѣшь.
Молчи, ниточки продамъ,
Тебѣ денежки отдамъ,
Честно расплачусь,
Столь честисинько разоидусь.
Межу каменнымъ столбами
За желѣзными рѣшотками
Сидѣла чечетка,
Глядѣла въ окошко,
Толоконышкомъ питалась,
Межъ горами напталась
Себѣ ноженьку Маша извела.

№ 57.

Звалъ то Васинька, другъ-товарищъ,
Съ собой погулять
На прекрасное мѣстичко, въ лож-
бинку,
Гдѣ дѣвчонка ждетъ.
Она ждала его, навѣрно дожидалась,
За ракиновый кустичекъ бросалась,
Призапала и лежить.
Скоро Васинька, другъ мой, сло-
гадался,
За ракиновый кустичокъ бросался,
Вѣрно, Маша здѣсь.
Во беремичко ее схваталъ,

Началъ цловать.
Онъ полуетъ дѣвчоночку милую,
Ко сердечушку крѣпко прижимаетъ,
Надеждой зоветъ.
Ты надежда моя, надежда,
Зачѣмъ любишь инова;
Ты теперь меня спокладашь
При широкой меня при долипѣ
Во темномъ лѣсу.
Изъ лѣсочку Васишка пошелъ
Не простился,
Шанулъ*) Машу въ грудь.
Стала Машинька, стряхнулась,
На всѣ стороны Маша оглянулась —
Не видитъ-ли кто.
Никто дѣвушку не видитъ, —
Чужестранной парнишечко обидилъ,
Некому возстать.
Мой-отъ тятинька на казани**) —
Мая мамонька на базарѣ,
Братъ за стрѣльбой,
И сестры за гульбой.
Моя маленька сестрица
Ничего не знаетъ.

№ 58.

(Поляночная).

Запили ребята,
Загуляли молодцы —
Все Макарьевски купцы.
Съ горы на гору гуляли
Ко цареву кабаку.
У царева кабака
Много пива и вина.
Водки ставленныя
И рюмочки налитыя.
Мы по рублику сложились
И зелена вина купили;
По второму заложили —
Сладкой водки накупили,
Генерала напоили.
Не одинъ, братцы. мы гуляли,

*) Шануть — толкнуть. Ред.

**) „На казни“, какъ мы объяснили. Ред.

А генералъ съ нами гулялъ;
Свинецъ, порохъ закупалъ.
Сорокъ пушекъ заряжалъ.
Въ Остроканъ-городъ стрѣлялъ.
Въ Остроканъ городу
И на зеленомъ на лугу
Ходятъ дѣвушки въ кругу.
Ходятъ дѣвки, ходятъ бабы,
Ходятъ маленьки ребятка.
Одна дѣвка малинка.
На ей шубка алпінка,
Выпушка бобровая,
Дѣвка червобровая.

№ 59.

(Круговая).

По славной по улочкѣ.
По проѣзжей дороженькѣ
Тутъ шелъ, прошелъ
Дѣтинка молодой.
Дѣтинка молодинькой,
Зипуенко коротинькой.
Малахаюшко худинькой.
Рукавички барановыя,
Ни въ чемъ не замараныя.
У воротъ стоитъ колотится.
У широкихъ домогается.
Сиротинкой называется.
Сирота, парень, сиротскій сыръ.
Сиротской, безъ отческой.
Кто бы, кто бы сиротину полю-
билъ,
Кто бы, кто бы ночевать пустилъ,
У того бы у дверей вычистилъ,
Подворотину новызолотилъ.
Пустила сиротина ночевать
И сама пошла по горницѣ гулять,
Росписанные шкапы отпирать,
Изъ шкапу стала подносы выни-
мать,
Подносы серебряныя,
Закрайки золоченыя,

На подноси́къ стака́ны становить
И во стака́ны сладки́ воды налив-
вать.

Изъ стака́ну водка плещется,
По подносу разли́вается.

№ 60.

(Поется во время катанья по
улицѣ).

Загуляла красна дѣвушка
Съ пятнадцати годовъ,
И полюбила добра молодца
И семнадцати годовъ.
Со хорошимъ добрымъ молодцомъ
И хорошъ былъ у насъ совѣтъ.
Пришло съ дружкой разставань-
ицо,—

Не милъ дѣвкѣ бѣлый свѣтъ.
Куда съ горичка я не пойду—
Мнѣ дорожки-пути нѣтъ.
Погляжу я коню подъ ноженьки
И дорожинька лежитъ торпая.
И торная лежитъ, трактовая,
Изпробита до песка.
А по этой по дорожкѣ
Колясочка бѣжитъ,
А на этой на колясочкѣ
И повозочка стѣтитъ.
А во этой во повозочкѣ
Купчикъ Васинька сидитъ.
Купчикъ Васинька сидитъ
И цыгарочку куритъ.
Цыгарочку куритъ.
Изъ повозки дымъ валитъ.
Не откуль взялась дѣвчоночка,
Кричитъ: Васинька, постой!
Ужъ я радъ бы постояти—
Добры кони не стоятъ,
У насъ лошади кормленыё,
Онѣ соколичкомъ летятъ,
А ямщики почтовые—
Нѣту силы задержатъ.

№ 61.

Ты скажи, скажи, Алёша,
Кто отцовскій домъ спожогъ?
Зря я, мальчикъ, пропадаю
Изъ-за матери, отца.
Изъ-за матери-отца, изъ-за тестя
подлеца,

Изъ-за молодой женёшки,
Изъ-за тещи сатаны.
Повезли же Разолёшу
Вдоль по улицѣ новѣй.
Вдоль по улицѣ новѣй
Въ бѣлокаменный домокъ.
Въ бѣлокаменный домокъ,
Во Саратовскій острогъ.
Посадили на недѣлю—
Просидѣлъ я въ тюрьмѣ годъ.
Въ тюрьмѣ денежка не родъ,—
Калачамъ большой доходъ.
Двери заперты замками,
Ручки, ножки въ кандалахъ.
Кандалочки зазвенѣли,
Мое сердце запыватъ.
Заныватъ, болить сердечко,
Хоть сегодня споминать.
Выводили Разолёшу
На парадное крыльцо,
На парадное крыльцо,
Къ генералу на лицо.
Не успѣлъ я слова молвить,
Тутъ колёсочка готовы.
Солдаты-кучеръ молодой.
Посадили Разолёшу
Его задомъ напередъ,
Тамъ восплакалъ весь народъ.
Повезли же Разолёшу
Вдоль по улицѣ махомъ:
По бокамъ идутъ жандары.
А позади—палачи.
Сыздала я, мальчикъ, вижу
Гдѣ-ка черныи столбъ стоитъ.
У чернаго у столба
Тутъ пошы и дѣяки стоятъ,
Распрошшаться мнѣ велатъ.
Завязали у Олеси

Разбѣлымъ платкомъ глаза,
Привязали раз-олешу
Ко черному ко столбу,
Разстрѣляли раз-олешу
Проти сердца бѣлу грудь.

№ 62.

Сидѣлъ молодецъ въ темницѣ—
Поглядѣлъ бы я на бѣлой свѣтъ!
Чернобровая красна дѣвица
Сивогриваго коня ведетъ.
Я на коничка мальчикъ сажился
И живо птичкой полетѣлъ.
Отъ зарн то Маша сидѣла
Въ новой спаленкѣ подъ окномъ,
Часомъ, водкой угощала
Удалова-то съ горя молодца,
Я отъ радости дарила
Со правой руки кольцо.
Надъ колечушкомъ насмѣялись
И обратись кольцо назадъ.
Кабы я знала твою подлу совѣсть
И не сдалась бы на твои слова.
Я солью, солью легки крылышки
себѣ,

Я спорхнула, полетѣла,
Гдѣ мой милюшкой живеть.
Живеть милюшкой мой за рѣчкой
И не подѣлку другой,
И переманивалъ онъ свою любезну
На свою сторонушку.
Ужъ я рада—перешла,
Да переходу не нашла,
Переходу-переброду,
Нѣтъ калинова моста.

№ 63.

(«Плясовская»).

Изъ ельнику. изъ березнику,
Изъ такова, изъ мелкова.
Изъ осивнику горькова
Ахъ, идетъ, идетъ дѣтинка,

*) Въ другомъ вариантѣ эта строфа передается словами: Симен-ягода моя. Ред.

Идетъ парень молодой;
Идетъ парень молодой
Не женатой-холостой;
Не женатой—холостой,
Русыкудреватой.
Русы кудри накладны
И черны брови наводны.
Пойдемъ, дѣвица, со мной,
Пойдемъ, красавица, со мной.
Парень на ногу ступалъ—
Ума-разума пыталъ,
Парень ручку жметъ—
Пощелуйца ждетъ.
Не хочу я цловать
И молодца забавлять.
Безъ меня будешь шутить,
Безъ меня утешать:
Душичка, сименушичка,
Сименушка-симена,
Секретарева жена*),
Секретарева жена
И не гнѣвайся на меня.
Не погнѣвайся, пожалуй,
Вечоръ былъ я у тебя;
Вечоръ былъ я у тебя
Не засталъ дома тебя;
Не засталъ-то не засталъ,
На крылечкѣ простоялъ
И за колечко пробречалъ,
За такое за витѣ, за серебрянное.
Въ новы синенки зашелъ
И ничего не нашель.
Въ нову горенку зашелъ—
Три забавы нашель:
Первая забава—кровать тесова,
Вторая забава—перина перова,
Третья забава—красна дѣвушка
душа.

Красна дѣвушка лежала,
Руки, ноги разметала,
И на себя парня кидала.
Парень бился безъ стыду
До бѣлова до свѣту,
На дворѣ была заря
И молодецъ со двора.

На высокое сголовье приоблоктился,
Собориннымъ одѣяломъ призадер-
нулся,
Призакутвался.

№ 64.

(, Плясовская").

У воротъ воротецъ,
У воротъ Арбацкихъ,
У дверей кызацкихъ
Выросла травка—
И трава-мурава,
Лазоревы цвѣты,
Тоношны примѣты.
Гуляли ребята
И дорожку торили,
Къ дѣвушкамъ ходили
Изъ бору, бору,
Изъ косу гору.
На улицѣ дождикъ
И дождикъ маленекъ,
Не густой, не рѣдокъ,
Ровно ситомъ сѣять,
Частымъ посѣвать.
Братъ сестрицу
И словомъ утѣшаетъ:
Здорово, сестрица,
Здорово, родима!
И все я нездорова
И все я не весела;
Хожу я по улочкѣ
И не нахожуся;
Гляжу я на милова
И не нагляжуся;
Ково, вѣрно, люблю,
Тово здѣсь нѣтъ,
Люблю-полюблю
Хорошу дѣвку;
Хороша дѣвушка—
То мое сердце;
То мое сердце,
То мое ретиво
Все во мнѣ изныло,

Все у меня изгорѣло,
Все изболѣло.

№ 65.

Бѣднинькой мальчишко
Веселинькой былъ,
Военную службу
До страсти любилъ.
Сюртукъ, эполеты
Скрашали его,
Прекрасны мамзели
Ласкали его.
Однажды я дожидъ
До чернова дня;
Назвалъ себѣ гостей—
Солдатъ молодыхъ.
Къ нему повстрѣчался
Капраль у дверей.
Пожалуйте, сударь,
Къ росчоту прибыть;
Къ росчоту, къ розводу
Всю роту вести.
Маерь и полковникъ
Давно дожидаль:
Пожалуйте, Ваня,
Ему саблю свою,
Булатну саблю,
Пунчевой стаканъ.
Со этого стакана
Нашъ Ванюша пьянъ.
За это за пьянство
На обвахту садить,
На обвахту на лавку
И въ окошко глядѣть,
Ишо тово скучные
Сквозь рѣшетку смотрѣть.
Заставляли Ванюшу
Мамзели здѣсь нять.

№ 66.

Эту пѣсню я слышалъ въ дѣт-
ствѣ, въ с. Бѣлозерскомъ, той же
волости, Курганскаго у. и, поль-

зуюсь настоящимъ случаемъ, воз-
становляю ее въ своей памяти, не
ручаясь, однако, ни за полноту ея,
ни за порядокъ строкъ. *Ред.*

Ты поповна, поповна моя,
Ты попомни, попомни меня.
Я когда у тѣ еишницу хлебать,
Подъ полатямъ зароды метать,
На тебѣ больши копны возилъ.
Поповы ребята овесъ молотили,
Снопы-те стрѣвали,

Пошу-то сказали.
Попъ-отъ съ кровати,
Попадья-то съ печи—
Изломала плечи,
Баранъ изъ подъ печи.
Завтра праздникъ вознесенье,
Вознеси бабу на сосну,
На верхней сукъ,
На ременной кнутъ.
Ты неси, баба, пироги
Съ лучкомъ, съ мачкомъ,
Съ протичкомъ, съ окаянничкомъ.

2. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ дер. Онатьевой Иновской вол.

Круговая.

№ 67.

По улочкѣ по шведской,
По слободушкѣ нѣмецкой
Генералькой сынъ гуляетъ;
Онъ во скрыпочку играетъ,
Онъ во скрипку—въ балалайку,
Во звончатыхъ во гусли.
За собой онъ водилъ дѣвку,
Водилъ дѣвку, водилъ Зенку.
Зенка ричи говорила,
Говорила—не таила:
Поѣдешъ, милъ, жениться—
Приворачивай проститься;
Привяжи коня ко кусту.
Ко тому кусту къ калинѣ;
Сорви ягоду калину,
Попровѣдай, милъ, калину—
Какова горька калина,
Такова горька женитьба;
Какова горька калина

Таково житье за старымъ:

Нѣту воли, нѣту нѣги,
Нѣту мягкія постели,
Нѣтъ пухова изголовья,
Нѣтъ теплаго одѣяла.
По улочкѣ по шведской

Дальше вся нѣсеня повторяется до
словъ:

Привяжи коня ко кусту,
Ко тому кусту къ малинѣ;
Сорви ягоду малину,
Попровѣдай, милъ, малину.
Какова сладка малина,
Такова сладка женитьба;
Какова сладка малина.
Таково житье за ровней:
Есть и воля, есть и нѣга,
Есть и мягкая постеля,
Есть пуховое изголовье
И пуховое одѣяло.

Проголосныя.

№ 68.

Запрегъ я буланка
И поѣхалъ я въ лѣсъ, въ лѣсъ,
И поѣхалъ я въ лѣсъ;

Насѣкъ я метелокъ,
Наклатъ ихъ на возъ и на возъ,
И наклатъ ихъ на возъ.
Поѣхалъ домой
По дороженькѣ вдоль и вдоль,

И по дороженькѣ вдоль.
Заѣхалъ я въ край,
Гдѣ любезна живетъ, живетъ,
И гдѣ любезна живетъ.
Въ окошко глядитъ,
Цвѣточкомъ манить, манить,
И цвѣточкомъ манить.
Заставила любезна
Буланка продать, продать,
И буланка продать.
Продалъ милъ буланка,
Купилъ мнѣ салонъ, салонъ,
И купилъ мнѣ салонъ.

№ 69*).

Вечеръ въ вечеру,
Милъ шатился ко двору.
Рученькой махнулъ,
Самъ кудрямъ тряхнулъ:
Бабы миленька здорова,
Вышла встрѣтила милова,
За ручку взяла,
Въ зеленъ садъ пошла,
Зеленъ садъ мой подъ гору,
Подъ сосенку зелену,
Подъ кудрявую.
Подъ той я сосеночкой сидѣла,
Дружку тайность объявила,
Съ кѣмъ я прежь жила,
Бово я любила;
Любила не плохова,
Парня молодова,
Парня бравова, косорядова.
Милый въ Омскѣ жилъ,
Въ Tobольскѣ служилъ,—
Ночевать ко мнѣ ходилъ,
Все вино носилъ.
Мнѣ случилась водка пить—
Худа слава стала слыть;
По всему селу, по веселому
Многи люди узнали,
Отцу-матерѣ сказали,—
Меня стали бить;

*) Ср. вариантъ подъ № 39. Ред.

Я стала богу молить:
Создай, боже, жениха 90 лѣтъ,
Въ ротѣ зубовъ нѣтъ.
Я отъ ста рублей отстану,
Любить старова не стану—
Въ домѣ его нѣтъ
И въ мысляхъ не вожу.
Засвѣчу я свѣчу сальну,
Я введу дружка во спальню,
Чаемъ напою и водкой угощу.
Чаю поскорѣ—
Самоварчикъ на столѣ.
Роспали—пошли, распростилися:
Ты прощай, моя любовка,
Я куплю тебѣ обновку
Въ сегодняшній день,
Въ теперешній часъ—
Ало платѣ со цвѣтамъ,
Шаль турецку со кистямъ, —
Изволь, получай—не чуванься.

№ 70.

Во этомъ во лѣсочкѣ
Сидитъ много лебедей.
Всѣ лебедушки парами,
Мнѣ, злочасной, пары нѣтъ.
Они спорхнули, полетѣли,
Я осталася одна,
Ровно горька сирота.

№ 71.

Звонокъ звенить—
На счетъ повѣстки онъ даетъ.
Не сталъ я зори дожидаться—
Проворно печку сталъ ломать.
Въ трубу въ тѣсную ворвался,
На тотъ церковный на чердакъ,—
Съ ограды страсть ему взглянуть.
Ему пришло на размышленье
Послѣдній разъ на дворъ взглянуть.
Прощайте, друзья моему сердцу,
Прощай заглавная абвахта,

Прощай тюремный коридоръ,
Прощай, мой товарищъ Александръ.
Перекрестился, самъ спустился.
Солдатъ увидѣлъ—закричалъ,
Въ казармѣ рѣзалась тревога,
Во фронтѣ бьютъ барабанъ.
Ланцовъ изъ замка убѣжалъ
Сибирскимъ трактомъ,
Вернулъ въ дремучій лѣсъ.
Три годочка шлялся,
Не звалъ, чо пилъ онъ, ѣлъ.
Съ крестьянской дѣвушкой сознался,
Со старопрежней со своею—
Крестьянска дѣвушка
Настоль была красива.
Ланцовъ задумалъ ободрать—
Снималъ косинку и перчатки,
Съ руки жемчужное кольцо.
Крестьянска дѣвушка не стерпѣла,—
Ланцова взяли подъ надзоръ.
Въ семи душахъ Ланцовъ сознался,
Восьму хотѣлъ онъ погубить.
За то Ланцова взяли,
Что въ старо мѣсто жить попалъ.

№ 72.

Изъ за рошцы зеленой
Выходила Машенька,
Со этой со Машуткой
Ефисаръ маршировалъ.
Вотъ калина, вотъ малина,
Ефисаръ маршировалъ.
Хорошо онъ машируетъ,
Хорошо съ Машей играть,
Вотъ калина, вотъ малина,
Выходила Катерина
За новыя ворота,
Вотъ калина, вотъ малина,
Пожалуй милой мой
На широкой большой дворъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Слѣзай милой съ коня
Среди нова двора.
Вотъ калина, вотъ малина

Ты привязывай коня
Ко точеному столбу,
Вотъ калина, вотъ малина,
Ко злаченому кольцу.
Вотъ калина, вотъ малина,
Пожалуй, милой мой,
Въ нову горницу со мною.
Вотъ калина, вотъ малина.
Ты снимай-ко сюртукъ, шляпу,
Ты повѣсь его на крюкъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Ты пожалуй, милой мой,
На кроватку спать ко—одной,
Вотъ калина, вотъ малина.
Въ этотъ день, въ этотъ часъ
Мужъ изъ Питеру тотчасъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Это что у те, Катюша,
Что за конь, за вороной?
Вотъ калина, вотъ малина.
Во базарчикѣ была
Ворона коня взяла.
Вотъ калина, вотъ малина,
Ворона коня взяла,
Сто я семьдесятъ дала.
Вотъ калина, вотъ малина.
Это что у те, Катюша,
Что за шляпа, за сюртукъ?
Вотъ калина, вотъ малина.
Какъ вечера гости были,
Сюртукъ, шляпу позабыли.
Вотъ калина, вотъ малина.
Это что у те, Катюша,
Что за парень молодой?
Вотъ калина, вотъ малина.
По тропинкѣ шла—
Сиротинку нашла.
Вотъ калина, вотъ малина.
Развѣ грѣхъ, Ванюша,
Сиротину накормить?
Вотъ калина, вотъ малина,
Въ сюртукъ шляпу снарядить,
На добра коня садить.
За ограду проводить.
Вотъ калина, вотъ малина.
Что у те, Катюша,

Призаплаканы глаза?
Я у мамоньки была,
Лежить мамонька больна.
Вотъ калина, вотъ малина.
Давай-ко ты, Ванюша,
Съ горя трубочку покуримъ?
Трубочка не курится,
Сърянки не горятъ.
Вотъ калина, вотъ малина.

№ 73.

Молодой чумашикъ.
Что ты зажурился,
Безъ доли родился,
На верхъ появился?
Пошелъ гулять въ поле
Искать себѣ долю;
Не нашель я доли,
Нашель сине море.
На синемъ морѣ
Свѣжу рыбу ловятъ.
Рыболовцы-ловцы.
Натягайте сѣтку
Черезъ быстру рѣчку.
Изловите долю
Парню молодому.
Изловили щуку
Парню на разлѣку.
Рыба щука граетъ.

Парню пару манить.
Поди-ко ты въ поле.
Ищи себѣ долю.

№ 74*).

Вышелъ мальчикъ за ворота,
Призадумался стоитъ.
Подъ нимъ конь стрепенулся.
Перескочилъ Сашинъ домъ.
Здравствуй, Саша,
Здравствуй, Маша.
Здравствуй любушка моя.
Я пришелъ къ тебѣ спроситься,
Скажи—любишь, али нѣтъ.
Я любить тебя люблю
И отказаться не могу
Отъ тебя, отъ молодца.
Пойдемъ-ко, милой мой,
Въ зеленъ садъ, въ алые цвѣты.
Много цвѣтиковъ цвѣтеть,
Мнѣ не каждой ихъ сорвать;
Много молодцовъ въ нарядѣ,
Мнѣ не кажнаго любить.
Позволь, моя милая, жениться,
Позволь взять, кого люблю?
Ты женись-ко, моя радость,
Ты женись-ко, дорога,
Возьми у сусѣда дочь—
Кумушку мою и голубунку.

Плясовыя.

№ 75.

Не варила, не цекла,
Печку не топила;
Мужа рано по утру
Въ городъ проводила.
Два лукошка толокна
Продала сосѣду,
Набрала пива-вина,
Завела бесѣду.
Пили-пировали.

Напились-свалились.
На ту пору, на тотъ часъ
Тихо дверь створилась:
Какъ заходитъ мой-то мужъ,
Съ гнѣва покосился.
Беретъ со сички плетъ,
Началъ женку драть;
Дралъ онъ ее, дралъ,
Дралъ съ припѣвомъ;
Бросилъ въ уголъ плетъ,
Ухватилъ онъ пазку,—

*) См. вариантъ подъ № 32. Ред.

Раза два перекрестилъ.
 Стало женки жалко:
 Не мѣняй-ко ты, жена,
 Толокно на водку;
 У сосѣда дѣтушки
 Толокно хлебають,
 У меня молодой
 Дѣти голодають.
 Дѣти съ голоду кричатъ.
 Отъ стужи плачутъ.
 Какъ мнѣ это толокно
 Дорого досталось.—
 Три недѣли на бокахъ
 Охала, валялась.

№ 76.

По заулку шла,
 Въ рѣшетѣ овса несла
 Машу въ Дашу и въ давдашу
 (припѣвъ)

Полтора зерна;
 На печь высыпала
 Машу въ Дашу и въ давдашу
 На одинъ кирпичъ.
 По три дни сушила,
 По четыре дни толкла.
 Машу въ Дашу и въ давдашу.
 По пяти блиновъ толкла
 И не наѣлась досыта.
 Машу въ Дашу и въ давдашу.
 Сусѣдушка не добра—
 Не напотчивала*),
 Губочки надула
 Домой удула.
 Машу въ Дашу и въ давдашу.
 По собачьи разбѣжалась,
 По телячьи залехтѣлась,
 Машу въ Дашу и въ давдашу,
 Мяконьки**) катала,
 По подавечью валяла,
 На порогъ загибала;

*) Подчивать—угощать. *Ред.*

**) Мягкія—свѣжеиспеченный хлѣбъ. *Ред.*

***) Корѣпаться—недомогать, прихварывать. *Ред.*

****) Везниковцами называютъ торговцевъ въ развозъ. *Ред.*

На печь въ углу пекла,
 Машу въ Дашу и въ давдашу
 Кулаки свои сожгла.
 Завела я на опарѣ,
 Мягки приопали,
 Машу въ Дашу и въ давдашу.
 Завела на дрожжахъ,
 Потянула на вожжахъ,
 Машу въ Дашу и въ давдашу.
 Никто мяконькихъ не купить
 Никто даромъ не беретъ,
 Машу въ Дашу и въ давдашу,
 Сива свинья покастлива была
 Мяконькихъ поѣла—
 Голова опрѣла,
 Зубы выскакали,
 Машу въ Дашу и въ давдашу.
 Стала свинья пропадать
 Своимъ дѣтямъ наказать:
 Дити вы, дити;
 Чево хотите тяните,
 Одиъ мягки не троните,
 Машу въ Дашу и въ давдашу.

№ 77.

Вечѣра Орина
 Весела ходила,
 По утру наша Орина
 Раскорепалась***),
 Раскорепалася-исповѣдалася.
 Исповѣдали Орину
 Везниковцы****)—купцы,
 Окатьевски молодцы.
 Гдѣ сойдутся—бранятся,
 Оринушкой корятся.
 Не гляди, Ваня, на то,
 Приходи, Ваня, иишо,
 Изъ широкихъ изъ воротъ
 Прямо къ тятѣ въ огородъ,
 Чесноку-дуку полоть.
 Я полю, полю,

На колѣнки припаду,
Послушаю тово.
Не бранить ли кто ково.
Во высокиѣ терему
Отецъ дочь бранить,
Не велить черныхъ любить:
Чернаго къ чорту послать,
Долгой жоровой—зароды метать,
Малинькой коротинькой—снопы по-
давать,
Рыжій черемный—овины сушить.
Ваня бѣлый кудряватъ
Съ Ориняшей на кровать,
Подъ сосенку подъ зеленую,—
Тамъ стояла кровать;
Кровать нова-тесова,
Перинушка-лерова,
Подушка пухова.

На этой на кровати
Ефипаръ почивалъ,
Въ звончаты гусли игралъ.
Вы взыграйте гусли-мысли,
Я вамъ писню скажу
Про женитьбу мою,—
Безъ меня меня женили,
Я на мельницѣ былъ,
Столовали, пировали—
Въ бору дрова рубилъ.
Пріѣхалъ ко двору—
Жена подлѣ меня.
Раскатись моя телѣга,
Всѣ четыре колеса,
Пропади моя женитьба,
Лишь бы деньги ворота.
Деньги—легкая нажива,
Объ нихъ нечего тужить.

3. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ дер. Притыкиной Иновской вол.

Смѣточные.

№ 78*).

Шкатулочка новобронзовая, золоче-
ная,
Я давно въ тебѣ, шкатулка, не была,
Цвѣтно платьице не сматривала.
Потеряла трои золоты ключи,
Разчетвертыѣ бронзовы часы,
Я на розовой ленточкѣ,
На фарфоровой тарелочкѣ.
Кто бы, кто бы эти ключики нашелъ,
За того бы я въ замужъ пошла—
Не спокаялася,
Цѣловала—не номорговала**).
Мальчикъ-то малъ, да удалъ,
Черезъ высоки заплотики скакалъ,
Увизитки праву поду оторвалъ.
Визиточка безъ помы, да безъ помы,
Красна дѣвка безъ шаленки, безъ
шали.
Увизитки праву поду мочинилъ,

Красной дѣвкѣ шаль на плечи на-
ложилъ,
При послѣдѣ цѣловкомъ ее дарилъ.

№ 79.

Отъ заросла до заросла
Были долги гоны.
Тутъ ходили дѣвчоночки
Познобили щечки.
Походять было по травкѣ
Поцѣпывать цвѣточковъ.
Сорву, вырву два цвѣточка,
Голубой да алой,
Посажу эти цвѣточки
Къ себѣ на окошко,
На большу дорожку,
На торную,
Буды милой ходить.
На окошко взглянетъ

*) Ср. вариантъ подъ № 149. *Ред.*

**) Морговать—брезгать. *Ред.*

На окошко взглянуть
Цвѣтичекъ повянуть;
Миленькой вспомануть,
Онъ любить не стануть.

№ 80.

Гдѣ мы съ тобой, миленькой, не хаживали,
Гдѣ съ тобой, хорошиной, не гуливали.

На горахъ высоко,
Да въ чистомъ полѣ далеко,
Ходили со миленькимъ въ садикѣ,
Сорвали со миленькимъ по яблочку.
Разрушали*)—вмѣстѣ скушали.
Мы сошлись—поклонились, поздоровались.

Ты здорова, черноброва,
Здравствуй, ягода моя,
Увидаѣ я здѣсь тебя.
Увидаѣся—зрадовался,
Не разстался бы съ тобой.
Скоро мальчикъ догадаѣся,
Закрывалъ лицо платкомъ,
Дарилъ дѣвку цоловкомъ.

№ 81.

Изъ за лѣсу, изъ за колку
Выбѣгали кони, кони,
Кони вороные,
Люди молодые.
На конишкѣ воронишкѣ
Молодой мальчишка;
На парнишкѣ рубашишка
Тонка послотная.
Мнѣ не мать рубаху шила,
Не сестра кроила,
Мнѣ ка шила, вышивала
Кунеческа дочка,
Кушца дочь Орина,
Даромъ подарила,
Даромъ, даромъ
За амбаромъ.

Мать сына бранила:
Ужъ ты, сынъ, ты, мой сыночикъ,
Божій кобелечикъ,
Надо сына приковать
Къ каменной палатѣ.
Ты не куй-ко меня, мать,
Къ каменной палатѣ,
Ты прикуй-ко меня, мать,
Къ дѣвичьей кровати;
Я у дѣвичьей кровати
Радъ бы почевати,
Годишь годовати.

№ 82.

Не ходи-ко бѣль-кудрявой,
Мимо моей хаты,
Не топчи-ко, бѣль-кудрявой,
Зеленую мяту,—
Я не для тебя садила.
Не для тебя поливала.
Для того мяту садила
Кого прежь любила,
Для того я поливала
Кого цѣловала,
Цѣловала-миловала
Въ уста цѣловала.

№ 83.

Я спушуся подъ горочку
Ко тому же купцу въ лавочку,
Я куплю рублевую свѣчу,
Я поставлю тому же молодцу
Ко тому же кунцу въ лавочку.
Ты гори, гори, рублевая свѣча,
Ты умри, умри законная жена!
Ты живи-ко, сударушка моя,
Земляничка сладка ягодка.
Ты душа же, красна дѣвица,
На кого живешь, надѣвешься?
—На того же друга милова;
Чаю, чаю, не спокинеть онъ меня,
Увѣряю, возьметъ замужъ за себя,
При послѣдѣ поцѣлуетъ три раза.

*) Рушать, разрушать—разрѣзать. Ред.

Проголосная.

№ 84.

Тамъ убили молодого казака,
Схоронили при широкой долинь;
У долинки нѣтъ ни краю, ни конца.
Тамъ летѣли соколички- соколы,

Сѣли-пали ко вдовушкѣ на дворецъ.
Встань, вдовушка, пробудися отъ сна,

Пойди, выйди за новыя ворота,
Ты послушай, чево люди говорятъ
Про вдовушку не былыя словеса.

4. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ с. Боровомъ-Нарачты, Бѣлозерской вол.

Круговыя.

№ 85.

Шли съ горки мы на гору
Ко цареву кабаку,
Ко Ивану-чудаку.
Ты, Иванушко-чудакъ,
Отпирай новой кабакъ,
Наливай вина подвоямъ.
Изъ кабаку идетъ—шатается,
Во черной грязѣ валяется,
Надо мной, молодой, ломается,
Заставляетъ разувать, разболокать,
Часты пуговицы растегивати,
Опояску распоясывати,
Шелковы петли разматывати.
Моя рученьки бѣлешеньки,
Золоты перстни тонешеньки;
Мои рученьки мараются,
Золоты перстни ломаются,

Обломочки теряются,
Потеряются—не найдутся,
Хоть найдутся—не скажутся.

№ 86.

Выходили красны дѣвушки
Изъ воротъ гулять на улочку,
Изъ широкихъ на поляночку.
Выходили красны дѣвушки,
Принесли красны дѣвушки
Соловюшка на рученькахъ.
Соловюшко-то пѣсенки поетъ,
Молодой мальчикъ насвистываетъ.
Краснымъ дѣвушкамъ наказываетъ:
Вы красуйтесь, красны дѣвушки,
У родимаго батюшки.

Свадебная.

№ 87.

Во столовой новой горенкѣ
Стоялъ кипарисный столъ;
На столѣ стояло зеркальцо,
Не просто стекло-нѣмецкое.
Противъ зеркальца нѣмецкаго
Стоялъ добрый молодецъ;
Онъ чесалъ буйну головушку
Черезъ нахову гребелочку;

Онъ чесалъ, самъ приговаривать,
Со кудрями разговаривать:
Прилегайте русы волосы
Ко моей буйной головушкѣ,
Ко моему лицу бѣлому;
Привыкай-ко, красна дѣвушка,
Ко моему уму-разуму,
Къ обычаю молодецкому.
Не успѣлъ онъ рѣчи кончить,
Двери на пята створились,

Тутъ дѣвица появилась.
Ты иди, иди же, барышня.
Лети ласточка косатая,
Перепелочка крылатая,
Ты груша зеленая,
Изъ край алмазная.
Я же была барышня—
За мной были служаночки;
Кабы я была перепелочка,

Я по воздуху бы лѣтала;
Кабы я была груша зеленая,
Была бы въ зеленомъ саду поса-
жена;
Кабы я изъ край алмазная.
Я въ золотымъ бы перстнѣмъ вѣнзана;
На твоей бы правой рученькѣ,
Въ обручательномъ колечушкѣ.

Проголосныя.

№ 88.

Что въ нонѣшномъ годочкѣ
Вздумалъ мальчикъ жениться.
Онъ не знать, кого спроситься,
Кромѣ матери, отца.
Позволь, титенька жениться,
Позволь взять, кого люблю.
Отецъ сыну не повѣрилъ,
Что на свитѣ есть любовь.
Есть на свитѣ люди равны,
Можно всѣхъ любить вровнѣ.
Отвернулся сынъ, заплакалъ,
Отцу слова не сказалъ.
Пошелъ мальчикъ разгуляться
Прямо къ Машѣ на дворецъ.
Постучалъ онъ ей въ окошко:
Маша, выйди на крылецъ,
Дай съ правы руки колечко
Ради памяти своей.
Самъ пошелъ мальчикъ на островъ
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Томской, между Омской,
Между Питерской большой;
Вынялъ саблю, вынялъ востру,
Поразилъ онъ самъ себя.
Его буйная головка
Покатилась съ плечъ долой,
Его очи, его ясны
На солнце не глядятъ.
Право письмаца печали
Прямо къ Машенькѣ летать.
Гдѣ читала, тутъ унала,

Жизнь кончалася,—любовь.
Ручки къ сердцу приложила.
Грудь прикрыла полотномъ.
Громко пѣвчи-те заплѣли,
Съ колокольні звонъ пошелъ.

№ 89.

Заныло сердечко ретиво
Съ печали, съ тоски.
Увидѣлъ колечко на правой рукѣ,
На правой, на лѣвой—обручатель-
ное.
Не сама я купила—милый подарилъ;
До страсти любилъ, до страсти—до
вѣку,
До черного дни.
Садился Ванюша на отлшнова коня,
На отлшнаго коня въ суконной
одеждѣ,
Красивинкѣй на лицо,
Красивой, шутливой,
Веселинкой на лицо.
Эти шуточки, забавы
Оставилъ за мной,
За мной, за младенькой,
За отлшной красотой.
Моя-то краса всему городу краса,
Всѣмъ подружечкамъ честь и хвала.

№ 90.

На мѣстѣ на пустомъ
Выростаетъ красной домъ
Со зеленымъ со садомъ,
Со ракиновымъ кустомъ.
Мы во этотъ кустъ зайдемъ
Мы нишо не то найдемъ;
Мы увидимъ кое-много,—
Есть чугунная дорога,
Богатырская лошадка—
Синегривый жеребецъ;
Рысю бѣгать молодецъ;
Разтакой онъ сильный песъ
Везъ онъ (не разобрано)... не увезъ;
Онъ воды то пьетъ помногу,
Всю дороженьку пишипитъ,
За собой много тащитъ.
Отдалъ денежки-то вдругъ—
Укатился въ Петербургъ.
Петербургска и Москва—
Въ Москвѣ раскрашены дома,
Улка метлой метена.

№ 91.

Ты гори, моя лучинка,
Гори яснымъ огонькомъ.
Гори ясно, не погасни,
Я съ тобою догорю.
Заняла дѣвку неволя,
Зла, холодная зима.
Вѣтеръ дуетъ, дождикъ хлещетъ,
Съ горъ поточинки шумятъ,
Сердце стонетъ, во мнѣ ноетъ,
Сердце ключикомъ кипитъ.
Сердце ключикомъ вскипѣло,
Шибко жалко дружка мнѣ.
Знать-то*) милинькой покоенъ,
На кладбище повезли.
Ужъ на этомъ на кладбищѣ
Есть дорожка въ сторонѣ;

Ужъ на этой на дорожкѣ
Стоять келья на пути,
Что въ этой во килейкѣ
Всяки разные цвѣты.

№ 92**).

Изъ за лѣсу, изъ за горъ
Подымалась туча—громъ,
Со крупн-съ-частымъ мелкимъ дож-
демъ.

Что со этого дождя
Стала улочка грязна.—
Не проѣхать, не продти,
Не колеска прокатить,
Не конечка провести,
Нельзя милому дружку пройти.
Не пруточки тетрички
Отъ милого дружка вѣсточки.
Не про насъ-ли съ тобой, милень-
кой,

Люди судятъ—говорятъ.
Завтра праздничекъ будетъ у насъ,
Завтра праздникъ воскресенье,
Намъ гулящій съ милымъ день,
Намъ гулящій, веселяшшій.
Въ лѣсъ за ягодамъ съ милымъ
пойдемъ,

За калиной, за малиной,
За черной смородиной.
Ужъ мы ягоду принабрались,
Изъ лѣсочку прочь пошли,
Изъ лѣсочку, изъ кусточку
На большу дороженьку,
На большую, трактовую,
На сибирскій большой трактъ.
Что на этомъ на тракторкѣ
Стоялъ домичекъ новой.
Что во этомъ во домочкѣ
Сидѣлъ инсаръ, голова,
Третій староста съ нимя.

*) Знать-то—должно быть; очень распространенное и употребительное выраже-
ние. Ред.

**) Ср. варианты подъ №№ 30 и 52. Ред.

№ 93.

При долинь кустъ калинушки сто-
ить,

На калинь соловей—птица сидить,
Горьку ягоду калину желубить,
Размалинушку прикусываетъ.

Нагорчала горька ягода въ роту.
Прилетали къ соловью два сокола,
Звали, звали соловьюшка съ собою,
Съ собой въ клѣтку посядѣть,
За серебрянну рѣшоточку,
При послѣдѣ молодцовъ насъ утѣ-
шать.

Тамъ за рѣчинькой рѣкой,
Тамъ слободушка стоитъ.
Во слободушкѣ молода вдова живетъ.
У вдовушки дочь красивая растетъ
Лицомъ бѣлымъ, ровно бѣлинъкой
снѣжокъ,

Щеки алы, ровно алинъкой цвѣтокъ.
Не шумите вѣтры буйные съ дож-
девъ,

Не сдувайте черну шляпу съ головы,
Черна шляпа со кольцомъ,
Съ золотымъ она вѣнцомъ.

№ 94.

Что у Дувюшки много думушки,
У Авдотьюшки велики горя.
Мнѣ куды съ горя дѣваться?
Я пойду-то съ горя въ чисто поле.
Въ чистомъ поличкѣ растетъ трава,
Цвѣтутъ цвѣты лазоревы.

Я со стой травы сорву цвѣтокъ
Я совью вѣнокъ милому дружку на
головушку:

Ты носи, милый, не сронивай,
Люби дѣвушку—не обманывай.
Я отъ васъ отсталъ

Несчастный сталъ—въ тюрьму по-
палъ.

Въ тюрьмѣ сидѣлъ—въ окно гля-
дѣлъ,

Не пройдетъ ли моя разхорошая,
Не промолвить ли она словечушко,
Не подарить ли колечушкомъ,
Не обрадуетъ ли сердечушкомъ.

№ 95.

Сизинькой голубчикъ,
Ясинькой соколикъ
По полю летаетъ,
Чево примѣчаетъ?
Путь себѣ дорожку,
Коей лучше ѣхать.
Боромъ ѣхать страшно,
Лугомъ ѣхать кочко,
Мостомъ ѣхать тряско,
Въ Москву ѣхать стыдно—
Улочки метены,
Камешкомъ кладены.
Клади-выклади
Некрутски ребята,
Съ бѣлыми руками
И съ черными бровями.

№ 96.

Эй, Карлыша, не робей!
Когда за умъ возьмешься,
Ты на улочкѣ своей
Праздничка дождешься.
То-то будетъ пиръ-горой,
То-то будетъ счастье,
Какъ Иванъ Ивановичъ
На мое согласье.

№ 97.

Ужъ ты, гулинька, зачѣмъ ты ко
мнѣ въ гости не летаешь,
Развѣ ты моего домику не знаешь?
Голосочку важнаго не слышишь?
Мой важный голосъ вѣтричкомъ от-
носится
Частымъ дождемъ мочить.

№ 98.

Послала Ваню мати
 Ярового хлѣба жати:
 Ступай-ко, Ванюшка, сожни.
 Онъ пошелъ не той дорожкой,—
 Не нашелъ свою полоску,
 Онъ началъ чужую жать.
 Онъ нисколько не нажалъ
 Со любезной простоялъ.
 Одинъ снопичекъ Ваня нажалъ—
 Обняла-то Ваню скука,
 Онъ серпомъ порѣзалъ руку—
 Пошла урѣзна кровь;
 Мила рядомъ съ Ваней жала,
 Платомъ руку завязала,—
 Уймись урѣзна кровь.
 Отецъ съ матерью стоять
 Про тоже говорить:
 Ты тупай-ко, Ванюшка, домой,
 Ты со страдныя работушки съ по-
 левы.
 Бѣжалъ Ванюшка столь онъ прытко,
 Калинъ-мостичекъ подломился,
 Съ Ванюшинькой, съ Ванюшкой
 бѣда.

Течеть рѣчинька по песку
 Во ту матушку во Москву.
 Кидался Ванюшка въ тоску.
 За дубовый столь садился,
 Перомъ Ваня писалъ,
 Онъ селеньице проклиналъ:
 Разпроклятое Маслянское
 Худо селенье;
 Нѣтъ ни дѣвушекъ, нѣтъ солдатокъ,
 Нѣтъ холостинькихъ ребятокъ—
 Не съ кѣмъ спопить и спогулять;
 Боровлянское славно селеньице—
 Есть и дѣвушки, есть солдати,
 Есть холостиньки ребятки,
 Есть съ кѣмъ спопить и спогулять.

№ 99.

Не сиди, Дуняша, поздно вечеромъ,
 Не жги, не жги свѣчи салныя,
 Не жди, не жди дорога гостя,
 Дорога гостя—друга милова.
 Я пришелъ къ тебѣ не гоститися,
 Не гоститися, а проститися.
 Позволь, милая Дуняша,
 Мнѣ женитися.
 Ты женись, женись, безсовѣстный
 дуракъ,
 Ты возми, возми у сусѣда дочь,
 У сусѣда дочь—подруга моя Аннуш-
 ка,
 Мы съ которою вмѣстѣ училися
 Шолкомъ шить и перомъ писать—
 не чернилами,
 Писать письмо горячими слезамъ и
 со кручиною;
 Запечатали письмо крѣпкой думою
 своею,
 Отсылали письма къ милому друж-
 ку.

№ 100*).

Вышелъ мальчикъ за ворота,
 Призадумался стоять.
 Подъ нимъ конь-то встрепенулся,
 Отдалился милъ въ заборъ,
 Перескочилъ Сашинъ дворъ.
 Здравствуй, Саша, здравствуй, Ма-
 ша,
 Здравствуй милая моя!
 Ты скажи, моя мила,
 Вѣрно, любишь-ли меня?
 — Я любить тебя люблю
 Всѣмъ подружкамъ закажу.
 Ужъ вы кумушки, подружки,
 Вы не дѣлайте того,
 Не влюбляйтесь ни въ кого;
 Съ этою любовью
 Приключается болѣзнь.

*) Ср. варианты подъ №№ 32 и 74. Ред.

Болят ручки, болят ножки,
Болит спина, голова,
Болят спинushка, головка.
Скушно сердцу моему.
Искрушилась я и изсушилась
Объ миленькомъ,
Тоньше стала тоненькой иглы
И во постелюшку слегла;
Во постелюшкѣ лежала
Три недѣли вокурать.
Черезъ три ко мнѣ недѣли
Приходила скоро смерть.
Меня скоро снарядили,
Во перковъ повезли
И на кладбище повесли.
Приходи ко мнѣ, милекъ,
Во кладбищице ко мнѣ;
Напиши-ко, моя радость,
На гробницѣ на моей,
На гробницѣ на моей золотые но-

мера,

Золотые, не простые—
Прежъ любезная была,
Что любила не зорила,
Много денегъ не брала.

№ 101.

На вѣчорочкахъ сидѣли.
Ничего мы не напѣли—
Съ мужиками проиграли.
Ко тетюшкѣ принадлежи:
Ты, тетюшка родна,
Поучи-ко жить задня.
Ужъ ты, дитятко-дитя,
Я сама така была.
Прежъ не прѣла и не ткала.
Дома ночи не спала,
Съ мужиками гуляла,
Съ мужиками, съ писарями,
Со наемщиками;
Со наемщикамъ гуляла,
Много денегъ набрала.
Посулилъ милой монетъ,
Которова въ домѣ нѣтъ,

Въ деревнюшкѣ не найдешь—
Во слободку не пойдешь.

№ 102.

(Старинная).

Ужъ ты матушка Россія,
Куда гонишь насъ отселя?
Намъ отселя не хотѣлось.
Сударушки не ведѣли,
Любить до вѣку хотѣли.
Тамъ на рынкахъ, на рыночкахъ
Гуси, лебеди сидѣли,
Все про скуку говорили.
Ужъ ты скука моя, скука,
Тяжела съ милымъ разлука!
Разлучать съ милымъ неволька.
Чужа-дальная сторонка,
Чужа-дальна, незнакома,
Раз-Иркутска путь-дорожка;
Я по этой по дорожкѣ
Много разъ по ей бывала,
Скуки-горя принимала,
Во слезахъ письма писала.
Мои письма не доходятъ,
Ямнички-то не довозить,
Слуги вѣрны не доносить.

№ 103.

(Поется двѣщами на вѣчеркахъ).

Подъ окошечкомъ сидѣла—
Шила бѣлинькой платокъ.
Всѣ я глазки проглядѣла,
Дружка дождалася;
Не могла дружка дожидаться
Ни съ которой стороны.
Мой миленькой уѣхалъ
Во сибирской городокъ.
Меня, лапочку, оставилъ
Во проклятой сторонѣ.
Во проклятой сторонѣ
Разбесовѣстный народъ,
Разтакой народъ бесовѣстной—

Нѣту правды въ молодцахъ,
Ее нѣту, не бывало и не будетъ
никогда.

№ 104.

(Скоро поется, подь гармонію).

Ужъ ты, милая моя,
Жди невзгоду на себя;
Жди невзгоду на три года.
Чево вибудь да сдѣлаю:
Въ огородѣ выполю,
Воротишка высмолю,
Окошечка выбью;
Куплю смолы на конѣйку—
Всю я стѣну вымажу.
Я не мазалъ, не смолилъ,
Чернымъ лакомъ наводилъ.

№ 105.

(Скоро поется).

На болотѣ, на рему
Чесчка кладется;
Бросилъ, бросилъ меня милъ,
Мнѣ другой найдется.
Мнѣ другой находится.
Съ нимъ гулять доводится,
Сердечку не хочется.
Суди люди, суди богъ,
Я его любила—
По морозу, по снѣжку
Я къ нему ходила,
По морозу, по снѣжку—
По тонкому по ледку;
Прилюба была дорожка
Огородомъ, сѣнникомъ;
Прилюба была постелька
Подъ сараемъ, подъ верхомъ.

Б. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ дер. Варгашевой Сычевской вол.

Свадебныя.

№ 106.

Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
Кто у насъ хорошій,
Кто у насъ пригожій?
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
По горенкѣ ходить,
Въ зеркальцо смотрѣлся,
Самъ себѣ дивился,
Хорошъ уродился.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
Рубашка съ манишкой,
Манишка съ брыжжами,
Косинка*) съ духами.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!

По горницѣ ходить,
Манежно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараетъ.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
На крыльцо выходить,
Конь къ нему подходитъ;
На коня садился,
Конь-то извеселился.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
Конь-то подъ нимъ скачетъ
А онъ плеточкой машетъ.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
Къ морю подъѣзжаетъ—
Море колыбаетъ,
Къ саду подъѣзжаетъ—

*) Косинка—платокъ. Ред.

Садикъ разцвѣтаетъ.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
Пташки воспѣвають;
Домой прѣзжаетъ—
Мамонька встрѣчаетъ:
Гдѣ ты, сынтъ, гуляешь?
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
Я, мамонька, гуляю,
Невѣсть примѣчаю,
Коя побасяе*),
Коя помиляе.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
Есть на свѣтѣ
Помиля и побася
Красна дѣвушка-душа.
Розанъ мой, розанъ.
Виноградъ зеленый!

№ 107.

Соколы, соколы, вы куда летали со-
колы?

Мы летали соколы съ моря на море.
Да вы кого, соколы, видѣли?
Ужъ мы видѣли бѣлу лебедь на за-
водѣ.

Сѣрую птицу на морѣ.
Ужъ вы что ее не поймали?
Мы хотя ее не поймали,
Право крылышко заломили,
Горячу кровь пролили.
Ужъ вы, бояра, бояра, куда вы ѣз-
дили, бояра?

Ужъ мы ѣздили съ города на городъ,
Съ терему на теремъ.
Ужъ вы кого, бояра, видѣли?
Ужъ мы видѣли, видѣли
Красну дѣвушку въ высокѣмъ те-
рему.

Ужъ вы что ее не привезли?
Ужъ мы ее не привезли,
Только русу косоньку роспели.
Горячи слезы пролили.

Святочная.

№ 108.

Ванчикъ, кудрячикъ мой,
Кудревата твоя буйна голова,
Кудреватая, не чесаная.
Кто-те Ванюшу спородилъ молодца?
Спородила меня мамонька,
Споилъ—скормилъ меня тятинька,

Звоссіяла**) чужа сторона,
Завила кудри сударка***) моя;
Завивала-приговаривала:
Колды рѣчки разольются,
Тогда кудри разовьются.
Разливались быстры рѣчки по
лужкамъ,
Развивались русы кудри по плечамъ.

Проголосныя.

№ 109.

Я затопила избушку
И закурила дрова,—

Сама по воду пошла
На Самарикъ на рѣку.
На Самарикъ-рѣкъ
Гуси сѣры сидятъ,

* Баскѣй—красивый, хорошій. Ред.

**) Т. е. взлѣзѣла. Ред.

***) Сударка—возлюбленная. Ред.

Свѣжу воду мутать.
Постояла я немножко,
Устоялася вода;
Воду разбахнула широко,
Почерпнула глубоко;
Понесла я потресла,
На гору скоро зашла, —
Гора то рассыпалась.
Съ милымъ свидѣлась
Не набаялася*), только наплака-
лася.

Я пришла скоро домой,
Въ нову горенку.
Погляжу я въ печку —
Въ печкѣ дровца изуглилися,
Пепелочкомъ подернулися;
На шесткѣ горшечки
Надѣлися кипятъ,
Безъ соли, безъ крупы,
Безъ холодны воды

№ 110**).

Бхалъ мой-то милый,
Бхалъ милъ на трончкѣ,
Милъ на трончкѣ съ колоколь-
чикомъ,

Во повозочкѣ.
Онъ везетъ то везетъ
Письма-грамотки,
Не радушны, не веселыя;
Не перомъ-то писать,
Не чернилами,
Горячыми-то слезьми —
Со причётами.
Не сиди-ко, Дуня, поздно вечеромъ
При сумеричкахъ,
Ты не жги-ко, Дуня, свѣчи саль-
ныя,

Саза бѣлаго;
Тебѣ ждать-то дружка,
Не дождатися.
Я не гость-то пришелъ,

Не гоститися.
Я пришелъ-то къ тебѣ
Распроститися.
Ты велишь ли мнѣ
Споженитися?
Ты женись-ко, женись
Разбесовѣстный;
Ты возьми-ко, возьми
Изъ моей родни,
Изъ моей родни — мою кумушку.
Мнѣ другую то взять
Будешь гнѣвъ держать,
Будешь гнѣваться;
Мнѣ взять-то не взять
Самое тебя, разлюбезная.

№ 111.

Нынѣшнее лѣто
Оводливое было,
Комаровъ, паутовъ
Много уродилось.
Я тому дивилась,
Я тому диву дивилась —
Хороша родилась,
Волей похватила.
Ужъ ты воля, ты воля,
Воля закаята!
Куды красу дѣла,
Красу басу потеряла?
Все не та я стала,
Все не та я, проклятая,
Проклинала свою душу
Во бѣлымъ во тѣлѣ.
Какъ ночешную ночку
Прилеталъ голубчикъ;
Онъ садился, голубчикъ,
На новъ теремчикъ,
Да на самый князечикъ.
Онъ кокуеть и воркуеть,
Дѣвчоночку будить:
Встань, дѣвушка,
Встань лапушка,

*) Баять — говорить; набаялася — наговорила. Ред.

**) См. варианты ММ

Встань-ко, пробудися,
 Отвори мнѣ двери;
 Не отворишь ты двери,
 Отворяй окошко.
 Я окошечко скрывала,
 Полотно спускала,
 Дружка принимала
 На бѣлыя руки.
 Я садила мила-друга
 Во передній уголь,
 Во передній, во середній,
 За столы дубовы,
 За скатерточки браны,
 За яства сахарны.
 Стала, стала
 Дружку говорить:
 Ты, милой, не хвастай.
 На то милой осердился,
 Со мной не простился;
 Милъ тулупомъ махнулъ,
 Зеркальцо спехнулъ;
 Жестяное, хрустальное
 Громко пробречало.
 Мамонька узнала—
 Тятинькѣ сказала;
 Тятинькѣ-то тошно,
 Пособить не можно;
 Мамонькѣ-то горько—
 Дала дочѣ вольку;
 Дала, дала дочѣ вольку
 По ночамъ ходити,
 Всечины чинити.
 Со этой причины
 Выросла пучина*),—
 Съ нидили на нидилу
 Стала прибывать,
 Съ мисяцу на мисяцъ
 Стала шевелиться.
 Не дохода млада году,
 Принесла младена.
 Принесла млада младена
 Роду не плохова,
 Парня городскова.
 Стала мати говорить:

*) Пучина—животь. *Ред.*

**) См. вариантъ подъ № . *Ред.*

Надо дочю засадить
 Въ бѣлу горницу за занавѣсу,
 Чтобы мошки, блошки не кусали,
 Комары не добдали,
 Буйны вѣтры опахивали,
 Со бѣлаго лица
 Мушекъ соганивали.

№ 112**).

(Поется скоро).

На зорѣ было, на зоринькѣ,
 На зорѣ было на утренней,
 Тамъ Дуняша коровушку доила,
 Скрозь платочекъ молочко процѣ-
 дила,
 Процѣдивши, душу-Ваню поила:
 Нанопла—уговаривала:
 Не женись-ко, не женись, дружокъ
 Ванюшка,
 Ужъ ты женишься—спокаешься,
 Со худой женой намаешься,
 По подворьямъ нашатаешься,
 Межъ горами навалаяешься,
 Потеряешь свою молодость
 Межу дѣвокъ, межу бабъ,
 Мешу вдовушекъ-сиротушекъ.

№ 113.

Ужъ ты. Ваня, разудала голова,
 Разудалая твоя головушка,
 Ты куды же отъѣзжаешь отъ миня.
 Отъѣзжаешь, спокидась,
 Дружекъ Ванюшка миня.
 На кого ты меня оставилъ,—
 Не на друга, не на брата.
 Я осталась не салаткой, не вдово-
 вой,
 Точно круглой сиротой.
 Да съ кѣмъ я буду эту зиму зи-
 мовать,
 Съ кѣмъ прикажешь лѣто теплое
 гулять?

Да ты гуляй, гуляй, моя милая,
одна,
Я уйду отъ тебя въ чужи-дални
города,
Въ чужи-далние, незнакомые,
Въ славенъ городъ Петенбурхъ.

№ 114.

Развесела наша канпаньюшка,
Гдѣ мой миленькой пьеть.
Онъ пить-то не пьеть,
За мной, молодой, шлеть.
Ужъ какъ я то, млада, замѣшка-
лась,
За утками, гусями, я за лебедями,
Я за вольной малой пташечкой,
Я за журинькой.
Ужъ ты, журинька мой, журав-
люшко;
Онъ по бережку похаживаетъ.
Бовыль-травоньку пощипываетъ,
Ключевой воды прихлебываетъ,
Самъ за рѣчишку поглядываетъ.
Тамъ за рѣченкой за быстрою
Слободушка стоять не маленькая,
Не маленькая, всего четыре двора;
Во этихъ дворичкахъ
По кумушкѣ жить.
Ужъ вы, кумушки мои, голубушки,
Вы скумитесь со мной
И сялюбитесь со мной.
Какъ пойдете въ зеленъ садъ гу-
лять,

Вы возьмите меня съ собой;
Вы зачнитѣ, мои кумушки,
Цвѣточки рвать,
Сорвите и мнѣ;
Совьитѣ винокъ—
Свѣйте и мнѣ.

№ 115.

Зоря-ли моя, зоринька,
Звѣзда ли моя, звѣздонька.
Высоко звѣзда просвѣтѣла,

Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садику зеленаго,
Выше гвѣзда соловьиного.
Разсаженная березонька,
Проторена путь-дороженька,
Прогнаты по ней садатники;
Напередъ идутъ охотнички,
Позадѣ идутъ невольнички.
Въ барабанъ зорю ударили—
Охотнички песни грянули,
Невольнички слезно плакали,
Свою сторону вспоминули.
Сторона ты, наша сторонушка,
Сторона ты наша знакомая!
Мы когда-то поле пройдемъ,
Мы колды то чисто прокатимся,
Круты горы перевалимся,
Сине морѣ переплавимся,
Всю Россейшку наскрозь пройдемъ,
Мы невѣрницъ-то въ нолопъ воз-
мемъ.
Ужъ какъ турки до-пьянушка на-
пивались,
Во хмѣлюшкахъ похвалялися,
Ужъ мы бѣлаго царя на штыкъ
возмемъ.

Наша Сибирь взволновалася,
Всѣ турки прикололися,
Ишшо турки взволновалися
И остались.

№ 116.

Ясенинькой соколикъ,
Молодецъ прикрасной!
Куда съ горя отлетаешь,
Машу въ горѣ оставляешь?
Остаюсь я, Маша, въ горѣ,
Вся во слезахъ, какъ въ синемъ
морѣ.

На морѣ валы бьются,
А у Машеньки слезы льются,
Шибко жалъ дружка милова,
Наживать будетъ другаго;
Мой милой съ кудрями,

Черна шляпа съ соболями;
 Съ помады кудри вьются,
 Со кручинушки свьются.
 Пойду Маша въ чисто поле,
 Я разсѣю грусть-тоску
 По широкому полю.
 Я ходила Маша въ полѣ,
 Я искала дружка мила,
 Не могла себѣ найти.

№ 117.

Ты не пой-ко, не пой, соловьюшко,
 Утромъ рано на зорѣ.
 Не дай тоски назолушки
 Сердцу моему;
 Безъ того то моему-то сердечушку
 Шибко-тяжко тяжело,
 Принадѣлось мое сердце,
 Принадѣлося болить.
 Шла я лѣсомъ, шла я темнымъ,
 Не боялась никого
 Кромѣ дружка своего.
 День ты мой, денечикъ,
 День прекрасный дорогой,
 Мнѣ тебя же не видать.
 А малинкой дружочикъ
 Мнѣ съ тобой же не живать.
 Я со той тоски-кручины
 Во темны лѣса уйду,
 Зареву я, закричу
 Громкимъ голосомъ своимъ.
 Ужъ вы звери мои, звери,
 Собирайтесь сюда,
 Вы возьмите, разорвите
 Тѣло бѣло по частямъ;
 Вы оставьте, сберегите
 Ретиво сердце во мнѣ.
 Пусть мой миленькой дружочикъ,
 Пусть поплачетъ обо мнѣ,
 Надо мной, надъ молодой,
 Надъ русою косой.

№ 118.

Похотѣла меня мать
 За Ивана отдать.
 Нейду, нейду, мамонька,
 Не пойду, сударыня.
 У Ивана въ саду яма,
 Завсегда я пуду пьяна.
 Похотѣла меня мать
 За Егора отдать.
 У Егора въ саду гора,
 Завсегда я буду въ горѣ,
 Нейду, нейду, мамонька,
 Не пойду, сударыня.
 Похотѣла меня мать
 За Антошку отдать.
 У Антошки въ саду блошки
 Искусаютъ мои ножки;
 Нейду, нейду, мамонька,
 Не пойду, сударыня.
 Похотѣла меня мать
 За поповича отдать.
 Что поповичъ-отъ читать
 Я да книгу доржать.
 Нейду, нейду, мамонька,
 Не пойду, сударыня.
 Похотѣла меня мать
 За татарина отдать.
 Вотъ татаринъ лепетать,
 Я надѣдусь хохотать:
 Нейду, нейду, мамонька,
 Замужъ за татарина.
 Похотѣла меня мать
 За Филипа отдать.
 У Филипа въ саду липа,
 Завсегда я буду бита.
 Нейду, нейду, мамонька,
 Замужъ за Филипушка.
 Похотѣла меня мать
 За цыгана отдать;
 Цыганъ конямъ*) мѣнять,
 Я кусочки собирать.
 Нейду, нейду, мамонька,
 Не пойду, сударыня.
 Похотѣла меня мать

*) Творительный падежъ. Ред.

Да за писаря отдать.
Писарь будетъ писать,
Я—чернильницу держать.
Нейду, нейду, мамонька,
Въ замужъ я за писаря.
Похотѣла меня мать
Да за купчика отдать.
Купчикъ будетъ торговать,
А я денежки считать.
Нейду, нейду, мамонька,
Въ самужъ за купчика.
Похотѣла меня мать
За бандурщика отдать.
Пойду, пойду, мамонька,
Въ замужъ за бандурщика.
Хоть я сыта, голодна,
Такъ всегда и весела.

№ 119.

Постойте, ребята,
Чужо пиво пить.
Не пора ли намъ, ребята.
Свое заводить.
У насъ все, братцы, готово,
Все-де спасено—
У насъ солодъ на овинѣ,
Хмель-то на тычинѣ;
Хмелюшко вьется,
Тычинушка гнется.
Извивался, извивался
Хмелюшко съ тычинкой.
Совыкался, совыкался
Молодецъ съ дѣвчинкой.
Совыканье было тайно.
Роставанье явно;
Совыкались подь бѣлой березой.
Роставались подь горькой осиною,
Подь сосной вершиной.

№ 120.

Надъ быстрой рѣкой
Дѣвчонка плачетъ и рыдаетъ.
О чемъ ты, дѣвушка, плачешь,

Понапрасно слезы льешь?
Ужъ и какъ то мнѣ не плакать,
Какъ мнѣ слезоньки не лить.
Кого же тебѣ жалко?
То ли коня тебѣ жаль,
То ли сбруи златой?
Мнѣ не жаль коня добраго,
И не жаль мнѣ и сбруи златой,
Жаль мнѣ милаго дружка.
Я коды была маленькой—
Глупенькой слыла.
Я во плечекъ качалась,
Цыганка пришла.
Цыганка-ворожейка
За ручку брала.
Головушкой качала,
Качала, вѣдь, гадала,
Несчастною звала.
Несчастливая дѣвчонка,
Ты потонешь на водѣ;
Ты потонешь и ногинешь
Въ день свадьбы своей.
Ты поѣдешь, милъ, вѣнчаться,
Ты возьми меня съ собой.
Ужъ какъ я тебѣ, дѣвчонка,
Твоему горю помогу,
Черезъ спне я море
Калинѣ-мостикъ постелю,
Устелю я этотъ мостикъ
Все чугунными плитами,
Убью я эти плиты
Все желѣзными гвоздямъ.
Ты бѣги ко, добрый конь,
За тысячу веретъ;
Ты бѣги, не спотыкайся.
Дамъ я тебѣ, добрый конь,
Сто лозъ по бокамъ.
Выбѣгаетъ конь
На калиновый мостъ,
Сбѣжалъ конь—сподокнулъся,
Тутъ и дѣвушка упала
Во синее море.
Она просить изъ моря синяго:
Ужъ вы, стряпни и служанки,
Вы подайте мнѣ гусли и гитару:
Я въ гитару поиграю,

Всю кручину разнесу
И все горе разбью.

№ 121.

По Дону гуляет казакъ молодой,
Не одинъ казакъ гуляетъ—со то-
варищами.
Со товарищами-съ любой Сашинь-
кой,
Съ вострой сабелькой.
Изъ востры сабли огонь скрывалъ,
Огончикъ-отъ скрывалъ.
Ковыль-травоньку рвалъ,
На огонь-то се клалъ.
Разбухарскіе ковры разстилалъ,
Свои раночки приразвязывалъ.
Ужъ вы раны мои, раны,
Раны внутреннія
Ужъ вы раны мои, раны,
Раны къ сердцу подошли.
Передъ смертью то казакъ
Коню наказывалъ:
Ужъ ты конь, ты, мой конь,
Конь воронинькой,
Конь молодинькой,
Ты отбей ко чумбуръ шелковинькой,
Ужъ ты сбѣгай, конь
На батюшковъ тихой дворъ,
Ужъ ты скажи-ко, добрый конь,
Про мою-то смерть.
Прибѣгаетъ конь на широкой дворъ.
Тятинька встрѣчаетъ:
Конь ты мой, конь,
Конь воронинькой,
Гдѣ-ка сынъ то мой
Молодинькой?
Сынъ-то твой
За Кубанью рѣкой,
За Кубанью рѣкой
Родной тятинька—
Грובהа доска,
Родна мамонька—
Мать сыра земля.
Молода жена—
Востра сабелька.

№ 122.

(Скоро поется).

Погуляйте, погуляйте-ко, ребята,
Намъ не долго здѣсь гулять,—
Во Сибирь погонять насъ.
Намъ дороженька знакома.
На краю стоитъ кабакъ,—
Цѣловальникъ то знакомый.
Онъ изъ нашихъ, изъ крестьянъ,
Наливаетъ водки намъ.
Мы попросимъ его въ честь,
Онъ нальетъ намъ штофовъ шесть
Мы попросимъ то съ добра,
Онъ нальетъ намъ три ведра.
Мы канвойшичковъ напоимъ,
Канвойшички лягутъ спать;
Конвойшички лягутъ спать,
Мы дорожненьку искать.
Мы дорожки не нашли,
Мы заплакали-пошли.
Во Сарать-городъ зашли.
Сарать-городъ приволенъ,
На рѣкѣ стоитъ родной;
Тамъ живетъ народъ богатой.
Настоящій продувной,
Тамъ гуляетъ милый мой.
Полно, Ванька, баловать,
Съ долгохвостыми гулять;
Наживи-ко рублей пять,
Ты купи хорошу дрянъ.

№ 123.

Веселымъ веселехонько,
Въ полисадикѣ птички поютъ,
Тебѣ, молодцу. Вѣдь, честь воз-
даютъ,
Ретивому то сердечушку
Назолушку даютъ.
Кто-бы, кто-бы сиротину
Ночевать пустилъ?
Кто бы дворъ-то повычистилъ?
Подворотинку повызолотилъ?
У меня младой случилася бѣда—

Онъ и глазиномъ поводитъ,
Черны брови выдымаетъ,
На дворъ вызываетъ,
На дворъ, на дворець,
На новыя сини;
Есть во новыхъ то синяхъ
Много людей сидить;
Много, много людей сидить,
Все люди чужіе.
Стыдно, стыдно дѣвкѣ красной,
Пролились слезы изъ глазъ,
Появился въ лицѣ жаръ.
Шелъ мальчишка изъ канторы.
Висъ во драповымъ пальтѣ,
Во визиткѣ, въ пинджакѣ.
Вложилъ ручку въ карманъ.
Вынулъ бѣлинкой платокъ,
Началъ слезки вытирать.
Не плачь дѣвка, не плачь красна,
Не плачь розанька моя,
Возьму въ замужъ за себя.
У те тятинька богатой,
Я—способна голова,
Не пойду въ замужъ за тебя.

№ 127*)

Я ходила по крутымъ по берегамъ,
Я ловила свѣжу рыбу про себя.
Увидали ребятушки меня,
Насказали моей матушкѣ родной.
Моя матушка не ласковая,
Посылала туды—сюды меня,

Посылала во веселый въ огородъ.
Посылала канустку полоть.
Я поля, поля, понапываю,
Я на солнышко поглядываю,
Изъ туману не видно его.
Приѣзжаетъ изъ-за моря купецъ,
Онъ привозитъ мнѣ матерья ко-
нецъ;

Мнѣ матерья глянется,
Цѣловать купца не хочется.
Къ нему сердце не воротится.
Было подъ мостомъ, мостомъ—
Разыгрался баранъ съ козломъ,
Размутилася вода съ пескомъ.
Ишшо эта вода—не вода,
Во Ирбитѣ вода дорога.
Во Исеть**) рыба безъ костей,
Что пропалъ мой милой безъ вѣсти.
Ужъ ты люли, поскотинка,
Ужъ ты люли, широки ворота.
Не бывали Сычевски писаря.
Писаря были помошнички.
Некрута были наемшички;
Пропилися, прогулялися,
За едно горе хваталися;
Кошелями обмоталися,
Всю деревню наскрозъ прошли.
Пестерюшечку***) янцъ нашли.
Люди баютъ, пестерюшка небольшая,
Насчитали сто четыре яйца;
Ужъ мы сица продали.
Да полштофчика выпили.
У милого на бережкѣ весело.

6. Пѣсни, записанныя А. В. Жилинской въ дер. Луговой.

№ 128.

Пошла въ сини съ гарасиномъ,—
Гарасинничекъ угасъ,
Милой тянетъ за дубасъ:
Не ходи въ дубасъ,

Въ бардонвичкѣ басѣ.
Бардонникъ не дошить,
Безъ прошивочекъ лежатъ;
Не дошиты рукава—
Не хватило нитокъ,
Плюсоушка не дошита—

*) Сравни вариантъ № 47. Ред.
**) Притокъ р. Тобола.
***) Пестерь, пестерюшка—корзинка.

Не хватило шелку.
Хотѣлъ милой посмѣяться —
Не хватило толку.

№ 129.

(Поется скоро.)

Потерялся милой мой
На недѣль Оуминой.
Послѣ Пасхи на второй
Стали розыски писать, —
Надо милова искать.
Что нашлся милой мой
По покровкѣ*) имянной,
По рубашкѣ бардовой, —
Рукавешка не по модѣ;
Прикажите, весь народъ,
Рукавешка отпороть.

№ 130.

(Проюлосная).

Фартовая —
Изъ трехъ любишь котораго.
Припалъ на грудь
Головушкой,
Смочилъ платокъ онъ
Бѣлинкой, полотняной.
Я тѣмъ слезамъ
Не вирила, смѣялася, —
На то сказать,
Что богъ съ тобой,
Нейдешь со мной
На ямщицкій дворъ,
Въ конюшенку.
Онъ бралъ узду
Тяженую,
Схватилъ коня
Воронаго
Сѣдла коня сѣдломъ,
Черкасское, солдатское,

Солдатское со стремянами.
Отправлялся въ путь-дороженьку,
Въ чужу страну
Незнамую, въ незнакомую,
Въ чужой странѣ
Коротать вѣкъ,
Коротать вѣкъ
Въ 16-ть лѣтъ,
Въ разлукѣ жить —
Мудренымъ быть,
Коротать вѣкъ
Въ шестнадцать лѣтъ,
Въ разлукѣ жить,
На царя служить

№ 131.

На поминочекъ милой оставить
Съ руки перстень именной.
День на рученькѣ носила,
Къ ночь въ голову клала.
Соболино тепло одѣяло
Не согрѣетъ бѣлу грудь.
По утру ранѣшенько вставала —
Уливалася слезамъ;
Двѣ пуховыя подушки
Уливала Машинька слезамъ.
Кабы были свичи воскояровы,
Я бы крылышка слила.
Сливъ сослѣвивши златы крылья,
Полечу къ милому въ садъ.
Ко садочку прилетала —
Ей навстрѣчу милой свой:
Здравствуй, Машенька, худая,
Знать, хворала безъ меня?
«Нисколь, Ванюша, не хворала —
«Тосковала по тибѣ.
— Нисколь, Машинька, не ври.
«Нисколь, Ванюшка, не вру,
«Всю я правду говорю.

Записана въ дер. Россей, Ма-
райской вол.

*) Покровка — поясъ. Ред.

7. Пѣсни, записанныя Е. В. Адриановой*) въ с. Падеринскомъ той же волости.

№ 132.

Ахъ вы, ночи мои,
Ночи темныя,
Разосенныя.
Надоѣли мнѣ ночи.
Надоскучили,
Со милымъ дружкой
Меня разлучили.
Всѣ я ноченьки
Млада просидѣла,
Всѣ я думушки
Передумала.
Мнѣ одна-то
Съ ума нейдетъ.
Съ крѣпкаго разума;
Я сама, вѣдь, дѣвка
Глухо сдѣлала,
Дружка распогнѣвала.
Назвала дружка
Горькой пьяницей.
Проторилъ мой миленькой
Дороженьку-путь широкую,
Пропустилъ мой милый
Худу славушку про меня-то.
Про душу красну дѣвицу.
Милъ въ кабакъ идетъ,
Да не шатается.
А изъ кабака идетъ—шатается,
Вострой сабелькой подширается.
Востра сабелька гнется-погибается,
А онъ мной-то, красной дѣвкой.
Похваляется.

№ 133.

Проходи-ко скушное время поскоря,
Протескайте-ко всѣ часы, минуты,
Разминуты—злые люты дни.
Подъ окошечкомъ бѣдная дѣвченка
Призадумавшись сидитъ;
Сама плачетъ

И въ слезахъ рѣчи говорить:
Долго-ль, долго-ль сердцу сокру-
шаться,
Долго-ли я буду дѣвушка страждать;
Ково думала-гадала,
Знать, во вѣки тово не видать.

№ 134.

Веселитесь всѣ мои подружки,
Намъ весна скоро придетъ;
Весна придетъ,
Солнышко взойдетъ;
Сгонить снѣжки,
Съ поля весь морозъ.
Разцвѣтутъ то въ полѣ цвѣточки,
Всѣ ракитовы въ полѣ куста.
Промежу-то двумя кусточками
Быстрая рѣчка протекла.
На ту рѣчушку, на ту быстру
Гулять съ милымъ выхожу,
Печаль я горе свое выношу.
Унеси-ко ты, быстрая рѣчушка,
Мое горюшко съ собой,
Да подь своей тихой волной.
Мое горюшко быстрая рѣчушка
Не примать,
Ко бережку мое горюшко
Быстра рѣчка прижимать.

№ 135**).

На зорѣ было, на зоринькѣ,
На зорѣ было на утренней,
Дояла Маша коровушку,
Сквозь платочекъ молочко
Цѣдила, процѣдила,
Душу Ваню поила.
Поила, уговаривала:
Не женись, не женись
Душа-Ванюшка,

*) Евгенія Васильевна Адрианова—младшая изъ сестеръ А. В. Адрианова. Ред.

**) Ср. вариантъ подъ № 112. Ред.

Ужъ ты женишься—спокаешься,
Съ молодой женой намаешься,
По квартирамъ намотаешься,
Съ малыми дѣтками намаешься,
Ты не знаешь, куда голову при-
клонить.

Приклони.тъ Ваня головушку
На чужу-дальню сторонущу,
Между дѣвокъ, между бабъ моло-
дыхъ,
Между вдовушекъ-сиротушекъ.

№ 136.

Мой аленькой цвѣточикъ
Отъ солнышка появля,тъ
Мой миленькой дружокъ
Любилъ, да пересталъ.
Какъ сильной въ полѣ вѣтеръ
Одно свое твердить.
Не разъ я говорила,
Не два, голубчикъ мой,
Оставь свою досаду,
Побудь хоть часъ со мной.
Сказалъ, не возвращуся,
Не буду больше твой.
Кака я уродилась,
Несчастная выросла,
Въ измѣнщица влюбилась,
Въ тирана молодца.
Тиранъ ты мой, мучитель,
Зачѣмъ мучишь меня?
Я мучаюсь, страдаю,
Сама знаю по комъ,
Сама про то я знаю.
Не люди—про меня.

№ 137.

Саша, Маша,
Радость наша,
Приуныла безъ меня.
За неволю приуныла,
Много горя у меня есть кручины—
Любезнаго вѣтъ въ очахъ.

Гдѣ я милова увижу,
Въ очи ясны погляжу,
Въ очи ясны, во прекрасны
Развеселые глаза;
Влюбилась, ввѣрилась,
Только онъ меня забылъ;
Онъ забыть-то не забылъ,
Да злымъ несчастьемъ надѣлилъ;
Онъ такимъ большимъ несчастьемъ—
Не могу съ горя ходить,
Съ горя ноженьки мои не носить
Очи на свѣтъ не глядеть.
Мнѣ подружки говорили:
Полно, глупая, тужить,
Полно глупа, неразумна,
Милъ готовъ Сашу любить.
Пуškai люди Сашу любить,
Я на свѣтъ никого.

№ 138.

Разосенни комарочки-пискунки,
Не дають мнѣ, младенкой, ночки
спать.
На разсвѣтъ чуть заснула я. млада,
Мнѣ привидѣлся пріятель сонъ во-
снѣ,
Будто мой милой по горенкѣ про-
шелъ,
Ко тесовой кроваткѣ подошелъ;
Онъ раздернулъ шитой браной по-
ложекъ,
На мое лицо прелестно посмотрѣлъ,
Сказалъ: Сашенька! пойдѣмъ въ са-
дикъ гулять.
Нѣтъ, не отпустить меня братецъ
погулять.
Я закажу дружку, велю братца
поймать,
Среди пути-дорожки растерзать,
Дороги его товары разбросать;
Мы тогда съ тобой пойдѣмъ въ са-
дикъ гулять,
Мы сорвѣмъ съ травы лазоревой
цвѣтокъ,

Мы завяжемъ его въ саржевой
платокъ,
Черезъ три часа посмотримъ на
цвѣтокъ,
Ишшо вянетъ-ли, не вянетъ,
Ишшо любить-ли, не любить милой.

№ 139*).

Седни день суббота,
Завтра праздникъ воскресенье.
Маша радостна была,
За калиной въ лѣсъ пошла.
Я калины валомала,
Черныхъ ягодъ набрала,
Изъ лѣсочку вонъ пошла
На большую на дорожку,
На сибирской большой трактъ.
На этомъ на тракту
Стоялъ новой, большой домъ;
Въ этомъ во домъ
Соловей-птица сидитъ;
Соловейко маленькой,
Голосочекъ важенькой.
Ты не пойко-ко, соловей,
Утромъ рано на зорѣ,
Не давай тоску на золу
Сердечушку моему;
Безъ того мое сердце
Два разъ ныло по тебѣ,
По тебѣ, любезный мой.

№ 140.

Ваня бѣлой, кудреватой,
Холостъ, не женатой.
Ваня въ дѣвушку влюбился—
Въ солдатики сгодился.
Я солдатчины не боюся,
Золотой казной откуплюся.
Золота казна не помога,
Ванюшкѣ путь-дорога
И торпа ему.

№ 141**).

Изъ за сльничку, березничку,
Изъ за горькова осинничку
Выбѣгала конь-добра лошадь
Воронинька,
Воронинька—виноходинька,
Виноходинька—молодинька.
Я забылъ коню показывать,
Во сиву гриву навязывать,
Ко сѣделку приговаривать:
Ты не пей, не пей Дунай-рѣку,—
На Дунаѣ дѣвка мылася,
Мылася—бѣлилася,
Набѣлилася—уплакалась,
Жалобу творить на батюшка,
На родимую на матушку:
Не за ровню меня замужъ отдають,
Не за ровнюшку—
За така плута-разбойничка,
За такова бездомовника;
Онъ со вечера коня поилъ,
Со полуночи въ разбой ушелъ,
Ко бѣду свѣту домой пришелъ.
Ты жена ли, моя женушка,
Отпирай, жена, воротичка,
Пропустиай коня злеченаго,
Не злеченаго поченаго,
Коня тестя отъ милова
Отъ шурина любимова.
Мы со шуриномъ съѣзжались,
Топорами зарубались,
Вострыми саблями застѣкались.

№ 142.

Я вечеръ млада во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ,
Не у батюшки, не у матушки,
Я была, млада, у мила друга.
Я не медъ пила, и не патоку,
Я пила, млада, все наливочку, и
вишнебочку,
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,

*) Ср. варианты подъ №№ 30, 52 и 92. Ред.

**) См. вариантъ подъ № 48. Ред.

Я пила, млада, изъ полуведра,
Черезъ край до дна.
Я домой пошла—не шаталася,
Ужъ я полемъ шла—не валялася,
Ко двору пришла—пошатнулася,
За веревушку сохваталася.
Веревя-сь моя, ты, веревушка,
Содержи меня, бабу пьяную,
Бабу пьяную, безпомощную,
Не увидѣлъ бы свекоръ-батушко,
Не сказалъ бы онъ сыну своему,
Сыну своему, мужу моему.
А ужъ мой-то мужъ горькій пья-
ница.

Онъ вина не пьетъ,
Съ воды пьянъ живеть,

Надо мной, молодой,
Онъ ломается.
У меня-ль, молодой,
Въ домѣ убрано.
Ложки вымыла—
Въ кашу вылила;
Чашки вымыла—
Во щи вылила;
Порогъ вымыла—
Въ горохъ вылила,
Косячки скребла—
Пирогъ некла.

*№ 142 запис. въ с. Чернав-
скомъ той же вол., Курганскаго
уѣзда.*

В. Пѣсни, записанныя Е. В. Адриановой въ с. Самаровскомъ, Тобольскаго округа.

№ 143.

Вылеталъ голубокъ
Изъ чистаго поля,
Увидала дѣвица
Изъ высокаго терема:
Кабы этотъ голубокъ,
Да ко мнѣ въ теремокъ;
Кабы эта же голубушка
Жена моя была,
Я бы золотомъ усяялъ,
Жемчугомъ бы унизалъ.
Кладу голубя на ручку—
Не ластится;
На другую переброшу—
Не ворохнется;
Сизъ голубчикъ дорогой,
Полетай голубъ домой.
Голубчикъ взворковать,
Голубушку цѣловалъ;
Голубушка взворковала
Голубочка цѣловала.
Поцѣлуй-ко, дѣвица,
Поцѣлуй, красавица!

№ 144.

На горахъ высоко,
Въ чистомъ полѣ далеко,
Гуляли мы со миленькимъ
Въ зеленомъ саду,
Сорвали со хорошенькимъ
По яблочку;
Разрушали,
Вмѣстѣ скушали;
Сошлись, поклонились,
Поздоровались;
Здорова, черноброва,
Здравствуй, ягода моя,
Поцѣлуй, радость меня.

№ 145.

Во саду-ли, въ огородѣ,
Дѣвица гуляла,
Она правою рукою
Цвѣтики срывала,
Она лѣвою рукою
Друга приманяла.
Выйди, выйди, мой любезный,

Со мной погулять,—
 Мнѣ наскучило одной
 Цвѣтики собирать.
 Радъ-бы, душечка, ходилъ,
 Вы меня не любите.
 Я люблю васъ всей душой,
 Вы еще не вѣрите.
 Вѣрю, вѣрю быть скромнѣе
 Я васъ сожалею,
 За любовь вашу другую
 Три разъ поцѣлю.

№ 146.

Не стой, Ваня, у окошка,
 Иди, Ваня, въ хату,
 Я скажу тебѣ словечко,
 Какъ родному брату:
 Трубки, водки не курить,
 Табаку не нюхать,
 Чужихъ женъ не любить,
 Свою почитать,
 Свою почитать—
 Три разъ цѣловать.

№ 147.

Какъ къ обѣднѣ звоняють,
 Чернецъ идетъ въ кабакъ,
 Свою рясу пропиваетъ,
 Каблукъ закладываетъ;
 Цѣловальникъ не примать,
 Чернеца въ шею толкать:
 Поди прочь, каланчей,
 Не велитъ пить казначей.
 Чѣмъ въ келью пдти,
 Лучше въ рощу зайти.
 Дѣвки въ рощѣ грибы брали,
 Чернеца въ глазъ не видали,
 Доходили до конца —
 Увидали чернеца.
 Дѣвки пѣсенку запѣли,
 Чернецу плясать велѣли.

*) См. вариантъ подъ № 78. Ред.

Чернецъ съ ножки на ножку пос-
 какиваетъ,
 Про свое житѣ монашеско разска-
 зываетъ:
 Не дай, боже, не дай, боже,
 Молодому въ старцахъ житѣ
 Лучше, лучше красныхъ дѣвушекъ
 любить.

№ 148.

Ишшо по сѣнямъ сѣничкамъ,
 По частымъ переходичкамъ
 Тутъ ужъ ходила-гуляла
 Молода жена-барыня,
 Она будила-разбуживала
 Своего друга милова,
 Что встань, пробудись,
 Моя надежинька,
 Оторвался нашь добрый конь отъ
 столба,

Столба дубоваго,
 Отъ колечка красного золота.
 Онъ повытопталъ зеленъ садъ
 Со калиною, со малиною,
 Съ черной ягодою съ смородиной.
 Ты не плачь, моя умная,
 Не тужи, моя разумная.
 Наживемъ мы съ тобой зелено,
 Со калиною, съ малиною,
 Съ черной ягодою смородиной.

№ 149*).

Ты шкатулка, шкатулка моя.
 Ты шкатулка повоточеная;
 Серебряная позолоченая!
 Я давно въ тебя не хаживала.
 Цвѣтнаго платья я не сматривала;
 Обронила трои золоты ключи
 Я на розовой на ленточкѣ.
 На фарфоровой тарелочкѣ.
 Кто бы, кто бы эти ключики на-
 шелъ,

За того бы я замужъ пошла.
Находилъ одинъ удалый молодецъ.
Я ключамъ обрадовалася,
Съ молодцомъ поцѣловалася.

№ 150.

У моего милого есть коричневый
кафтанъ,
Русы кудри по плечамъ;
По плечамъ кудри лежать,
Ровно жаръ, они горять,
Развиватися хотять.
Русы кудри развивались,
Всѣ дѣвицы любовались,
Всѣ дѣвицы полюбовались,
Поцѣловались,

№ 151.

Грушица, грушица зеленая,
Подъ грушицей дѣвица сидить,
Сама слезны рѣчи говорить:
Ужъ нонче такіа времена—
Сушать-крушать хороши мужья.
Я пойду въ зеленый садъ гулять,
Сорву со розы цвѣтокъ,
Завью на милого вѣнокъ;
Со вѣночкомъ на крутенькій бере-
жокъ,
На крутенькій, на желтенькій на
песокъ,
Брошу вѣночикъ на воду,
Сама, млада, подальше отойду,
Издалече на вѣночекъ погляжу—
Тонетъ-не тонетъ мой вѣнокъ;
Вижу—вѣночекъ потонулъ,
Знать, милой иную полюбилъ.

№ 152.

Не воркуй, голубокъ, желобненько,
Безъ того моему сердцу тошне-
шенько.

Что тошнымъ-тошно—
Не бывалъ милой давно,
Мнѣ сказала про милова,
Будьто нѣтъ его живова,
А вечоръ милой мой
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Громко-звонко просвистѣлъ,
На окошко поглядѣлъ.
На моемъ окошкѣ лежала примѣтка,
Лежала така примѣтка—
Съ винограду вѣтка;
Виноградничекъ созрѣлъ,
Цѣловать дѣвку поспѣлъ.

№ 153.

Еще что это за шоголь
Трехъ дѣвушекъ любить,—
Сашу во Казань,
Машу во Сибирь,
Анюшеньку раздушеньку
Въ ближнемъ городочкѣ.
Куплю этимъ дѣвицамъ
Всѣмъ я по подарочку:
Куплю Сашѣ алу ленту,
Машѣ—голубую,
Анюшенькѣ раздушенькѣ
Золото колечко,
Золото рѣзно колечко,
Тамъ мое сердечко.
Бого люблю—того поцѣлую,
Раззоленымъ колечкомъ подарю.

№ 154.

Я поѣмъ лебеду не берегу,
Уродись лебеда въ три ряда.
У кого будетъ головушка гладка,
За того бы я замужъ пошла,
Цѣловала, миловала бы его.
Ишшо дѣтки осердятся,
На печѣ въ углу зачернятся.
Онѣ мыломъ умывались,
Полотенцемъ утирались.

На лавочкѣ узко спать,
 Подъ лавочкой душно лежать,
 На полу-то раскатисто,
 На порогѣ-то ухабисто,
 На печѣ горячо-горячо,
 На полатахъ скрипучо-скрипучо.
 На полатахъ жеребенка перепелка
 принесла,
 На печѣ пѣтухъ обьягнулся,
 Сковородникъ нарумянился;
 Клюка-то вокругъ пошла,
 Лопата заприщивала
 Помело-то заприщивало.
 Ухватъ прискочилъ, прискочилъ,
 Всѣ дѣла-то разсудилъ, разсудилъ.

№ 155.

Идетъ дѣвка, идетъ дѣвка семи-
 лѣтка,
 За ней парень, за ней парень былъ
 кудрявъ.
 Кричить дѣвкѣ, кричить дѣвкѣ-се-
 милеткѣ,
 Постой дѣвка, постой дѣвка-семилѣт-
 ка.
 Загану тебѣ загадку:
 Чего ростеть, чего ростеть безъ ко-
 реній;
 Чево цвѣтеть, чево цвѣтеть безъ
 нацвѣту;
 Чего шумить, чего шумить безъ на-
 вѣтру;
 Изволь, душа, отгадать.
 Ростеть камень, ростеть камень безъ
 кореній,
 Цвѣтеть сосна безъ нацвѣту,
 Шумить Волга безъ навѣтру—
 Цѣлуй дѣвку-семилѣтку.

№ 156.

За рѣченькой дымъ, дымъ,
 За быстрою дымъ, дымъ;

*) Разоболкать—раздѣвать; оболкать—одѣвать. Ред.

Тамъ огни-то горять,
 Тамъ котлы-то кипятъ,
 Дѣвки пиво варять—
 Пивоварничаютъ,
 Самоварничаютъ.
 Иишо кто у насъ
 По бережку похаживаетъ,
 Иишо кто у насъ
 По крутому погуливаетъ.
 Ходить по бережку Иванушко,
 Ходить по крутому Васильевичъ,
 Будить молоду жену свою:
 Встань-ко, встань, Надинька,
 Встань-ко, встань, Васильевна.
 Хочу—встану, хочу—нѣтъ,
 Хочу—пойду, хочу—нѣтъ,
 Ночь темна—не мѣсешна,
 Зоря холодна—не ведренна.
 Во полѣ пташки не весело поють,
 Въ городѣ макъ не весь разцвѣтъ,
 Молодецъ съ дѣвницей разгулялся,
 По три раза цѣловался.

№ 157.

Иишо што было во нынѣшнемъ го-
 ду,
 Уродился виноградъ во саду.
 Розудалый добрый молодецъ.
 Онъ садился подъ розовой кустокъ,
 Срымалъ съ розы алыи цвѣтокъ.
 Онъ цвѣточку любитъся,
 Красотѣ своей дивуется.
 Ужъ я былъ во городѣ Москвѣ,
 Не нашель я невѣсты по себѣ.
 А завтра во нарядѣ наряжусь,
 Во соборъ схожу. Богу помолюсь,—
 Ужъ не дасть-ли мнѣ Господи
 Молодую жену—ключницу,
 Свѣтъ-Надежду Васильевну.
 Я заставлю ее раздѣвать—разболо-
 кать*),
 Часты пуговки разстегивать.

№ 158.

За рѣчинькой черемошникъ,
За быстрой лотовошникъ.
Кто у насъ перевозшникъ,
Ково у насъ перевозить?
Онъ Вариньку переносить.
Варинька, ты садися,
За пуговики держися,
За пуговики золотыя,
За петельки ременные,
Три-та-та, три-та-та,
Ему Таня хороша,
Ему Варинька мила,
Поцѣлуешь три раза.

№ 159.

Горенка, горенка новинькая,
Во горницѣ печка муравленая,
Печурочки позолоченныя.
Полно, не полно полно
По горенкѣ ходить;
Брошу, перестану
По миленькомъ тужить.
Самъ милой придетъ,
За праву руку возьметъ,
За правую, за лѣвую,
По горницѣ проведетъ,
По горницѣ проведетъ,
Поцѣлуешь, да уйдетъ.

№ 160.

Какъ на крышечкѣ воробей.
Онъ сидѣлъ чувыркалъ;
Изъ окошечекъ, изъ дверей
Мальчикъ дѣвку кликалъ.
Выйди, дѣвушка, выйди, свѣтъ,
Ко мнѣ за ворота;
Вашей маменьки дома нѣтъ—
Некого бояться.
Съиздалечинька увидать
Барышню въ салонѣ.
Не угодно-ли, сударыня,

Мнѣ васъ проводить?

Прочимъ, вамъ дороженька
Ни туда ходити;
Прочимъ какъ ходити,
Что у польскихъ у воротъ
Стоитъ тройка коней;
Къ калиточкѣ подходилъ дворникъ,
Подай блюдичко, подай тазъ,
Бѣло полотенце—
Съ горя утереться.

№ 161.

Мимо садику дороженька торнѣ.
Ишшо кто эту дорогу проторилъ?
Молодой парень ко дѣвицѣ ходилъ.
Онъ не такъ ходилъ, подарочки но-
силъ—

Много золота, много серебра,
Шаль персидскую на правомъ на
плечѣ.

Ты не чувствуешь любви ника-
кой,—

Какова любовь на свѣтѣ тяжела,
Тяжела любовь, слезами облита.

Подойди-ко къ ней, ко красной дѣ-
вицѣ душѣ,

Поцѣлуй ее, красну дѣвицу-душу.

№ 162.

Не въ высокимъ терему
Шибко, громко говорятъ.
Шибко, громко говорятъ—
Отецъ-мать дочку бравятъ.
Ужъ ты, черной смугловатъ,
Поди въ уголъ головой;
Бѣлой кудриватъ,
Поди къ Катѣ на кровать.
У Катюшки подушки
Пуховыя лежатъ;
На каждой подушкѣ
По молодцу сидятъ.
И Ванюшки, Петрушки,
Васильюшки, дружки!

Васильюшки-дружки
Во походъ скоро пошли,
Во походъ, во заводъ;
Во походъ, во заводъ
Золоту руду копать
Золоту руду копать,
Красныхъ дѣвокъ цѣловать.

№ 163.

Лѣтъ семнадцати дѣвчечка
Полюбила молодца.
Въ 19 лѣтъ пришло разставаньицо.
Не миль бѣлой свѣтъ,
Не миль, не милешинекъ,
Не мать, не отецъ.
Куды я не пойду,
Все дорожки нѣтъ.
Взглянула подъ ножиньки—
Дорожка лежитъ.
По этой дорожинькѣ
Мой милой бѣжить,
Въ коляскѣ сидить,
Въ этой разколясонькѣ
Мой милой сидить.
Скричала Сашуточка:
Мой милой, постой!
Радъ бы постоять,
Кони не стоятъ;
Кучера палетуры
Не могутъ держать.
Куда я не пойду,
Все дорожки нѣтъ.
Заплакалась Сашинька,
Въ темной лѣсѣ пошла.
Шолковая травонька
Ноженъки сплетаетъ,
Лавровые листочки
Въ глазоньки летять.

№ 164.

Хоть ты бабка,
Хоть отгадка,
Отгадай, чѣмъ болѣнъ я?

Вечоръ былъ я на канпанѣ,—
Мальчикъ дѣвушку стыдилъ.
Дѣвчоночкѣ стало стыдно,
Пролились слезы изъ глазъ;
Парню дѣвку стало жалко,
Вынулъ бѣлинькой платокъ,
Сталъ онъ слезы утирать.
«Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,,
«Возьму замужъ за себя.
— «У те тятинька богатой,
«А мы въ бѣдности живемъ;
«У те мамонька богата,
«А мы въ бѣдности живемъ;
«У те братья лиходѣи—
«Не отпустятъ погулять;
«У те сестры лиходѣйки—
«Не отпустятъ погулять.

№ 165.

Приходилъ ко мнѣ дѣтина,
Приносилъ денегъ не мало—
Двадцать пять рублей въ карма
На первую пару холю.
На другую галенгору,
На шеюшку шаль бухарску,
На головушку платокъ,—
Поцѣлую разъ пятокъ.

№ 166.

Шелъ Ванюшка долиной,
Шелъ вечернею зарей,
Утренней росой.
Шла Машутка изъ садочка,
Несла въ ручкѣ два вѣночка,
Съ вѣнкомъ говорить,
Пастушка манить:
«Ужъ ты, пастухъ, пастушокъ,
Мишенькой дружокъ,
Не спокинь меня!
Если Машиньку спокинешь—
Вспоменѣшь меня—
Жить безъ Маршенъки погивешь.
Онъ туды-суды,

Пастухъ бросался,
Домой поспѣшалъ,
Своей женкѣ навѣшпалъ:
Жена моя, хозяйка,
Жена вѣрная служанка,
Не жди ночевать.
Меня звали, почитали,
На всю ночь гулять,
Не во тѣ луга зелены,
Гдѣ пастухъ насетъ.
А (гдѣ) Маршинька ждетъ.
Марша дожидалась,
Подъ ракитовъ кустъ бросалась—
Пусть милой пройдетъ,
Сестры за гульбою,
Братья за стрѣльбою.

№ 167.

Какъ подѣ яблоню кудрявой,
Юдѣ кудрявой-зеленой,
Юдѣ молодецъ такой,
Держалъ гусли подѣ полою,
Подѣ правою стороною.
Вы разыграйте гусли-мысли,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитбу про мою,
Какъ женила молодца
Чужа-дальня сторона,
Чужа-дальняя сторонка,
Макарьевска ярмарка.
Какъ на этой ярмаркѣ
Сочинился шумъ большой,
Что большой-большой,
Да не маленькой.
У Сафрона, у купца
Потерялася дочка,
Что любимая дочка,
Да Евгеньюшка.
И искали ту потерю
По всѣмъ по домамъ,
По трактирамъ, деревнямъ.
Какъ нашли эту потерю
У Антона во дворѣ,
Въ новой банѣ на полкѣ,

Въ бѣлой банѣ на полкѣ;
Призавита въ уголкѣ
Ее буйная головка
Вся растрепанная,
Черепихова гребеночка
Изломанная,
Ее цвѣтное платье
Все изорванное,
Ее ботиночки
Подѣ лавочкой лежать.
«Эка шельма, моя дочь,
Зачѣмъ ѣхала въ полночь?
Уѣхала съ молодцомъ
Съ Чистяковымъ подлецомъ».
Чистяковъ паренъ удалъ—
Онъ на тройкѣ подѣзжалъ,
Онъ на троицкѣ подѣхалъ
И Евгеньюшку увезъ.—

№ 168.

За Кубанью рѣкой
Тамъ казакъ гулялъ,
Казакъ молоденькой;
Не одинъ гулялъ—
Съ милой Сашенькой:
Съ милой Сашенькой гулялъ—
Съ вострой сабелькой,
Ковыль-травоньку рвалъ,
На огонь ее клалъ—
Прираскладывалъ.
Ужъ вы, раны мои,
Раны тяжолыя,
Тяжелымъ-тяжело
Къ ретиву сердцу пришли,
Онѣ кровью изопли;
Ужъ ты конь, ты, мой конь,
Гдѣ хозяинъ-то твой;
Побѣгай ты, мой конь,
По дороженькѣ вдоль,
Ко новымъ воротамъ,
Ко рѣшечетымъ.
Конь убитый лежитъ.
Весь израненный.

№ 169.

Покатились двои санки,
Повезли Ваню въ Рязанки,
Во Рязановску губерню;
Становили во станочикъ.
Говорили въ голосочикъ:
Вы подайте бритву, гребень.
Ванѣ бѣло полотенце—
Ванѣ съ горя утереться.
Ваня съ горя утирался,
По три раза цѣловался.

№ 170.

Изъ-за лѣсу, перелѣсу
Летѣлъ голубь связъ-косатой,
Полосатой.
Несетъ вѣстку про невѣтку,
Про Дуняшу, вдову нашу:
Вечоръ Дуню больно били.
Больно били, говорили:
Броси Дуня гульбу-волю,
Брошу-кину—не покину,
Войду въ рощу-разгуляюсь
Со миленькимъ повидаясь.
Я видалась, цѣловалась.

№ 171.

Отъѣзжаетъ милой
Прочь изъ виду, долой;
Отъѣзжаетъ, оставляетъ
Меня, горьку, одною.
Во слезахъ дружка просила—
Хоть немножко поживемъ.
Хоть немножко-немаленько,
Единъ годичекъ со мной;
Хоть годокъ, хоть часокъ,
Едною минуту.
Радъ бы, душенька, пожить,
Радъ бы душу положить,—
Не велятъ тебя любить,
Велятъ бросить, позабыть.

Ужъ когда я умру,
На бумажкѣ напишу,
Всѣмъ подружкамъ расскажу:
Ужъ вы, милыя подруженьки,
Не дѣлайте того,
Вы не дѣлайте того,
Не влюбайтесь не въ кого.
Я влюбилась въ одного,
Пострадала за него.
Я страдала, цѣловала,
Миловала бы его.

№ 172.

Со невѣрною сторонки
Вѣтеръ подуваетъ;
Дуетъ, дуетъ вѣтерочикъ
Съ зеленого саду.
Во зелененькомъ садочкѣ
Доброй конь гуляетъ;
Конь-отъ роду не простова,
Казака донскаго.
Ко коню казакъ подходитъ,
Коня улаждаетъ;
На коня казакъ садился—
Шевелилъ уздою;
Шоркнулъ*) коня подъ бочинька:
Ты бѣги-ко, конь вороной,
Бѣги, торопися;
Противъ Саши, противъ Маши
Конь остановился.
У Сашиньки, у Машиньки
Стоялъ домикъ не веселой,
Стоялъ домикъ не веселой—
Ставнечки скрыты,
Окошечки биты.
Не окошки были биты,
Створки растворены.
Зашелъ милой въ горницу,
Взялъ себѣ скрипицу;
Скриночку играетъ,
Сашу разбуждаетъ.

*) Шоркать—тереть; шоркнуть—ударить. Ред.

№ 173.

Сѣдни день суббота—
Дѣвки бросили работу
Грянули въ кабакъ.
Въ кабакъ-то стариченко,
Распощенный мужиченко,
Распощенный мужиченко,—
Водку разносилъ;
Ротъ разинулъ—дивовался,
Подбѣгалъ къ дѣвкѣ—боялся,
Три разъ цѣловался.

№ 174.

Молодинькой Ванюшка
Веселинькой былъ,
Военную службу
До страсти любилъ.
Онъ дожилъ-не дожилъ
До чернаго дня.
Сказали капралу—
Ванюшинька пьянъ.
Не вдругъ постучался

Капралу въ двери.
Однежды съ ученья
Гостей уводилъ,—
Пожалуйте, сударь,
Къ росчету людей,
Къ росчету, къ разводу
Всю роту вести.
Посадили Ванюшку
Въ темницу сидѣть
И въ рѣшотку глядѣть.
Скучно, скучно Ванъ
Въ темницѣ сидѣть!
Мнѣ того было скучнѣе—
Радителей нѣтъ.
Въ темницѣ сидѣть
И въ рѣшетку глядѣть
Мнѣ того было скучнѣе—
Товарищей нѣтъ.
Скучно, скучно Ванъ
Въ темницѣ сидѣть
И въ рѣшетку глядѣть,
Мнѣ того было скучнѣе—
Мамзели здѣсь нѣтъ.

